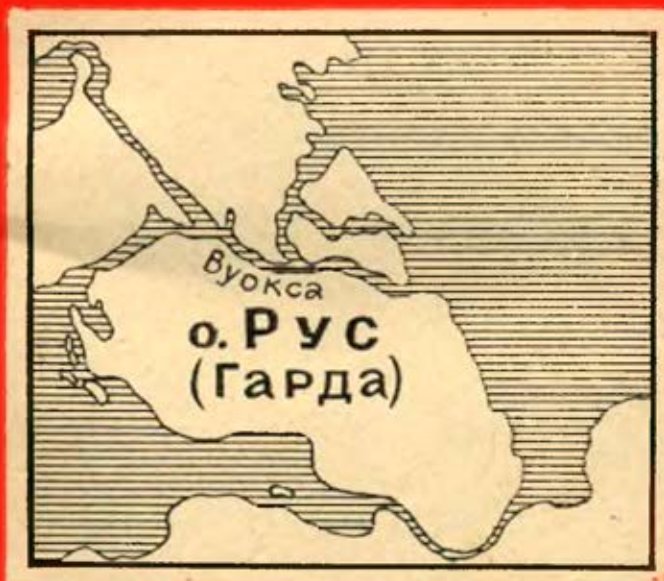

В. И. Паранин

Историческая география летописной Руси

В. И. Паранин

Историческая география летописной Руси

**Петрозаводск «Карелия»
1990**

*Издание осуществлено за счёт средств автора,
в авторской редакции*

Паранин В. И.

П18 Историческая география летописной Руси. —
Петрозаводск: Карелия, 1990. — 152 с.
ISBN 5-7545-0409-8

В монографии кандидата географических наук В. И. Паранина дана принципиально новая трактовка зарождения Древнерусского государства — впервые его возникновение рассматривается как результат политических и экономических процессов международного масштаба. На основе лингвистических, топонимических, антропологических, археологических и фольклорных данных также впервые доказывается местное, а не чужеземное происхождение Руси, которая входила в круг прибалтийско-финских народов, испокон веков проживавших на севере Восточной Европы.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории.

П 0502000000—040
М127(03)—90 без объявл.

63.2

ISBN 5-7545-0409-8

© В. И. Паранин, 1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	4
Введение	5
Глава I. Методологические основы нового подхода к истории Древней Руси	14
Глава II. Территориальные системы и наименование их компонентов	34
Глава III. «Глобальная топонимика» и локализация Руси	50
Глава IV. Всемирно-исторические предпосылки зарождения Древнерусского государства	75
Глава V. География формирования Древней Руси	99
Глава VI. Русь и корела	118
Заключение	149

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.	английский	мр.-г.	марийский-горный
бол.	болгарский	мр.-л.	марийский-луговой
в.	венгерский	мс.	мансийский
в.-мс.	верхне-мансийский	нем.	немецкий
герм.	германский	норв.	норвежский
гр.	греческий	п.-фин.	прибалтийско-финский
диал.	диалект	рум.	румынский
др.-евр.	древне-еврейский	рус.	русский
др.-егип.	древне-египетский	с.	саамский
др.-исл.	древне-исландский	санскр.	санскрит
др.-рус.	древне-русский	с.-хор.	сербско-хорватский
ит.	итальянский	у.	удмуртский
к.	коми	укр.	украинский
к.-э.	коми-зырянский	ф.	финский
к.-п.	коми-пермяцкий	х.	хантыйский
кар.	карельский	чеш.	чешский
лат.	латинский	шв.	шведский
мак.	македонский	э.	эстонский
мд.	мордовский	ю.-х.	южно-хантыйский
мр.	марийский	я.	японский

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы имеет место резкое повышение интереса к истории вообще и вопросу возникновения Древнерусского государства в частности. Причем, не только со стороны науки, которую в разработке проблемы все чаще представляют лингвисты, антропологи и представители некоторых других наук, что само по себе является оправданным, но и художественной литературы, подключение которой особенно сильно расширило круг интересующихся данным предметом. Это, безусловно, хорошо, хотя и порождает ряд негативных моментов.

Положительная сторона заключается в том, что помимо увеличения количества публикаций по вопросу происхождения Руси, повысилась комплексность его освещения. В данной работе мы попытаемся доказать, что в деле дальнейшего углубления системности изучения вопроса большие перспективы могло бы открыть подключение новых научных дисциплин, в частности географических.

Вместе с тем, обращение к вопросу происхождения Русского государства большого числа представителей различных наук и просто дилетантов, имеющих выход на издательства, породило огромное количество зачастую чудовищных натяжек, иногда же и просто спекуляций в его освещении. Они проникают на страницы научно-популярных изданий и широко расходятся. Остается лишь удивляться тому, что авторы их, демонстрируя по ходу дела удивительную гибкость ума и изощренную фантазию, ухитряются тем не менее оставаться в достаточно узких рамках. Эта узость свидетельствует об определенной направленности советской исторической мысли.

Об этом же говорится в недавнем высказывании в периодической печати члена-корреспондента АН СССР

В. Л. Янина: «Исковеркать собственно историю невозможно, но вполне возможно это сделать с исторической наукой — с помощью умолчаний, трактовок по указке. ...Годы „застоя” и предшествующие им, начиная с 20-х, наломали дров и в нашей науке, занимающейся временами давно минувшими. А именно здесь происходило то, что случилось в биологии, — историческая наука тоже пережила свою „лысенковщину”. В качестве примера уместно... вспомнить известного историка М. Н. Покровского, которого ...называли „наш Карамзин”, но который ...определял историю как „политику, опрокинутую в прошлое”. Помнится даже, Покровский соглашался с Троцким, считавшим, что слово „патриотизм” нужно вычеркнуть из русского языка как вредное и не отвечающее „историческому моменту”. ...Под таким знаком долгие годы шло „изучение” отечественной истории, вся суть которой сводилась только к борьбе классов»¹.

Добавим, что чрезмерная «политизация» исторической науки определила силовое внедрение в науку еще одного положения, принесшего большой вред, поскольку оно фактически привело к абсурднейшему делению истории на «официальную» и «неофициальную» (под первой подразумевается история Древней Руси на основе славянской концепции формирования государства, под второй — основанная на норманнской теории), со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это положение о славянской природе сформировавшегося на просторах Восточной Европы в IX в. огромного государства.

Возникшая первоначально как ответная реакция на пангерманскую норманнскую теорию, выдвинутую историками немецкого происхождения, славянская концепция образования Руси была привлекательна для многих историков уже хотя бы тем, что противостояла оскорбительному для них взгляду А. Л. Шлецера и его последователей, среди которых, кстати, были такие выдающиеся русские ученые, как Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.

Суть версии Шлецера состоит в следующем: до прихода в Восточную Европу варягов-руси на диких и пустынных ее просторах подобно зверям и птицам проживали без правления в разбросанных селениях славяне и финны. Такая картина основывалась на сведениях Повести временных лет (ПВЛ), в которой составитель ее

¹ Смена, № 11, 1988. С. 1.

с позиции христианина описал языческий быт и общественное устройство ряда восточно-европейских племен. Лишь с приходом варягов в этом обширном регионе появляются зачатки гражданственности. И данное положение как будто подтверждается летописью, ибо с призвания Рюрика и братьев ведет она начало русской государственности. Хотя следует отметить, что нигде нет указаний на принадлежность варягов германским народам.

Другая сторона, придерживающаяся славянской концепции развития Русского государства, рисовала дело следующим образом: восточные славяне испокон века обитали в Восточной Европе, где они прошли долгий и сложный путь развития, в ходе которого из родовых союзов выростали племена, которые объединялись в племенные союзы (поляне, древляне, радимичи и др.). В IX в. они составили единый общерусский союз.

Еще В. О. Ключевский отмечал, что «при схематической ясности и последовательности эта теория несколько затрудняет изучающего тем, что такой сложный исторический процесс развивается ею вне времени и исторических условий: не видно, к какому хронологическому пункту можно было бы приурочить начало и дальнейшие моменты этого процесса и как, в какой исторической обстановке он развивался»¹. Таким образом, автор указывал на умозрительный характер славянской концепции, которая не имеет под собой исторической фактуры, тогда как на стороне норманнской теории прежде всего литературная традиция, причем не только русская.

Именно искусственный характер славянской концепции определял то обстоятельство, что многие историки, в том числе В. О. Ключевский, не были ее последователями. Однако, признавая ведущую роль варягов в образовании Руси, ряд русских ученых в XIX в., не вполне соглашаясь со щлецеровой трактовкой русской истории, исподволь «повышали» роль славян в этом процессе.

За всю историю существования человечества иного способа возвеличивания кого-либо, как посредством принижения другого, изобретено не было. Однако, если в обыденной жизни этот метод не всегда приемлем, то в истории он весьма широко распространен. Так, на-

---

¹ Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1956. Т. 1. С. 104. Далее в ссылках: Ключевский. Т. ... С. ...

пример, тому же В. О. Ключевскому для объяснения беспрепятственной «славянской колонизации» северной Восточной Европы понадобилась характеристика обитавших здесь финнов (чуди) как людей «робких» и даже «забитых». Таким способом он, признавая главенствующую роль варягов в формировании государства, подчеркивал, что и славяне были не последним по значению народом, участвовавшим в строительстве Руси.

Следует отдать должное, что и сам В. О. Ключевский отнюдь не последний среди историков. И тем не менее, путь, избранный им в данном случае для сведения концов с концами, не просто некорректен, но является скользким и далеко ведущим. Подтверждение этому служит комментарий к одному из изданий Ключевского, составленный В. А. Александровым и А. А. Зиминим в период «расцвета» исторической науки о Древней Руси, когда в результате «углубленных» исследований советских ученых были однозначно решены все спорные вопросы этого периода, и все было поставлено на «свои» места. Названные историки авторитетно признают некоторые результаты изысканий В. О. Ключевского: «Заслуживают быть отмеченными его наблюдения относительно более высокого уровня развития Руси, чем финского населения...» Однако вместе с тем, с свойственной тому времени смелостью, они в своих выводах идут дальше: «Термин «Русь» («Рось») отнюдь не скандинавского происхождения; в последних специальных исследованиях высказывается мысль, что он означает название одного из славянских племен, жившего в районе г. Киева (от реки «Рось»)»¹. Что может быть «почетнее» подобного единодушия?

На наш взгляд, приведенный пример достаточно показателен, поскольку отражает тенденцию развития истории Руси в советский период, принцип отбора «рационального» и «наиболее существенного» из трудов предшественников. На смену утверждения того, что славяне что-то значили в истории, пришло доказательство того, что именно они делали историю в Восточной Европе. И дело не только в том, что принижение роли балтов и финнов само по себе является проявлением дискриминации (в конце концов современные балтийские и финские народы не отличаются комплексом неполноценности), да и население северо-западных областей России не ха-

¹ Ключевский. Т. 1. С. 372—373.

рактизуется забитостью, и причиной тому не вливание в него порции славянской крови), но и в том, что фактически отстранив эти народы от активного участия в истории, наша наука все дальше и дальше отходит от истины.

В течение двух с лишним веков идут споры между представителями славянской и норманнской школ в истории. Особенно ожесточенный характер приобрела борьба в советский период, когда направляемая сверху антинорманнская кампания в истории породила плеяду «смекалистых» (в рамках здравомыслия) ученых. В сфере их влияния подрастала в последующем не менее «смышленная» молодежь. Борьба выродилась фактически в гонения на норманизм, который тем не менее до конца побежден так и не был (да и нужно ли было его побеждать?), но зато обеспечивал относительно комфортное существование не одному поколению деятелей от славянизма. В силу этого, поставленный выше вопрос имеет и другую сторону.

Более того, в определенном смысле норманизм оказался победителем, поскольку вполне усвоил основное положение антинорманистов, согласно которому государственность нельзя внести извне, и подстроил свою теорию под него. Тем самым, славянофилы (а именно в этой форме на нашей почве чаще всего выступает антинорманизм) были лишены жизненной основы, поскольку бороться стало практически не с кем, а именно борьба с буржуазными течениями в науке, в том числе с норманизмом, долгое время составляла суть советской исторической науки.

Когда же накал «борьбы» стал понемногу спадать, то представители славянского направления в русской истории попытались приспособить свою концепцию к существующей литературной традиции, главным образом ПВЛ. В результате в настоящее время позиции норманистов и славянофилов сблизились настолько, что отличить одних от других можно лишь по акцентам: где чаще присутствует слово «славяне», там славянофил, если же преобладает слово «скандинавы», то имеем дело с норманистом. Однако такое сближение вовсе не является свидетельством утверждения истины, до которой, на наш взгляд, так же далеко, как два века назад. Как та, так и другая концепции оказались тупиковыми, и поэтому следует говорить не о торжестве истины, а о кризисе науки в данной области. Победа

же норманистов, о которой говорилось выше, носит лишь моральный характер. Как бы то ни было, а главной побудительной причиной научной деятельности советских норманистов было стремление к достижению истины, чего, к сожалению, не скажешь о славянофилах в нашей науке. Но это уже относится к области общественной морали.

Научные же результаты двухсотлетних дискуссий состоят в том, что ни одна из школ не может внятно объяснить, что такое «русь»: если это социальная прослойка, то почему в целом ряде письменных источников, причем разноязычных, она фигурирует как этноним в ряду названий других народов; если же это этнос, то где он локализовался, в силу каких причин на определенном этапе усилился и куда впоследствии исчез? При этом этим не исчерпываются вопросы, на которые не получить сколько-нибудь удовлетворительных ответов; подобных великое множество.

В недавнем прошлом вполне обычным был такой подход в их разрешении: то, скажем из ПВЛ, что вписывалось в предлагаемую концепцию, признавалось достоверным, что не подходило — объявлялось вымыслом летописца или ошибкой переписчика. А ведь ПВЛ — это уникальный памятник нашей истории. Это по сути единственный письменный источник по начальному ее периоду. И то, что чья-то концепция не подтверждается ею, еще не основание для ревизии «Повести». Только «железные» факты могли бы явиться основанием для сомнения в истинности какого-либо положения этого документа, однако до сих пор таких приведено еще не было.

К счастью, в последнее время отмечается более бережное отношение историков к ПВЛ. Все положения начальной истории Руси подгоняются под нее, даже если для этого требуется прибегнуть к очевидным натяжкам. Например, коллектив авторов работы «Русь и варяги», видя в Рюрике русских летописей Рорика Датского, чтобы как-то объяснить факт более позднего упоминания имени последнего в западноевропейских источниках относительно даты призвания первого по русским документам, сочинили целую историю о долгой череде переездов Рюрика из Дании на Русь и обратно, а затем опять на Русь¹. Один лишь этот эпизод неоспоримо сви-

¹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени). — В кн.: Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 194.

детельствует о значительном росте авторитета ПВЛ среди советских историков.

К сожалению, это не всегда проявляется в научно-популярной литературе, где в определенном русле допускаются любые вольности. Например, в последнем номере журнала «Вокруг света» за 1986 г. есть интригующая статья «Ошибка древнего географа», где под «географом» подразумевается ...создатель ПВЛ. Роковая для него ошибка заключается в том, что он без согласования с автором описывает путь «из варяг в греки» по Днепру через Волхов на Ладогу, тогда как А. Никитин желал бы видеть летописную Русь несколько западнее о. Рюген, но для этого необходимо, чтобы названный выше путь пролегал по Дунаю на Одер, против чего в принципе не возражает написавший рецензию на публикацию историк Г. Вилинбахов. Здесь же тебе и атеистическая пропаганда (это через два года, в 1000-летие крещения Руси автор будет писать о православии с симпатией): развенчан миф об апостоле Андрее. Как говорится, на все руки... Хотя вряд ли, что лишь от скуки... А в результате читателю выдан сомнительный исторический материал.

Все бы ничего, но настораживает общая основа, содержащаяся в «серьезном» научном издании и «несерьезной» научно-популярной публикации. Этой основой является стремление авторов разместить Русь на западе Балтики. Разница состоит лишь в том, что А. Никитин при этом видит необходимость «переноса» пути «из варяг в греки» на Дунай и Одер, а А. Кирпичников, И. Дубов и Г. Лебедев обходятся без этого. Трагизм же ситуации заключается в том, что в нелепом предположении первого содержится больше логики и здравого смысла, чем в позиции остальных. Такой представляется глубина кризиса в истории начального периода Древнерусского государства.

Приведенную оценку состояния исторической науки по вопросу происхождения Древнерусского государства в какой-то степени подтверждает Д. А. Авдусин, который говорит, что «...в советской исторической литературе ...с одной стороны, встречается преувеличение роли норманнов в истории Древней Руси, с другой—до сих пор появляются работы, отрицающие скандинавский этнос варягов и вновь смешивающие вопросы о происхождении названий «рос» и «русь» и о происхождении Древнерусского государства. И то и другое — результат несовер-

шенной, ненаучной источниковедческой работы и давно отброшенного приема подгонки доказательств под заранее сделанный вывод»¹.

В приведенном отрывке содержится, во-первых, оценка двухвекового спора норманистов и антинорманистов показывающая их сближение, о котором говорилось выше. В то же время, тот факт, что автор в цитируемой работе объявляет работы О. Прицака дилетантскими в худшем смысле этого слова, позволяет говорить о славянофильском акценте его позиции. Во-вторых, здесь содержится признание распространенности не столь уж и «давно отброшенного приема подгонки доказательств в истории (отброшенного ли?). В-третьих, возражение против совокупного рассмотрения происхождения названия «Русь» и происхождения самого Древнерусского государства похоже ни на что иное, как на попытку снятия вопроса, что является не самым лучшим способом его разрешения.

Нельзя согласиться с отношением автора к вопросу о происхождении названия «Русь». В разгадке тайны кто действовал под этим именем, может содержаться ключ к раскрытию тех конкретных причин, которые привели к образованию в Восточной Европе столь мощного централизованного государства, каким была Древняя Русь. Действительно, почему с неведомыми пришельцами-варягами связано его возникновение? Может быть, они олицетворяли для жителей Восточной Европы некий «административный опыт», необходимый для строительства стабильного централизованного государства? Но откуда быть ему у скандинавов или у западных славян, политическая организация которых в IX в. несопоставима с Русью? Тогда какого бы рожна этим «варягам» тащиться за тридевять земель, чтобы создать там то, чего долго еще не будут иметь они у себя на родине? Могут возразить, что их пригласили. Но это «приглашение», если судить по ПВЛ, — мера вынужденная, оно может рассматриваться как выбор меньшего из зол. Какие обстоятельства вынудили пойти на него? И почему строительство мощного государства варяги развернули именно в Восточной Европе? Можно утверждать, что условия здесь были лучше, т. е. данный регион как бы «созрел» для государственности по-

---

¹ Материалы Всесоюзной конференции по истории, экономике и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. С. 125.

обного масштаба. Допустим, что это так, но зачем все-таки «жениха» искать уж очень далеко, тем более в «неозревших» районах?

С другой стороны, что понимать под лучшими условиями? Если даже социальная зрелость общества определяется уровнем развития производительных сил, то, мягко говоря, сомнительно, чтобы обширные пространства к востоку и юго-востоку от Балтики на сотню лет пережали другие районы, примыкающие к ней. Но даже сделав уступку современным представителям славянофильства и признав более высокий уровень развития общества в данном регионе, можно спросить их, почему выбор пал на выходцев из западнославянского мира (именно таковыми все чаще выдаются Рюрик и братья), неужели только из общеславянской солидарности? Представляется все-таки, что в те далекие от нас времена люди в значительно меньшей степени грешили приверженностью к определенному этносу, чем некоторые историки сегодня.

Если ко всему этому добавить, что, очевидно, при зарождении государства главными его функциями служат вовсе не карательные, как это преподносится практически во всех наших учебниках, а скорее экономико-организационные и внешнеполитические, то становится ясным, что ответа на вопрос о причинах появления Древнерусского государства, следуя традиционными путями исследования, не получить. Следовательно, от них надо отказаться.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОВОГО
ПОДХОДА К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Из предыдущего изложения логически вытекает, что для выработки нового подхода к начальной истории Руси следует уточнить место исторической науки в общественной жизни. Прежде всего, на наш взгляд, следовало бы уяснить, что не исторические концепции являются причинами тех или иных политических и военных устремлений, а скорее они сами являются следствиями последних. Так, во времена Александра Невского все не положения норманнской теории лежали в основе восточной экспансии шведов и немцев. Всем известно, что идеологической ее подоплекой являлась христианизация католической церковью языческих народов Восточной и Северной Европе, которая затем пришла в столкновение с интересами Новгородской республики. Норманнская же теория появилась спустя несколько веков, когда в отношениях между Швецией и Россией накоплено было достаточно много спорных моментов. Еще позже академики немецкого происхождения, работавшие в Петербургской Академии наук, переработали ее, придав ей современный пангерманский вид.

Добавим еще, что, конечно же, история— это общественная наука, и ее развитие направляется «социальным заказом», однако не следует его понимать как прямую диктовку. Создание ПВЛ тоже определялось специальными предпосылками, существующими в русском обществе конца XI в. Тот же В. И. Ключевский писал «...в ней (летописи. — В. П.) мы имеем памятник, говорящий, как представляли себе первые времена нашей истории мыслящие, изучающие ее книжные люди в Руси...»¹ Следовательно, выполнение социального заказа

¹ Ключевский. Т. 1. С. 96.

а в те далекие времена предполагало прежде всего способность к самостоятельной мысли, а не умение писать под диктовку. Творческий процесс и сейчас не может направляться ни отдельной личностью, ни организацией людей, даже самой массовой. Он определяется не мнением и не декретом, а состоянием общества, чем-то таким, что, возможно, незримо присутствует в нем, потому не вполне осознается, и может быть названо как угодно — социальным ли заказом, господствующей идеей или божественным промыслом.

Очень многие ошибки коренного характера в истории несут в себе отпечаток субъективизма, тогда как занятие наукой предполагает в определенной степени отказ от личного, хотя, конечно же, отражение общественных явлений и процессов осуществляется через личностное восприятие. Противоречие здесь носит диалектический характер. Для пояснения, от чего по возможности следует воздерживаться историку, обратимся к В. Н. Татищеву, который еще в XVIII в. предостерегал, что страхи и страсти «губят правость»: «Писатели за страх некоторые весьма нужные обстоятельства настоящих времен принуждены умолчать или переменить и другим видом изобразить... По страсти, любви или ненависти весьма иначе, нежели сусче делалось, описывают...»¹. В наше, возможно излишне, рациональное время, когда некоторые представители рода человеческого склонны любое дело превращать в заурядную кормушку, существует еще один путь искажения истины, опасность которого для нашей истории достаточно актуальна.

Отказ от традиции предполагает также безусловный отход от порочной практики выпячивания роли славян в процессе формирования и развития Русского государства. Помимо чувства ложного патриотизма это порождает основную массу несоответствий, а следовательно и натяжек, в результате которых логика исторического процесса подменяется потоком «сладких слюней», содержание которого заключается в том, что славянин смышлен, тароват и вездесущ. Думается, что и дальнейшее тиражирование этих положений к истине нас не приблизит, и дело не только в том, что облик и роль славян в них сильно идеализируются, а главным образом потому, что славяне, как таковые, на первых эта-

¹ Татищев В. Н. История Российская с древнейших времен: В 7 т. Т. 1. С. 81. Далее в ссылках: Татищев. Т. ... С. ...

пах в формировании Древнерусского государства вои не участвовали.

Для того, чтобы хотя бы в какой-то степени усвоить эту «крамолу», необходимо преодолеть целый комплекс выработанных всей системой нашего воспитания стереотипов. Для этого же, в свою очередь, нужно иметь хотя бы общее представление о природе этноса. Специалисты определяют этносы как «...исторически сложившиеся на определенных территориях устойчивые совокупности людей, обладающие единым языком, некоторыми общими относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием (сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований), фиксированным в самоназвании (этнониме).

Однако Л. Н. Гумилев утверждает: «Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку можно только одно—признание каждой особи: мы такие-то, а все прочие — другие»². И действительно, существуют этносы вовсе без территории (цыгане, евреи, армяне) или без языка (шотландцы, ирландцы, австралийцы). Что касается материальной и духовной культуры, то имеющая место в наше время их нивелировка не отражается на этнической пестроте мира.

В свою очередь, Л. Н. Гумилев в качестве определяющего признака этноса выделяет стереотипы поведения. Но и здесь возникают неясности. Скажем, я — русский, поскольку отличаюсь веселым нравом и широтой натуры, но и сосед мой — педант и зануда — немцем себя считает. Мало того, он еще и называет меня евреем (могу быть и големом, цыганом), основываясь исключительно на сомнительных признаках. Из последнего вытекает, что даже принадлежности к определенному этносу мало иногда даже такого наиболее устойчивого критерия этнической принадлежности, каким является субъективное «признание каждой особи» или иначе этническое самосознание, формирующееся в процессе этногенеза, оно может входить в противоречие с объективно существующими пр

¹ Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 73.

² Гумилев Л. Н. Этнос — состояние или процесс // Ландшафт и этнос XI / Вестник ЛГУ, 1971, № 12. С. 86—95.

знаками этноса. И хотя Ю. В. Бромлей считает, что в любом конкретном случае одна из черт этноса может быть определяющей, его содержание остается расплывчатым.

Как известно, этносы в науке группируются по лингвистическим данным. Степень объективности такой классификации проявляется хотя бы в том, что согласно ей наиболее близкие родственники негров США входят в круг германских народов. Вместе с тем, язык является одним из наименее стойких признаков этноса. Он может поменяться в течение жизни одного поколения. Вокруг множества тому примеров. Сегодня какой-нибудь «чистейший русич» из Вологодской области уже просто не поверит, что его дед говорил еще по-вепски. Точно так же исчезли ливский язык в Латвии, водский и ижорский в Ленинградской области, исчезает карельский язык, особенно в Калининской области. О масштабах этого процесса можно судить по тому факту, что в XVIII в. карелы составляли большую часть населения Тверской губернии.

Причины изменения языка одинаковы во все времена, различается лишь масштаб вызывающих его явлений. Как в прошлом, так и сейчас, они сводятся к экономике и политике. С самым простым случаем воздействия политики на язык мы имеем дело в ситуации, когда носители определенного языка переходят в другую политическую систему, в которой господствует иной язык, который постепенно вытесняет старый. Сохранение традиций, в том числе языковых, предполагает преемственность поколений, которая в силу ряда причин политического характера может быть прервана, как это было на том же северо-западе России в силу войн, коллективизации и массовых репрессий. На это накладывалась политика «сглаживания национальных граней», а также ряд факторов экономического характера. Среди них безусловно важнейшим была индустриализация и связанный с ней процесс урбанизации. Природа городов во все времена полиэтнична, а средством общения в них является как правило государственный язык.

Как отмечает И. В. Бестужев-Лада: «...у нас господствовал традиционный сельский образ жизни с сильнейшими пережитками патриархальности... Но вот в конце 50-х годов крестьян освободили от прикрепления к земле, дали им паспорта. За 60-е годы восьмидесяти-миллионная масса людей переместилась из деревни

в город. Произошел развал старой семьи, образовалась семья новая. Она уже не является той целостной спайкой, где младшие шли по стопам старших. Налицо был разрыв связей и отношений между поколениями»¹. Таким был социальный фон, на котором происходили интенсивные ассимиляционные процессы на северо-западе России да и в других частях страны.

По справедливому утверждению Л. Н. Гумилева, этнос — не состояние, этнос — долгоидущий процесс². На наших глазах умирают одни этносы и рождаются новые. Причем, следует отметить то обстоятельство, что рождение нового этноса всегда является следствием возникновения новой государственности. Не случайно наиболее активно процессы этногенеза протекают в настоящее время в молодых государствах Америки, Африки и Австралии. В то же время отметим, что хотя в Латинской Америке ряд наиболее крупных государств современности возник еще в начале XIX в., складывание в их границах единых наций шло вяло до начавшейся в XX в. индустриализации и сопровождавшей ее урбанизации. Лишь в рамках городской культуры закладываются основы единого в рамках государства этноса. Практически «общегосударственных» этносов не существует, можно лишь говорить о тенденции к единению в государственных границах. Каждый человек является и членом определенной этнической группы и гражданином какого-либо государства одновременно.

В процессе консолидации различных групп в единый этнос часто возникает ситуация, когда жителями какого-либо города в качестве средства общения используется определенный язык, ставший государственным в данной политической системе, а сельская округа еще долго сохраняет старый язык, который лишь постепенно вытесняется новым. В этот переходный период широкое распространение имеет явление билингвизма. Причем, чем отдаленнее от крупного городского центра сельская местность, чем слабже непосредственные связи ее с городом, тем более удлиняется период бытования в ней языка-реликта.

Следует иметь в виду, что этногенез — категория историческая. Его содержание во второй половине I тысячелетия н. э. значительно отличалось от современного в сторону

¹ Ветеран, № 48, 1988. С. 6.

² Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Доклады ГО СССР. Л. 1967. Выпуск 3. С. 3—11.

меньшей стойкости этносов в силу доминирования в человеческих сообществах родовых отношений. В Западной, Восточной и Северной Европе в это время только-только зарождались стабильные государства, в рамках которых в результате процессов консолидации народов, вошедших в их состав, складывались основы современных наций.

При таком понимании природы этноса объявлять славянами население северо-восточной части Европы, которое участвовало в создании Русского государства, по меньшей мере, неосторожно. Нет абсолютно никаких оснований для утверждения, что язык или языки, бытовавшие в данном регионе в VIII—X вв., были славянскими. Более того, подобное утверждение порождает множество вопросов, на которые невозможно получить ответы: каким образом внутри ареала расселения балтийских и финских народов появился славянский островок? Почему материальная культура славянского Поднепровья и Приильменья столь сильно различается при языковой близости населяющих эти районы народов, хотя известно, что именно язык является наименее стойким этническим признаком и т. д.? Единственным убедительным ответом на поставленные вопросы может быть признание того факта, что славян в Приильменье, а тем более севернее его, не было и в помине. Последовавшая позже славянизация в рамках сформировавшегося Древнерусского государства заключалась не в массовых подвижках населения на север, как это утверждается нашими историками, а в смене языка местным населением.

Еще одним моментом, искажающим историческое познание, служит широко распространенное явление примитивизации жизни общества в относительно недавнем прошлом. В последнее время появился целый ряд публикаций, направленных против произвольного упрощения материальной, духовной и даже политической жизни человека в палеолите и мезолите. Так, В. Е. Ларичев, говоря о моделировании Вселенной человеком, который жил в древнекаменном веке, отдаленном от нас на 30 тыс. лет, отмечает: «Суждение о первобытном человеке как об узколобом дикаре... искажает историческую перспективу. ...Археологи ошибались, не принимая в расчет выдающихся успехов людей древнекаменного века в интеллектуальной сфере»¹.

¹ Советская Россия. 1987. 3 апр.

В современных же учебниках истории описания Востока и Западной Европы середины 1 тыс. н. э. даются таким образом, что если бы не было известно о существовании Рима, Греции и более ранних цивилизаций, то могло бы сложиться представление об этом времени как о заре человечества. Более того, возраст человечества, определенный Библией, может показаться даже чрезмерным, настолько дик, примитивен и беспомощен в них человек. Какие модели Вселенной, если его представлений о мире не выходят за пределы пятидесятикилометрового радиуса? Да, по правде говоря, и эти знания для него излишни, если живет он примитивным хозяйством, полностью самостоятельно обеспечивая свои убогие потребности. Небольшие общинные коллективы были редко разбросаны на обширных пространствах лесной зоны в Восточной Европе, в основном по долинам рек. Обширные пространства на водоразделах, особенно на севере, совершенно не освоены. Приблизительно так рисуют нам ситуацию историки средневековья.

А между тем, В. Е. Ларичев заселение Англии и севера континентальной части Европы относит от нас на 200 тыс. лет, севера Восточной Европы и предгорья Урала — не менее, чем на 40 тыс. лет. Также существенно более широкий диапазон возможностей человека каменного века допускают этнографы, в трудах которых «...все более широкое распространение получает точка зрения, согласно которой политическая или постестарная организация имела место на всех этапах истории первобытного общества...», что никак не согласуется с одним из основных положений советской исторической науки о времени выделения правящей верхушки, что выдается, в свою очередь, за основную предпосылку зарождения централизованных государств. Этнографами же отмечается тот факт, что археологические материалы позднего неолита и бронзы свидетельствуют «...о более или менее равномерном и плотном расселении в пределах европейской ойкумены и, следовательно, упорядоченности этого расселения. Подобную упорядоченность невозможно представить без развитых постестарных механизмов, регулировавших не только внутрплеменные, но и межплеменные взаимоотношения»¹.

---

¹ История первобытного общества: Эпоха классового общества. М., 1988. С. 326, 328.

О сплошном и далеко не редком характере расселения человека в начале I тыс. н. э. на севере Европы свидетельствует Иордан, который этот покрытый лесами район сравнивает с чревом, порождающим бесчисленные народы¹. Что касается интенсивности связей между Восточной Европой и другими районами мира, то отметим лишь тот факт, что свидетельства их имеются на любом археологическом памятнике.

Казалось бы, на фоне приведенных данных тем более элепо чрезмерное упрощение жизни общества в средневековье, отдаленном от нас лишь на одну тысячу лет, то, однако, встречается сплошь и рядом. В сущности, большинство современных историков не слишком далеко ушли от авторов прошлых веков. С большим сожалением приходится констатировать: примитивизация не только прочно укоренилась в сознании людей, что многие из них, кажется вполне искренне, не воспринимают мысль об идентичности современного человека человеком тысячелетней давности. А ведь изменения, происшедшие за указанное время, мягко говоря, не только значительны, да к тому же не все они позитивны. К безусловно отрицательным моментам относится, например, возрастающая дисгармония человека и окружающего его мира, переходящая порой в конфронтацию. Даже в такой области, как мировоззрение, где успехи человека за последнее тысячелетие, казалось бы, несомненны, все чаще проявляются издержки развития общества в последнее тысячелетие. Технический прогресс заслонил многие аспекты биологической, психической жизни человека; из нашего сознания как-то незаметно выветрилось понимание единства времени и пространства, которое было настолько обыденным для человека в прошлом, что даже категории того и другого обозначались одним словом. Например, «полдень» был и временной характеристикой, и пространственной, обозначая юг. Теперь эти вещи приходится «открывать» практически заново.

Наша история погрязла в примитивных стереотипах — плодах коллективного творчества поколений и поколений историков. Суть их состоит в том, что лесостепь плотно заселена и хорошо освоена, в лесной же зоне население разрежено, а значительные территории вообще незаселены; в степи постоянного населения нет,

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 70.

по ней кочуют в поисках пастбищ скотоводы. Лесная зона постепенно осваивается все новыми и новыми группами земледельцев из лесостепи (причем лишь в конце I тыс. н. э.), поэтому естественно, что все относящиеся к земледелию, в том числе сельскохозяйственные, тамнины своими корнями уходят на юг. Однако, как далеко ушла лесостепь, разумеется, ей все же далеко до Средиземноморья с его высокой культурой. Давно крах римского мира — результат его прогрессирующей от избытка слабости, но не силы варваров.

С данной иерархической системой уровней развития различных регионов мира вполне «согласуются» добываемые археологами факты, хотя и далеко не бесспорные. Например, академик Б. А. Рыбаков отмечает, что информация четко тяготеет к южным и, как он утверждает, более развитым районам праславянского мира: «жители более примитивного севера предпочитали трупосожжение, на юге предпочтение отдавали захоронению в погребальном сооружении»¹. В данном случае из того факта, что на севере и юге Восточной Европы бытовали различные обряды захоронения, делается вывод о существенном разрыве в уровнях развития данных регионов. Что возможно и так, хотя вряд ли столь сильно различались по своему развитию соседствовавшие народы к тому же относящиеся к единому «праславянскому кругу». Скорее, эта разнообрядность могла иметь в основе различия этнокультурные или религиозные различия. Наиболее логичное объяснение заключается в имевшем место во все времена дефиците дров для погребального костра в лесостепной, а особенно в степной зоне.

Здесь имеет место не примитивизация истории, про которую мы только что выступали, а здоровое упрощение взгляда на некоторые исторические факты, в основе которого лежит глубокое убеждение, что за каждым историческим эпизодом и явлением стоят не какие-то абстракции, как то: «уровень развития», «пассиональность» или «природная склонность к перемене мест», выступающие как первичные свойства объекта, в данном случае общества, а вполне конкретная и достаточно ясная причина.

Если первоначально причины примитивизации исторического процесса заключались в узости информационной базы, то в наше время она имеет несколько

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 98.

ую основу. В последние десятилетия история периода Древней Руси практически отдана на откуп археологам. Отчасти это объясняется (и в какой-то мере оправдывается) значительными успехами этой отрасли истории в советский период. Эти успехи заключаются, главным образом, в большом количестве собранного фактического материала, но никак не в его анализе и интерпретации.

В этих условиях, как бы ни велики были успехи этнографов, антропологов, лингвистов, философов и представителей других наук, узость базового образования вторых основной части исторической литературы неизменно оборачивается упрощенным взглядом на историю тысячелетней давности на всех уровнях, от ученого до бывателя.

Одной из динамично развивающихся наук в наше время является антропология. Ею в последние десятилетия получен ряд интереснейших результатов, которые им не менее не находят никакого отражения в исторической науке. Так, антропологические исследования свидетельствуют о расовой тождественности современного населения Финляндии, большей части Прибалтики и северо-западной части России. В. В. Бунак относит к собственно балтийским группам лишь восточноботнический (тавасты), онежско-беломорский (карелы), белозерский/онежский (вепсы), западно-чудской (эстонцы), даунавский (латыши), неманский (литовцы, частично). Среди этих вариантов находят место и три северо-западные группы: ильменско-белозерская, валдайская и западная верхневолжская»¹.

К этой же группе примыкает население Архангельской области, поскольку «тип архангельской серии очень близок к ильменскому»². Таким образом, мы имеем огромный массив антропологически однородного населения, который включает Финляндию, Карелию, Прибалтику, а также население Ленинградской, Новгородской, Псковской, Калининской, части Московской, Ярославской, Вологодской и Архангельской областей России. Южнее и восточнее этого региона распространены переходные группы, несущие в себе элементы понтийского и уральского комплексов. Но такая картина совершенно

¹ Происхождение и этническая история русского народа. М., 1965. С. 167.

² Там же. С. 160.

не увязывается с основным положением начальной истории Древней Руси о массовой колонизации славянами лесной зоны Восточной Европы и о поглощении ими местных балтийских и финских народов.

Довление в отечественной истории стереотипов позволило В. В. Бунаку подняться над пресловутыми положениями. Однако, объясняя языковое и культурное соответствие неолитических племен Прибалтики и Приуралья, на основе чего многие исследователи делают вывод о непосредственном физическом единстве неолитического населения северной полосы Восточной Европы, автор утверждает, что «распространение культуры и языка может происходить и без больших перемещений отдельных племен»¹. Он делает вывод, что в определенных условиях язык и культура распространяются путем заимствования в результате контактов между племенными группами и их консолидации.

В данном случае основанием для такого утверждения послужило несоответствие расового типа населения Прибалтики и Приуралья, которое не свидетельствует о физическом родстве народов двух этих регионов. Но ведь такое же несоответствие мы имеем между Средним Поднепровьем, с одной стороны, и Приильменьем, Приладожьем и Подвиньем — с другой.

О многократно исторически зафиксированных случаях «перехода на новый язык, без каких-либо изменений антропологических особенностей» говорит В. П. Алексеев². Такой взгляд на природу языка предполагает выработку нового подхода к изучению формирования русского народа в рамках Древнерусского сударства.

Есть все основания предполагать существование в эпоху неолита политической, экономической и, как следствие, культурной консолидации народов, проживающих вдоль Великого Восточного пути (Восточной Балтики, Волхова, Волги и ее притоков). Это подтверждают и археологические материалы, свидетельствующие о торговых связях между народами Средней Волги, Восточной Финляндии и Швеции (см. с. 81). По великой торговой магистрали вполне мог сформироваться единый этнос; факт антропологической неоднородности народов, проживавших здесь, не служил препятствием для этого.

¹ Происхождение и этническая история русского народа. С.

² История первобытного общества. С. 297.

В. П. Алексеев отмечает: «Сложность антропологического состава большинства современных народов заставляет предполагать эту сложность и по отношению к древним народам»¹. Очевидно, этот этнос и лежит в основе последующего родства племен в обширном регионе. Данные племена, объединенные близостью языков, наличием интенсивных этнокультурных контактов, в совокупности образуют надплеменную организацию, которая в литературе получила название соплеменности или метаплемени. По мнению В. П. Алексеева, эти образования «представляют собой, по-видимому, некоторый итог предшествующего этнического развития», «следовало бы проследить, не образуется ли многоплеменное этническое образование в отдельных случаях за счет сегментации единого племени»².

Определенная параллель прослеживается в истории Древней Руси, которая в IX—X вв., объединяла разноэтнические элементы вдоль водного пути из варяг в греки. После присоединения Олегом Киева и переноса в него столицы государства, славянский язык все шире распространяется в северных его землях, вытесняя местные. И это вполне естественно.

Что же касается славянской колонизации севера, то, во-первых, данное положение противоречит здравому смыслу, поскольку невероятно, чтобы значительные массы земледельческого населения перемещались из благодатного в сельскохозяйственном отношении лесостепного Среднего Поднепровья в гораздо худшие условия севера. Такое трудно представить даже относительно периода политического катаклизма (жестокое разорения земли завоевателями) и совершенно невозможно для времени расцвета и политического могущества государства, что было характерно для Древней Руси в рассматриваемый период. В северные районы государства могли проникать незначительные группы населения Среднего Поднепровья, связанные по роду своей деятельности с торговлей или ремеслом. Но даже это маловероятно, поскольку из летописей известно, что практически вся торговля в государстве контролировалась северянами-варягами. К тому же торговцы и ремесленники могли бы оседать только в городах, тогда как этническое лицо любого района определяла сель-

¹ История первобытного общества. С. 297.

² Там же. С. 320.

ская округа. Как указывает Л. Н. Гумилев, этносы, оторванные от своего ландшафта, начинают жить не за счет природы, а за счет этносов-аборигенов, образующих в их среде колонии¹.

Во-вторых, на севере Восточной Европы и не могли быть свободных сельскохозяйственных земель для расселения пришельцев с юга. Выше уже говорилось, что археологические данные свидетельствуют о сплошном расселении человека в этом районе уже в эпоху неолита, тем более оно было сплошным в средневековье. Характер землепользования в лесных районах севера, при котором каждое хозяйство, каждая община вынуждены были вовлекать в сельскохозяйственный круговорот значительные площади земель, поскольку после нескольких лет использования земля на длительный срок оставалась, а в обработку включались новые площади, приводил к возникновению сельскохозяйственного перенаселения. Так, например, в Скандинавии уже в первой половине I тыс. н. э. многодворные поселения сменяются обособленными большими дворами хуторского типа, даже в этих условиях из сельского хозяйства вытесняется избыточное население, как правило это лишние надельщики младшие сыновья. О массовости этого процесса свидетельствует наличие особого названия данной категории населения. (Drengir)². Нет оснований утверждать, что в Приильменье или Приладожье дело обстояло иначе.

В-третьих, антропологические материалы свидетельствуют о неизменности типов населения и занимаемых ими ареалов в последнее тысячелетие. Т. И. Алексеев пишет: «В результате произведенных сопоставлений краниологических типов, проявляющихся в восточнославянском населении эпохи сложения русского народа, приходим к выводу о значительном совпадении картинок морфологических комплексов на исследованной территории на протяжении тысячелетия. Процесс консолидации славянских племен в связи с образованием Русского государства, опустошение русских земель татарскими набегами, продвижение русского служилого населения на восток и юго-восток для создания сторожевой цепи... заметно не нарушили тех морфологических связей».

¹ Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт//Известия ВГО, 1968. Т. 1. Выпуск 3. С. 193—202.

² Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1967. С. 29, 63.

которые образовались в эпоху славянской колонизации восточноевропейской равнины»¹.

Но из приведенного отрывка следует, что не было самой «славянской колонизации». Только такой вывод согласуется с полученными антропологическими данными, «которым в конечном счете принадлежит решающая роль в решении вопроса о физическом родстве различных племен»².

Следует отметить, что не все историки придерживаются мнения о расселении славян со Среднего Поднепровья. В. Л. Янин говорит: «Недавно лингвисты тщательно исследовали письма новгородцев и открыли поистине неожиданные вещи. Все привыкли считать, что расселение Руси шло с юга, из районов Приднепровья. И Новгород был далеким северным форпостом Киева. Восточные славяне имели тогда общий язык, но дробление государства на княжества и татаро-монгольское нашествие привели к образованию диалектов, а потом отдельных языков — русского, украинского, белорусского. Начался этот процесс, как считали ученые, в конце XII — начале XIII веков.

Но оказалось, что язык новгородцев отличался от языка киевлян еще в XI веке, причем более существенно, чем в последующее время. Значит, можно говорить о слиянии двух языков в Древней Руси, а не об их разъединении. Этот факт ставит под сомнение и версию «едином центре расселения». Далее автор отмечает, что еще в IX веке сама система денежных отношений на севере существенно отличалась от южной», причем граница между «зонами влияния» проходила условно по линии Смоленск — Брянск; что «новгородское вече, приказы князя, сфера деятельности которых ограничена военными и судейскими делами, и Киевская монархия... две совершенно разные формы правления», борьба между которыми закончилась только в XV веке падением Новгородской республики³.

Наконец, примитивизация в истории проявляется еще одной стороной: вопросы происхождения и развития Древнерусского государства рассматриваются практически изолированно от всемирной истории. Вульгарно-классовый подход при объяснении причин возникновения государственности в Восточной Европе не ос-

¹ Происхождение и этническая история русского народа. С. 255.

² Там же. С. 179.

³ Неделя, № 43 (1387), 1986. С. 10.

тавляет места всемирно-историческим предпосылкам рождения Русского государства. Ведь, согласно принятому в истории взгляду, государство возникло в районах, где население разбросано небольшими изолированными группами, живущими натуральным хозяйством, основ которого составляли примитивное земледелие с бортничеством на юге, охота, рыболовство с очаговым подосновным земледелием на севере. Какие могут быть предпосылки всемирно-исторического характера при таком исходном убожестве?

Однако возникает целый ряд вопросов. Неужели многочисленные клады арабского серебра конца VIII — начала IX вв. — это результат деятельности всего лишь немногочисленных ватаг купцов-норманнов, которые своим страхом и риском время от времени пробирались эти дикие места? Откуда и куда? Каковы мотивы данных предприятий? Не свидетельствует ли обилие кладов а также факт, что арабские монеты часто через год — после чеканки оказывались в кладе, зарытом в Восточной Европе или Скандинавии, о стабильности и упорочности связей между этими регионами?

Действительно, если внимательно присмотреться, оказывается совпадают по времени такие, казалось бы, далекие события, как стабилизация военно-политической ситуации на востоке Арабского халифата и появление арабского серебра в Европе, возникновение «серебряного моста», переброшенного между Западной Европой и Средней Азией, и возникновение Древней Руси, формирование трансконтинентальных водных путей в Восточной Европе и движение викингов в Скандинавии. Так ли это случайно?

А тем временем практически исчерпаны традиционные источники по Древней Руси. Хотя, разумеется, еще предстоит множество археологических находок. Однако увеличение их количества не внесет сколь-нибудь значительного вклада в развитие исторической науки, если они будут использованы традиционным образом.

Следует заметить, что диапазон интерпретации археологических находок необычайно широк. Так, работая с материалами Старой Ладogi, «В. И. Равдоникас сомневался в заведомом изначальном славянстве Старой Ладogi, — отмечает А. Н. Кирпичников. — В дальнейшем, по мере того, как найденные древности сортировались на разные культурные группы, к этому мнению стали относиться все более недоверчиво... Достоверно

славянских среди них отыскать не могли»¹. В этих условиях некоторые исследователи, не найдя ничего лучшего, предложили «начинать славяно-русскую Ладогу не с VIII, а с третьей четверти IX или X в.»². Но, как отмечает автор, «осмысление» ладожского культурного наследия на этом еще не закончилось. И в этой весьма непростой ситуации нашлись остроумные исследователи, которые «высказали справедливую мысль о том, что славяне лесной полосы Восточной Европы в период их расселения (оторванные к тому же от источника цветных металлов) не выработали собственных типов украшений и в процессе создания своего убора охотно пользовались изделиями соседей. Ладожские находки этому заключению не противоречат»³.

Интересно было узнать, каким образом они могли бы противоречить приведенному утверждению? Ведь славянских вещей нет, а если бы они были, то не понадобилось бы и столь «остроумное» заключение. В данном случае самим фактом отсутствия славянских вещей в Старой Ладоге доказывается факт присутствия славян здесь. Вот уже поистине образец безграничности человеческих возможностей.

Злые языки утверждают, что именно отсутствием славянских находок в Старой Ладоге объясняется закрытие раскопок на целое десятилетие. Нет оснований не верить этому. По результатам исследований 1938—1959 гг. Г. Ф. Корзухина делает вывод, что материалы древнейшего культурного слоя Ладоги (примерно VIII—IX вв.) связывают ее с широким кругом памятников Севера от Прибалтики до Зауралья, принадлежащих различным финским племенам. В этом же слое встречаются отдельные скандинавские вещи, а славянских материалов нет совсем. Они появляются только в X веке. Окружающие Ладогу небольшие поселения и могильные памятники принадлежат финнам⁴.

В 1970 году возобновились раскопки, а вместе с тем и поиски славян. Столь завидное упорство было вознаграждено, во всяком случае так считают А. Н. Кирпичников, Н. Е. Носов и некоторые другие. Первый из авторов отмечает, что «среди ладожских находок VIII—X вв.

¹ Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83.

недавно удалось выявить изделия, которые могут наконец претендовать на атрибуцию определенно славянских»¹. Речь идет о двух (!) височных кольцах «с обращенными наружу спиральными завитками в 2,5 оборота». Возможно, они могли бы сойти за бесспорное свидетельство присутствия славян, если бы не то обстоятельство, что височные кольца имели широкое распространение среди финских народов. И. Г. Розенфельд только на дьяковских памятниках выделяет четыре типа². А. А. Спицын в памятниках Ижорского плато также выделил четыре типа височных колец³. Да и по свидетельству самого автора кольца указанного типа встречаются на обширнейшей территории, в которую входят как земли восточных славян, так и балтов, западных славян, а также финнов, поскольку памятники Юго-Восточного Приладожья интерпретируются специалистами как веские. Наконец, количество находок «славянских» вещей настолько ничтожно, что они никак не могут определять этническое лицо Ладоги.

Вместе с тем, нельзя не отметить то обстоятельство, что убеждение автора в славянском характере города не мешает ему в другой работе назвать два похода Мстислава Владимировича на Ладогу в XII в. античными. Такая неоднозначность взгляда на этническую ситуацию в Южном Приладожье предполагает, по крайней мере, необходимость обширного комментария. Что имеет в виду автор? Что война велась ладожской округой, в то время как славянский город был оплотнением Новгорода? Но в летописи говорится однозначно: «...идеша в Ладогу на войну»⁴.

Что же касается второго автора, то по совершенно непонятным критериям он отнес небольшие, подквартальные в плане постройки с печью-каменкой в углы к славянским атрибутам. Но таковыми, например, являются все деревенские бани в Карелии. Очевидно, можно говорить об этом типе построек, как об этапе, через который проходят почти все народы лесной зоны.

При таком положении вещей не может не создаться впечатление, что все исследования наших археологов

¹ Средневековая Ладога. С. 17.

² Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 13.

³ Кольчатов В. А. Височные кольца Водской земли. — В Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 168.

⁴ Там же. С. 142.

в Ладогe имеют целью буквально «за уши» втащить славян в Нижнее Поволховье, где, судя по возникающим при этом сложностям, их никогда не было. Эти попытки для видимости объективности перемежаются с «открытиями» типа: «Наличие в анализируемом материале литейных формочек, полуфабрикатов или бракованных изделий, а также ряда предметов, вырезанных из дерева, свидетельствует, что появление финно-угорских древностей в культуре Ладоги не является следствием **каких-то случайных торговых контактов**»¹. Как говорится, и то ладно.

Однако не следует думать, что финским народам оставляют слишком много места в истории края. Анализ археологического материала привел того же Е. Н. Носова к мысли, что «в VIII—X вв. население Поволховья составляли главным образом славяне при наличии иных этнических групп»².

В то же время, отмечая, что поселения эпохи раннего металла в Поволховье почти всегда перекрыты средневековыми отложениями, советские археологи делают вывод о том, что новые поселенцы предпочитали селиться в уже освоенных местах (а как же незаселенность огромных территорий — основная предпосылка славянской колонизации севера?). При этом не совсем ясно, куда они дели старое население? Но похоже данный вопрос не очень-то интересует исследователей: «И если вспомнить сохранившуюся здесь финно-угорскую топонимику, а жители этого региона в эпоху раннего металла были финно-уграми (на деле прибалтийскими финнами, но бог с ним. — В. П.), то **нельзя исключать** возможность **какого-то** контакта между обитателями разновременных поселений»³.

Вот так несомненное свидетельство преемственности населения в регионе превращается в показатель наличия «каких-то» контактов между пришельцами и туземцами. Хотя непонятно, почему автор, перешагнув через столько препятствий в деле утверждения славян в Поволховье, вдруг заробел; представляется, что после устранения стольких помех, смело можно исключить и «последнюю» возможность.

¹ Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 89.

Конечно, не все положения, подобные приведенные выше, являются результатом злого умысла, но часто имеют в основе безразличие к предмету исследования на котором и процветают нелепые по своей сути стереотипы. И нелепость их очевидна любому более или менее объективному исследователю. Кроме того, силу стереотипам придает вековая традиция, поскольку царствующие ныне в сознании стереотипы своими корнями уходят в прошлое, где они порождены на дефиците исторического материала. Как справедливо отметил В. Хутской, привычка делает стереотипы зоной, «закрытой для критики», поэтому они не нуждаются в логическом обосновании и не имеют его — не только в обыденном и религиозном сознании, но и в научном¹.

Мы подробно остановились на состоянии археологических исследований в Поволжье для демонстрации возможностей в решении вопросов этнической истории в условиях клишированности истории. Приведенные факты свидетельствуют о поистине безграничных возможностях археологии в деле подгонки материалов под типовые концепции, в данном случае под славянский характер генезиса русского государства.

Такое положение объясняется тем, что практически любая находка может быть истолкована неоднозначно. Скептическое отношение к возможности определения этнической принадлежности по следам материальной культуры выражали многие исследователи (Х. Ловмянский, А. Л. Монгайт и др.). Итоги дискуссии по поводу возможностей археологии В. П. Алексеев выразил следующим образом: «...уже сейчас можно предполагать невозможность однозначных решений в разных условиях места и времени... можно, по-видимому, все же предполагать, что значительная территориальная контрастность археологических комплексов и их разнообразие в пределах того или иного района скорее свидетельствует в пользу полиэтничности его населения, чем наоборот».

В связи с этим отметим, что, на наш взгляд, археологический материал, относящийся к Древней Руси, свидетельствует, во-первых, о распространении единого этнокультурного или совокупности близкородственных этнических образований в Приладожье, в Поволжье и Приильменье; во-вторых, о разноэтничности населения в данном регионе.

¹ Знание — сила, № 11, 1988. С. 24.

² История первобытного общества. С. 297—298.

и Среднем Поднепровье; в-третьих, о богатстве материальной и духовной культуры жителей Восточной Европы, что никоим образом не согласуется с примитивными штампами, бытующими в истории; в-четвертых, о наличии широких и прочных связей населения Восточной Европы с другими, в том числе весьма отдаленными, районами мира, что противоречит вызревшей внутри славянофильства идее особого начала русского развития, протекавшего изолированно от окружающего мира.

Однако следует отметить, что помимо археологии есть еще ряд дисциплин, далеко не полностью раскрывшихся в качестве поставщиков исторической информации. Из «говорящих» источников по традиции используются письменные (летописи, хроники и т. д.) и, в значительно меньшей степени, устные (фольклор). При этом, представляется, что из письменных свидетельств истории выжато все или почти все, что в них содержится. Но существует еще один весьма «красноречивый» источник, который до сих пор почти не привлекался историками. Речь идет о топонимике, использование которой на новой методологической основе может предоставить обширные данные главным образом по этнической истории, которых так не хватает исторической науке.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ
И НАИМЕНОВАНИЕ ИХ КОМПОНЕНТОВ

Испокон века по наши дни размещение населения поверхности суши представляет собой совокупность территориальных систем различного ранга. Для нас нужд нет смысла членить эти системы по их функциональному назначению. Важно просто иметь в виду, что человечество было расселено в интересующее нас время не беспорядочно, но образуя многофункциональные территориальные системы различного порядка, взаимосвязанные между собой¹.

Время не существует без пространства, поэтому историкам было бы полезно помнить, что предмет их науки, видимо, является изменение во времени этих систем с пространственными характеристиками. Система имеет экономические, политические и культурные аспекты, которые в совокупности так или иначе замыкают на этнос. Именно поэтому история традиционно признается как наука о формировании и развитии этноса.

Когда скоро есть территориальные системы и их компоненты, то они, очевидно, должны иметь свои названия. Наиболее многочисленным отрядом названий, дошедших до нас через тысячелетия, являются этнонимы. Поскольку этносы вполне могли быть компонентами существовавших в давние времена территориальных систем достаточно высокого ранга, логично предположить, что этнонимы могли отражать их пространственную характеристику, заключающую в себе положение их в системе. Иными словами, этнонимы могли служить координатами народов, их носящих. Подтверждение этому находим у древних авторов, которые яснее, чем мы, представляли природу этнонимов. Иордан, описывая ра

¹ Описание территориальной организации в Северной Европе см.: Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 55.

ление славян, говорит: «Хотя теперь они зовутся различными именами по разности родов и мест поселения, но главные их названия склавены и анты»¹.

Однако расшифровка этнонимов сильно затруднена множеством обстоятельств: на одной территории в разное, а иногда и в одно время бытовало, как правило, несколько языков; одна и та же территория в различные периоды своей истории могла входить в несколько территориальных систем и т. п. Все это вело к тому, что одна и та же местность на протяжении веков могла иметь несколько имен, но могло быть и так, что несколько удаленных друг от друга территорий именовались одинаково. Так, жителей Германии русские называют немцами, французы и некоторые другие романские народы алеманами, финны саксалайзет, римляне называли их германами и т. д. Пример этот приводился еще В. Н. Татищевым, который указывал также на то, что скифы «...разделялись по распределению на три главные части, яко африканские, азиатские и европейские, которые паки на неколико частей и народов различались»².

Скандинавам были известны три Индиаланда: «один рядом с Блаландом, другой — с Серкландом, третий — у конца земли...»³. В этом же источнике отмечается наличие трех Серкландов в различных частях света, нескольких Бьярмландов (Биармий), что вызывает затруднения с интерпретацией названных топонимов. В то же время, и в прошлом, и в настоящем, многие страны имеют два названия (Нидерланды и Голландия, Англия и Великобритания, Суоми и Финляндия, Украина и Малороссия и т. д.).

Обилие одинаковых названий на карте, причем не только в СССР, — факт широко известный. Однако далеко не всегда новое название давалось из простого подражания старому. Очень часто за одинаковой формой скрыто смысловое единство названий. Представляется, что именно оно имеет место в таких рядах, как, например, Иберия (историческое ядро Грузии), Иберия (Испания) и Иберния (Ирландия), а не общий для всех названных регионов этнос, как полагают некоторые исследователи.

¹ Ключевский. Т. 1. С. 107.

² Татищев Т. 1. С. 134.

³ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 79.

Следует заметить, что путаница в названиях этносов в исторической литературе носит поистине чудовищные масштабы. Трудно представить, чтобы предмет исследования в науке был более неопределен, чем в исторической изучающей ранние периоды развития общества, если считать этнос предметом науки. Строго говоря, названия употребляющиеся в качестве этнонимов, чаще всего ими не являются. В самом деле, невозможно же, чтобы быть единым народом, покрытый названием «скифы», который проживает в трех частях света. Скорее, мы имеем здесь дело не с этносом в его традиционном понимании, а с какой-то пространственной характеристикой трех разных народов.

Возможно, если рассматривать каждый из приведенных В. Н. Татищевым скифских народов в отдельности, то имеются основания для предположения наличия трех этнических массивов родственных племен и народов так называемых суперэтносов, хотя вовсе не обязательно. Например, в причерноморских скифах большинство ученых видит относительно однородную совокупность племен иранской группы индоевропейской языковой семьи. В этом случае этническая ситуация в регионе была подобна существующей ныне в Северной и Центральной Индии, населенных этническими группами хиндустанцев, бихарцев и раджастханцев, этническое самосознание которых выражено слабо. Как отмечают специалисты, этноязыковая ситуация в Хиндустане и Раджастхане является классическим примером лингвистической и этнической непрерывности, при которой одними разговорные языки и диалекты переходят в другие постепенно, через серию промежуточных языковых форм; в то же время группы населения, территориально удаленные друг от друга, резко отличаются в этническом и языковом отношении¹.

Однако этническая ситуация — категория историческая. В первой половине I тыс. н. э. она радикально изменилась в Северном Причерноморье: ираноязычные племена подверглись мощнейшему воздействию со стороны северных германских, финских угорских народов, а начиная с VI в., и тюрков. То, что готы в византийских источниках именовались скифами, факт широко известный. Но скифами же Агафий называет и гуннов: «Византийцы называют их скифами, а они называются гуннами или скифами. По племенам же»

---

¹ Брук С. И. Указ. соч. С. 333.

в отдельности одни из них называются кутригурами, другие утигурами, некоторые ультизурами, прочие вургундами»¹. Тюрский каган Дяньгу в письме императору Маврикию пишет: «Говорят, среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным»². Под скифскими народами здесь понимаются все племена Восточной Европы (гунны, готы, аланы и др.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что название «скифы» выражает не какой-то определенный этнос и даже не группу родственных народов, а скорее совокупность племен, проживающих на определенной территории. Таким образом, первичным является хороним Скифия, а скифы — это жители данной страны, не более того. Еще в начале I тыс. н. э. Овидий, сосланный в западнопричерноморский город Томы, в письмах друзьям и стихах называет место своего пребывания то Скифией, то сарматской землей, а жителей ее гетами или сарматами, реже скифами³.

Заложено ли в названии «Скифия» какое-либо понятие, т. е. содержится ли в нем смысл? Думается, что наиболее естественным будет утвердительный ответ. При этом, логичнее всего предполагать, что оно содержит какую-то характеристику территории, к которой относится. Что же нам известно про Скифию? Римляне называли так землю по «ту сторону Истра» (Дуная), к востоку от среднего течения реки. По Иордану, Скифией называется страна, граничащая с востока с землями Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро, т. е. лежащая к востоку от Паннонии. Из этого можно предположить, что в приведенной паре названий (Германия и Скифия) противопоставлены две стороны горизонта — запад и восток.

В какой-то степени данное предположение подкрепляет вторая пара имен — Скиф и его брат Словен, потомки Иафета (сына Ноя). Эти имена, по мнению авторов СЭС, являются символом связи между древними славянами и скифами, очевидно, имеется в виду преемственность между ними. Однако связь между ними может быть и другого свойства, например, то же противопоставление востока и запада, что и в предыдущем случае. В этой связи интересно сообщение Иоакимовой летописи

¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 87.

² Там же. С. 106.

³ Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. С. 87.

си, что славяне «от старшего брата прозвашася». Понятия «старый», «поздний» во всех языках в прошлом были связаны с понятием «запад» (например, санскритское авага «поздний», «западный»; расса «задний», «поздний», «западный»). В летописи далее говорится, что князь Славен из Фракии «иде к полуночи и град великий созда, во свое имя Славенск нарече. А Скиф оставу Понта и Меотиса в пустынях обитати, питаяся от сего и грабительства и прозвая страна та Скифия Великая».

О легендарных именах, приведенных выше, с. В. Н. Татищев был следующего мнения: «Иные же, когда своего или другого народа не зная от чего имя произошло и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владельца имя сделали и от того родословие непрерывное сложили, как то видим шведского Иоана Магнуса, Рудбека и пр., о их королях. И сущие первый взял точно татарские ханов имена, ибо они с татары единородными почитаются. Чехи и Поляки вымыслили трех братьев: Чех, Леха и Руса, наш новгородец князя Славена и других странских имен, которые басни от самых тех сложены легко обличаются»². К приведенному ряду имен относятся и широко известные у нас имена братьев Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди, а также известные из ПВЯ братья Вятко и Радим, от которых «прозвались» вятичи и радимичи. Известны «родоначальники» аврского племени Хунни и Уар (Вар) и т. д. и т. п. Конечно же в данном явлении нашли отражение не просто стремления несведующих найти объяснение бытующим названиям стран и народов, но и общих принципов мифологизации человеческих знаний в области истории, характерных для всех народов до развития научного познания.

Итак, согласно Иоакимовой летописи, Скифия расположена к востоку от земли Славена. Таким образом в обеих рассмотренных парах Скифия характеризуется восточным расположением в системе и, следовательно, можно предполагать, что именно «восток» и содержится в ее названии.

Для косвенного подтверждения данной версии рассмотрим третью пару имен. Согласно Иордану, «...начальная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположено многолюдное племя венето».

¹ Татищев. Т. 1. С. 108.

² Там же. С. 129.

Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами». При этом, склавены составляют западную группу, а анты восточную¹. Данный пример, вместе с предыдущим (Скиф — Славен), свидетельствует о том, что в названиях Славения, Склавения и прочих однокоренных содержится понятие «запад».

Итак, по Иордану, с одной стороны, Вистула разделяет германцев и венетов, с другой — разграничивает Германию и Скифию². Следовательно, венеты — это жители восточной части единой территориальной системы, которые в свою очередь делятся на два крыла — западное и восточное (склавленов и антов). Интересно, что топонимы с корнем «вен» характеризуются восточным расположением в системах. Например, город Венеция расположен на востоке Италии; само название города Вена означает «восточная» и досталось ему в наследство от герцогства, отделившегося от Баварии в 976 г.

Еще раз подчеркнем приведенное выше свидетельство Иордана о том, что наименования венетов меняются соответственно различным родам и местностям. Это можно понимать и как то, что роды, живущие в одной местности, покрываются одним названием, и как то, что главенствующий род распространяет свое имя на остальные. Очевидно, имело место как то, так и другое. Но, на наш взгляд, все же чаще всего в названиях содержалась характеристика местности. Это подтверждает и ПВЛ: «...разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели». Далее следует перечень славянских народов: морава, чехи, белые хорваты, сербы, хорутане, ляхи, поляки, лутичи, мозавшане, поморяне. При этом, хотя мы знаем, что все эти названия «от мест», смысл лишь последнего нам более или менее ясен.

Так или почти так понимал природу этнонимов и В. Н. Татищев. Например, в названии народа гилиа он видел сарматский корень со значением «западный», «вечерний», отмечая, что оно могло быть дано народом, жившим к востоку, так же, как известный у русских этноним черемисы означает «восточные люди»³.

¹ Иордан. Указ. соч. С. 71—72, 210.

² Там же. С. 68.

³ Татищев. Т. 1. С. 143.

Смысл названий большей части крупных географических объектов, которые, как правило, пришли из глубины веков, современному человеку неизвестен. В научной литературе часто можно встретить утверждение, что они остались нам в наследство от носителей давно исчезнувших языков. Например, на севере Европы выделяют в топонимике целый ряд пластов, языковая принадлежность древнейших из которых неизвестна. Однако есть ряд моментов, делающих это утверждение достаточно сомнительным.

Известно, что история заселения региона после ледника полностью укладывается в 10 тыс. лет. При этом есть все основания предполагать, что последние два тысячелетия бытующие здесь языки не претерпели существенных изменений, значительно менялись лишь ареалы распространения отдельных языков. С другой стороны нет оснований предполагать изменение до неузнаваемости языков в более ранние времена. В конце концов, античные языки не претерпели столь существенных перемен за те несколько тысяч лет, в течение которых они известны. Напротив, формы коренных понятий, которые как правило, и попадают на карту, практически остались неизменными.

Тогда почему же на основе современных языков расшифровка огромного количества топонимов до сих пор неосуществима? Нам кажется, что причина заключена в незнании изначальной природы наименований. Дело в том, что принципы образования их историчны, как и все явления общественной жизни. Очевидно, в прошлом они были существенно иными, что и делает понимание древних названий затруднительным.

Исходя из данного предположения, можно утверждать, что множество этнонимов и топонимов могут быть расшифрованы при условии нахождения принципов образования географических названий. А поскольку мы предполагаем содержание в них пространственных характеристик объектов, их носящих, то следует отыскать системы обозначения прежде всего сторон горизонта, т. к. они лежат в основе пространственной ориентации людей. Представляется, что непонятные географические названия в значительной степени являются компонентами этих утраченных систем.

Следы их находятся и в старинных документах, и даже в жизни человеческих сообществ с развитой родовой организацией. В одной из своих работ Е. А. Мельнико

поместила карту, которая «отражает соединение христианской географической традиции с местной скандинавской»¹. Датируется она XIII в. На карте под каждым из направлений помещен столбик имен и понятий, характеризующих именно эту сторону горизонта. Так, под Востоком (avstr Oriens) следует: Вультурн, он же Кальций, мягкая весна, детство, теплота, кровь; под Западом (Occidens vestr): Африк, он же и Либ, сырая осень, старость, влажность, вода; под Югом (Svdr meridies): Евроостр, жаркое лето, юность, жара, дух; под Севером (Nordr septentrio): Цирций, он же Троаций, морозная зима, от треска (мороза) озноб тела. Использование наряду с греческими и латинскими названиями сторон горизонта (они же являются наименованиями ветров) ряда понятий указывает на то, что еще в XIII в. они служили для характеристики определенных направлений, причем не просто характеризовали их, но могли быть употреблены в качестве названий соответствующих стран света. Приведенные понятия являются частью систем, использовавшихся в прошлом для наименования компонентов территориальных образований.

Такие системы широко бытовали в период господства родоплеменных отношений у различных народов. В их основе заложено представление людей о суточном и годовом движении Земли. На ранних этапах развития общества наше светило было для людей не просто Солнцем вообще, а Солнцем в конкретной фазе суточного и годового хода. Точно так же у ряда современных народов Севера нет абстрактного снега, а есть снег в конкретном состоянии, причем для каждого из них существует особое понятие.

Существование подобных систем ориентации подтверждается и этнографическими материалами: ориентация по Солнцу присуща и картам, которые хранили вожди племен Центральной и Южной Африки. Ориентировка по странам света широко применялась в картах народов Северной Азии»². Естественно, в Европе XIII в., далеко ушедшей по пути социально-экономического развития от родо-племенной организации общества, уже были утрачены многие понятия, служившие для обозначения сторон горизонта. Однако, зная принцип их обра-

¹ Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 104.

² История первобытного общества. С. 357.

зования, имея примеры применения их в сопредельных территориях, а также следы, содержащиеся в топонимике самой Европы, вполне можно дополнить их ряд.

Так, к использованным на карте обозначениям востока несомненно можно добавить понятия «начало», «перед», а также некоторые другие, которые по смыслу не выпадают из приведенного ряда, например, даже числительные «один» и «первый». Сравните начальную букву кириллицы «аз», одновременно являвшуюся и числительным «один», с названием части света Азия. Известно, что греки все земли, находившиеся к западу от Эллады, называли Европой, а восточные Азией. Очевидно, этим же корнем образовано общегерманское наименование востока *ost*.

Соответственно для обозначения запада возможно использование понятий «зад», «конец», «сумерки», а также связанный с последним цветовой спектр серый — светло-серый — белый. Север можно обозначать понятиями «низ», «дно», «полночь», «тьма», «черный». Характеристика севера как «полунощные страны» бытовала в русском языке еще сравнительно недавно, изредка как поэтический эпитет она используется и поныне. Финское слово *rohja* «дно» используется для обозначения севера. Однако наиболее часто в прошлом использовалось определение северных стран как низинных или низовых. Отсюда, например, восходит современное название государства Нидерланды. Существует, правда, его объяснение от низменного характера территории страны, но и второе название Голландия также отражает северное ее положение в некой старой территориальной системе. В основе последнего названия лежит индо-европейский корень *kol* (*t*). Сравните англ. *cold*, шв. *kall*, ф. *koleus*, рус. «холод» с единым значением. Кстати, южнее в Бельгии живут фламандцы, близкородственные голландцам, в этнониме которых можно увидеть общий корень с лат. и герм. *flamme*, рус. «пламя», ф. *lātmā* «тепло» и *palaa* «гореть».

Для обозначения юга могли использоваться понятия «жара», «лето», «день» или «полдень», «высокий» или «верховой», а также «красный». Связь между полуденным солнцем и югом прозрачна. Высокое солнце соответствует полуденному, поэтому южные земли еще сравнительно недавно назывались верхними или верховыми. Связь полуденного солнца с понятиями «жаркий» и «красный» тоже очевидна.

Характерно, что понятия «верх» и «красный» фонетически одинаково оформлены в целом ряде языков. Сравните рус. «рост», «росток», «растить», и «розовый», «рыжий»; англ. rise «рост» и red «красный», russet «красновато-коричневый», rust «ржавый»; э. ratsa «верховой» и ruske «рыжий»; ф. ratsastaja «верховой», и ruoste «ржа»; нем. Reiter «всадник» и rot «красный», rostig «ржавый». Сюда же можно добавить ф. vaaga «возвышенность» и vägi «краска» (ср. в. vōgōs «красный», глагол «красить» и цвет «красный» передаются одним корнем не только в русском языке, например, в лат. color «цвет», но и «красный»: ubi color ibi dolor «там, где краснота, там болит»; cologo «красить», но и «румянить»).

Известный русский историк и фольклорист А. Н. Афанасьев еще в прошлом веке писал: «...слово не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но что в то же время оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления». Несколько ниже он продолжал: «Так как различные предметы и явления легко могут быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление, то естественно, что человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название, или, по крайней мере, названия, производные от одного корня. С другой стороны, каждый предмет и каждое явление, смотря по различию своих свойств и действий, могли вызвать и в самом деле вызывали в душе человеческой не одно, а многие и разнородные впечатления. Оттого, по разнообразию признаков, одному и тому же предмету или явлению придавалось по несколько различных названий. Предмет обрисовывался с разных сторон, и только во множестве синонимических выражений получал свое полное определение».

Как говорится, ни прибавить, ни убавить. Все здесь сказанное в полной мере подтверждается бытовавшей в прошлом системой пространственной ориентации, и в то же время объясняет механизм ее формирования. В свете данного объяснения понятно, почему возможно существование, например, десятка слов для обозначения юга, хотя их, очевидно, много больше. В той же работе А. Н. Афанасьев приводит данные о существовании в санскритских словарях 35 названий для огня и 37 для солнца, каждое из которых, очевидно, могло быть использовано для обозначения южного направления. Не

менее ясно также и то, что не случайны совпадения корней в приведенных нами разноязычных примерах слов «красный» и «верхний».

Следует еще добавить, что связь отдельных представлений, которая выражалась в родстве корней и была понятна человеку, основывалась на образности мышления и в значительной мере утрачена нами. В самом деле, мы уже не осознаем ее между, например, понятиями «зеркало» и «озеро», и даже найдя общий корень, можем реконструировать былую связь лишь гипотетически. Только ее утрате обязано существованием понятие «зеркало озера».

Блестящее подтверждение бытования в прошлом рядов однокоренных слов, которые образовывали целый куст связанных между собой какими-либо признаками понятий, дает древний санскрит. Здесь одним словом часто образуется несколько определенным образом близких понятий. Например, самага «последний», «западный»; рага «далекий», «прошлый», «окончание», раганга «зад», рагината «склоняющийся вниз», «заходящий», гога «восходящий», «рост», «высота», гогит «красный»; вага «вода», вагуна «водный», «западный», вагуни «запад», арага «следующий», «поздний», «западнее», арага «запад»; агуса «красный», «огненный», «солнце», «день», раґсатуа «задний», «поздний», «западный», «последний», ригва «первый», «начальный», «восточный».

Иллюстраций множественности понятий, образованных единым корнем, а также языковых связей на обширнейших пространствах можно найти достаточно и в современных языках. Например, рус. «варить»; англ. warm «греть», ф. ваага «гора», веги «кровь», а также в. вагос «город», вег «кровь», вогос «красный», несомненно, несут в себе единый корень, которым в свое время обозначался ряд понятий (тепло, жар, верх, холм, город, красный, кровь и др.), фрагментарно сохранившийся во многих языках, относящихся ныне к разным семьям.

Есть основания полагать, что следы былого языкового единства наиболее хорошо выражены в периферийных частях континентов. Так, в Европе можно выделить широкий пласт слов, общих для севера и юга, который представлен в языках центральных ее районов. Например, всем, очевидно, известно животное с названием греческого происхождения гиппопотам, которое переводится как «водяная лошадь». Сравните это греческое hippos с прибалтийско-финским, в частности с карельским heppi.

«лошадь» и английским hobbi «конек». Не менее известным является и другое слово греческого происхождения «селекция», которое можно сравнить с кар. selliteā «отбирать», «сортировать». Часто эти связи уходят и за пределы Европы: широко известно имя апостола Петра и его происхождение, но древнееврейский его вариант Кифи, что также означает «камень», вполне сопоставим с прибалтийско-финским словом kivi «камень». А. Я. Брюсов в свое время удивлялся, откуда мог взяться этот финский корень в одном из топонимов Дании (Кивик). Видимо, следует признать, что он является не только финским и когда-то имел хождение также на Ютландии.

Примеров такого рода можно подобрать великое множество. Все они свидетельствуют об отдаленном родстве языков, представляющих две разные семьи (индо-европейскую и уральскую), что, в свою очередь, указывает на наличие в прошлом определенной связи между языками Южной Европы и Ближнего Востока, с одной стороны, и Северной Европы, с другой.

На географической карте достаточно много названий, которые в силу их сходства можно выстроить в ряды, к примеру, следующие: Иверия, Иберния, Иберия, Ибар, Ибарра и примыкающие к ним Европа, Евфрат, Эвр, Эвре-Ордал и др.; Ливан, Ливаны, Ливия, Ливно, Ливны, Ливония, Ливорно, Ливерпуль, Лийва и др. Эти ряды можно дополнить этнонимами, поскольку известна их тесная связь с хоронимами. Например, к первому ряду примыкают евреи, а ко второму карелы-ливвики.

Случайно ли сходство этих имен, разбросанных по обширнейшему евро-афро-азиатскому региону, или за этим стоит нечто большее, нежели случайность? Если внимательно рассмотреть первый из приведенных рядов, то нетрудно заметить, что очень часто названные географические объекты занимают крайне западное положение на суше или же западное положение в системе (р. Ефрат в Междуречье). Многие объекты второго ряда, бесспорно, отличаются тем же, т. е. занимают западное положение (например, Ливийская пустыня и Ливия относительно Египта).

Выше уже отмечалось, что одно из наименований запада — Либ. В нем содержится тот же корень, что и в названиях, приведенных выше во втором ряду. Использувавшиеся в прошлом системы пространственной ориентации лежали в основе и наименования ветров.

Греки выделяли четыре основных и четыре, шесть, семь или восемь дополнительных ветров, которые составляли розу ветров. Д. Райт отмечает, что во все времена по поводу названий ее отдельных элементов царила ужасная путаница¹. Одной из основных причин ее, вероятно, является множественность наименований любого из направлений. Е. А. Мельникова отмечает, что греческое название Либ служило иногда для обозначения юго-западных ветров². Она же приводит второе их название Евронот, но известно также то, что греческим именем Нот обозначали ветры южных направлений. Отсюда можно сделать вывод о связи корня «евр» с западом.

Для иллюстрации территориальной масштабности явления, когда один и тот же корень обнаруживается в основе множества географических названий, даже значительно удаленных друг от друга, здесь приведены два ряда топонимов. Но их много больше, в том числе и тех, которые содержат в себе названия других сторон света, например севера: Кола, Кольский полуостров, Колас, Колатсельга. Сюда же примыкают исторические этнонимы: европейские кельты и малоазиатские галаты.

Объяснение же данного явления вызывает необходимость привлечения лингвистической теории, получившей название ностратической. Впервые гипотезу существования ностратической макросемьи языков, включающей ряд языковых семей и отдельных языков Евразии и Африки (индо-европейские, уральские, семитохамитские, кавказские, алтайские, дравидийские, корейские и др.) выдвинул датский ученый Х. Педерсен. В первой половине 1960-х гг. ее блестяще обосновал В. М. Иллич-Свитыч в работе, подготовленной и изданной уже после безвременной смерти автора.

Суть теории в авторском изложении заключается в следующем: «...если родство сравниваемых языков является столь отдаленным, что тождественные по происхождению элементы оказываются полностью вытесненными, следует ожидать, что определенное... число наиболее устойчивых языковых элементов исходного языка-основы, составляющее ядро морфологических, словообразовательных и лексических систем языка, будет сохранено дочерними системами. Именно такая ситу

¹ Райт Д. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 160.

² Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 109.

ция наблюдается при сравнении шести языковых семей»¹. Добавим, что ее проявление на географической карте мы и используем.

Сопоставление широкого круга языков показало, что «...сходства носят не случайный, а мотивированный характер», что они «не могут быть объяснены разнонаправленными заимствованиями или феноменом так называемого «элементарного сродства» ...основная их масса ...получает истолкование лишь в рамках теории, постулирующей генетическое родство упомянутых языковых семей, т. е. принадлежность к одной более широкой языковой группировке, которую мы называем условно... ностратической языковой семьей»².

Следует отметить, что не все лингвисты принимают ностратическую теорию. Однако, как уже отмечалось, ее обоснование содержится в посмертном издании В. М. Иллич-Свитыча, которое состоит из трех томов. При этом, между изданиями первого и заключительного томов прошло почти два десятилетия. Естественно, за это время в языкознании появилось много новых работ, в том числе ряд этимологических словарей языков, входящих в круг ностратических. Как справедливо отмечает В. А. Дыбо, если бы ностратическая теория была ошибочной, то составители непременно столкнулись бы с необходимостью значительного сокращения возможных этимологических сближений, но этого не произошло. Увеличение материала в большинстве случаев лишь способствовало укреплению этимологических предложений В. М. Иллич-Свитыча³.

Представляется, что круг ностратических этимологий может быть значительно расширен. В пользу этого свидетельствует хотя бы то, что лишь одна из приведенных нами выше языковых параллелей присутствует в ностратическом словаре В. М. Иллич-Свитыча (*kivi*). Кроме того, нами выявлено свыше тридцати соответствий прибалтийско-финских лексем санскритским, которые не зафиксированы в ностратическом словаре: санскр. *kanda* «корень» — кар. *kando* «пень», «ножка гриба»; *karna* «ушастый», «ушко» — *kuurnis* «глухой»; *kart* «резать», «отсекать» — *karsea* «обрубать»; *kars* «пахать», «обрабатывать землю», *karsin* «сельский житель», «кре-

¹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 3.

² Там же. С. 1.

³ Там же. М., 1984. С. 6.

стьянин», karsu «борозда», «яма», «нора» — karsin «подвал»; kira «яма», «нора», «пещера», «колодец» — kuorra «погреб»; sitya «огонь» — šyttyä «вспыхивать», «загораться»; kaç, «быть видимым» — kaçsoa «смотреть», «видеть»; kaçi, «солнце» — keçoi «солнце» (в словах räivukeçoi «день», ildukeçoi «вечер»); tejas «огонь», «свет», «блеск», «красота», «мощь», «энергия», «величие», «светило» — taivas «небо» (ср. санскр. daiva «божественный», «божество»); pabha «пупок» — pāba «пупок»; pama «имя» — nini «имя»; nistyа «чужой», «стоящий вне касты» — niistei «калека», «убогий» (ср. рус. «нищий»); paç «печь», «варить» — pastaа «печь»; paçya «последний», «конец», paça «далекий», «прошлый» — peçā «зад», «задний»; paçici «окружать», paçyak «вокруг», «кругом», paçyaуа «вращение» — pyoçia «вращаться», pyoçō «колесо»; pala «незначительное количество», «капля» — pala «кусочек», «часть»; para «злой», «вред», «несчастье» — paña «плохой», «злой», «зло»; ripya «красивый» — rипа «красный» (ср. греч. ropikea «красный», рус. «пунцовый»); yamyа «южный», yavan «всадник» — jumal «бог»; yukta «соединенный» — yhtyä «соединенный» — yhtyа «соединяться»; riç «ломать» — riççea «ломать», «разбивать»; vatsa «теленочек» — vasa «теленочек»; vaia «вода» — vajatta «капать», «протекать»; çata «сто» — sata «сто»; vala «шерсть» — villa «шерсть»; savya «южный» — sivi «юг»; srama «хромой» — gamma «хромой»; aга «шило» — oга «шило»; kukkuta «петух» — kukko «петух»; koka «кукушка» — kågō «кукушка», ravi «пев» — «ravista «петь»; vaci «нож», «кинжал» — veičçi «нож»; urça «самец» — uros, urho «самец», «герой»; attav «пожиратель» — aattua «хватать зубами» (суффикс — tar в обоих языках идентичен); siv «присоединять», «пришивать» — sivottu «привязанный»; hasta «рука» — kāsи «рука», aja «понуждение», «погонщик», aj «гнать» — ajoа «гнать».

Здесь приведены лишь бесспорные, на наш взгляд, параллели. Кроме того, существует великое множество пар, в которых сходство проявляется не столь прямо.

В 1960-е годы работу, направленную на выявление общих морфем в языках различных языковых семей, вел П. И. Тупицын. Результаты этой работы в связи с болезнью и последовавшей кончиной исследователя не были подготовлены к публикации. Нам направление и некоторые результаты работы известны из личных бесед с ним. В частности, он указал на одно важное соответствие карельского языка греческому: на севере

Европы обнаруживаются лингвистические и этнографические следы существования в древности верования в божество земледелия по имени *Āgrōi*, в котором явно виден ставший международным греческий корень «агро». Еще в сравнительно недавнее время найденные на поле две сросшиеся репы (иногда одну очень крупную) закладывали в погреб с соблюдением особого ритуала. Такая репа называлась *āgrōin pagris*, где *pagris* «репа». Очевидно, это божество отличалось капризным характером, поскольку в переносном значении *āgrōin pagris* означает еще и «привереда», а глагол *āgristyā* «капризничать», «привередничать».

П. И. Тупицын указывал на существование явных параллелей между прибалтийско-финскими языками и языками Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе с шумерским языком, с языками Дальнего Востока, в частности с японским. Последнее мы можем проиллюстрировать своим примером: я. *godo* «труд» и кар. *gaado* «работа», «труд». Особо отметим, что, по мнению исследователя, генетическое родство языков прослеживается не только в Евразии и Африке; он находил связи прибалтийско-финских языков с языками индейцев Америки, что вполне согласуется с гипотезой существования в прошлом перемишки между Азией и Америкой. Эта связь подтверждается нашими находками на карте: название древней столицы инков Куско на языке индейцев означает «пуп», «центр», что сближает его с прибалтийско-финским *keski* «середина», «центр».

В завершение разговора о лингвистической основе нашего исследования выражаем надежду, что оно, хотя бы в какой-то мере продемонстрировав «работоспособность» ностратической теории, послужит еще одним подтверждением ее истинности.

Глава III

«ГЛОБАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА» И ЛОКАЛИЗАЦИЯ РУСИ

Локализация Руси Начальной была и остается главной нерешенной загадкой нашей истории. Представляется, что связано это прежде всего с узостью взгляда исследователей на данную проблему: исходя из ПВЛ, ее ищут в VIII — IX вв. на севере, но при этом не могут объяснить существующих следов ее деятельности на юге в этот, а иногда и более ранний период; с другой стороны, те, кто помещает ее на юг, приходят к неразрешимому противоречию с ПВЛ и некоторыми другими письменными источниками тысячелетней давности. При всем различии своих позиций, обе стороны имеют в основе своей исследовательской деятельности нечто общее, а именно: примитивизацию исторического процесса, упоминавшуюся выше, которая может проявляться в его представлении как некоего фиксированного периода, имеющего свое начало и конец, при этом условность этого начала во внимание не принимается, тогда как оно на деле является продолжением динамичного исторического процесса. Наше историческое представление зиждется на положении «до того был хаос», тогда как там мог существовать порядок нам неизвестный, но который лежит в основе неясных нам исторических проявлений.

Наша история ведется с IX в., со времени, когда несколькими племенами северо-западной части страны были приглашены на правление никому доселе не известные варяги-русь. Но ведь сама русь существовала гораздо раньше. Х. Ловмянский отмечает: «...первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим особых вопросов, мы готовы признать название *hrōs* (или *hrō*), хотя на юге первая форма более вероятна), в сиринском источнике VI в. «Церковной истории» Псевдо-Давидовича. Название *hrōs*, попавшее в этот источник из

мянской традиции, фигурирует там в конце списка кавказских народов». Многие склонны не верить в столь раннее существование руси, но в «Песни о нибелунгах», созданной на рубеже XIII в. и имеющей в своей основе исторические предания, описываются события первой половины V в., когда на свадьбу Этцеля (Аттилы) съезжаются гости из разных концов земли, и первыми в списке отмечены русы. Причем они не идентифицируются с «бойцами из Киевской земли», которые упомянуты в конце списка за печенегами¹. Вспомним сообщение ПВЛ о том, что киевляне стали прозываться русью после завоевания города Олегом. В другом месте ПВЛ отмечается: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене»².

За русами на свадьбе Аттилы можно видеть потомков росоманов Иордана, соседей и союзников готов, этноним которых означает «люди рос»³. Пережив крах готской державы, которому они в немалой степени способствовали, поскольку именно они убили Германариха, росоманы играли, видимо, не последнюю роль и при Аттиле. Особо отметим то обстоятельство, что упоминание русов в ряду народов Центральной и юга Восточной Европы свидетельствует скорее не в пользу локализации именно здесь руси, а о широте ее интересов, вынуждающей русь действовать вдали от родины. В пользу этого свидетельствует участие в 643 г. в борьбе на Кавказе, о котором говорится во Всемирной истории ат-Табари (923 г.)⁴. В войне с арабами русы участвовали как союзники хазар.

Таким образом, история руси к моменту образования Древнерусского государства уже насчитывала по крайней мере пять столетий. Это подтверждается и письменными источниками. О деятельности руси на Черном море в конце VIII — начале IX вв. говорится в жизнеописаниях двух византийских святых, о которых еще пойдет речь ниже. Так вот, в одном из них русь получила следующую характеристику: народ, который «все знают».

То обстоятельство, что во всех приведенных источниках русь действует на юге Восточной Европы, совер-

¹ Песнь о нибелунгах. Авантюра XXII.

² 1983. С. 35. Повесть временных лет. — В кн.: Повести Древней Руси. Л.,

³ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 38.

⁴ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 188.

шенно не свидетельствует, как может кому-то показаться, против северного ее происхождения. Готы тоже были северянами, но судьба созданной ими торговой державы решалась в Причерноморье. Х. Ловмянский отмечает, что западные названия, дошедшие в латинских источниках, идентифицировали русь с норманнами. Византийское сообщение о нападении руси в 860 г. на Константинополь, переданное Иоаном Диаконом, жившим на рубеже X и XI вв., но основанное на более ранних известиях, говорит не о руси, а о норманнах. Лиутпранд, епископ Кремоны (с 963 г.), также говорит о русиях, «которых иначе мы называем норманнами»¹.

Хронологически достоверные данные о росах относятся к 838 г., когда к императору Феофилу II прибыли послы от «народа Рос» и которых «царь их, по имени Хакан отправил к нему ради дружбы». Кстати, титул «хакан» в то время принадлежал верховным правителям авар, хазар и норманнов². От имени последнего и действовали послы к Феофилу. В 839 г. они появились при дворе франского императора с письмом, в котором Феофил просил, «чтобы император милостиво дал им возможность воротиться в свою страну и охрану по всей империи, так как пути, которыми они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они возвращаясь по ним, подвергались опасности».

В одной из последних крупных работ, посвященной вопросам возникновения Древнерусского государства, о которой говорилось выше, авторы упоминают о посольстве «каганата росов», который они размещают на Среднем Днепре, утверждая, что, «судя по данным последних исследований» (?), он охватывал «территорию примерно соответствующую границам Киевской Руси 882—1054 гг.»³. С одной стороны, не совсем понятно, а точнее совершенно не понятно, что за «последние данные» имеют в виду авторы, а с другой стороны, сама форма заявления как две капли воды похожа на цитируемую нами во введении мысль о значении термина «Русь», за которой на поверку оказалась пустота. В всяком случае о содержании письма Феофила к императору авторы в работе умолчали. На его фоне положение

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 215—216.

² Там же. С. 195.

³ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 189.

ние о локализации руси на Днепре выглядело бы сомнительным, поскольку тогда обратное путешествие половец через франкские земли представляется столь же нелепым, как, скажем, поездка в наше время из Москвы в Ленинград через Хабаровск.

Трудности с возвратом посольства на родину свидетельствуют о северной локализации руси. Только при этом обратный путь русов через земли франков обретает смысл. В этом случае ареал обитания «диких племен», о которых говорит в письме Феофил, включает Поднепровье, контролируемое хазарами, отношения с которыми в этот период у руси обострились, о чем будет речь ниже. О северном происхождении руси говорит и ПВЛ — главный письменный источник нашей истории.

Искать русь среди славян бессмысленно, и это сейчас осознает подавляющее число историков. Но опыт предшественников подсказывает, что не менее бесперспективны попытки найти ее среди скандинавов, во всяком случае как мы их понимаем. К тому же в ПВЛ ясно сказано, что русь с известными нам скандинавскими народами имела лишь отношения соседства, не более того: «Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, ангыляне, друзии те, тако и си»¹. Из известных народов Скандинавии здесь не упомянуты лишь датчане, что само по себе, конечно же, не является основанием видеть в них потомков исчезнувшей руси.

Тем не менее, именно эти направления поиска руси в силу обстоятельств стали традиционными. Хотя в истоках русской истории в XVIII в. существовал альтернативный путь: В. Н. Татищев полагал финское происхождение руси. На основе анализа летописных источников он делает вывод: «Подлинное ж пришествие их (варягов. — В. П.) является из Финляндии... потому что фины руссами, или чермными (рыжими, русыми. — В. П.), называться могут»². Ниже В. Н. Татищев обосновывает данное утверждение.

В комментариях к одному из прижизненных изданий В. О. Ключевского (конца прошлого века), которое когда-то нам приходилось держать в руках, упоминается о неких сведениях легендарного характера о деятельности Рюрика на Карельском перешейке, где еще

¹ Повесть временных лет. С. 31.

² Татищев. Т. 1. С. 291.

в XV в. имелось озеро с названием Рюрик-ярви. Даже сам внешний вид названия «русь» наталкивает на мысль о прибалтийско-финском происхождении народа с таким именем. В. Т. Пашуто отмечал, что оно по своей структуре принадлежит к западнофинскому этнонимическому ряду¹. Позже в работе Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина даже подчеркивается «...очевидная принадлежность названия «русь» к продуктивной древнерусской этнонимической модели для обозначения финских племен (сумь, корсь, емь, весь...)»².

Однако этой констатацией и ограничивается развитие альтернативного направления поиска руси. Прибалтийско-финский ряд этнонимов, приведенный выше, можно продлить: либь, лопь, воть, чудь. Все эти имена безусловно финские, а подобные этнонимы не встречаются более нигде: ни среди славян, ни у балтов, ни в Скандинавии. И тем не менее, как бы отдавая дань традиции, авторы этимологию этнонима «русь» возводят к древнескандинавскому $gō\tilde{v}(e)R$ «гребец» (?), «участник похода на гребных судах» (?).

Очень часто исследователей привлекает финское название Швеции Ruotsi, исходной формой которого многие считают то же $gō\tilde{v}eR$, где конечное R звучит как Z. Некоторые возводят этноним «русь» к названию участка шведского побережья в Упланде Roslagen. Наконец, в советской исторической литературе достаточно часто встречается привязка названия руси к имени небольшого притока Днепра в среднем его течении Роси. Существует еще ряд совершенно неправдоподобных версий, которые можно не приводить.

Что касается выведения имени руси из Ruotsi, то представляется убедительным утверждение Х. Ловмяньского, что оба названия, хотя и родственные, могли развиваться независимо одно от другого из одной основы. Возражения В. Т. Пашуто по данному поводу, основанные на том, что финские и славянские языки принадлежат к различным языковым семьям, выглядят неубедительными³. В подтверждение независимости развития приведенных двух названий укажем на существование

¹ Ловмяньский Х. Указ. соч. С. 281.

² Мельникова Е. А., Первухин В. Я. Славяно-фенно-скандинавские этно-языковые контакты в раннее средневековье. — В кн.: X Восточная союзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. С. 129.

³ Ловмяньский Х. Указ. соч. С. 179, 182, 281.

и третьего варианта, получившего развитие от той же основы, что и два предыдущих: в языке коми **роч** означает «русский». Причем, как будет показано ниже, данное имя не заимствовано из русского, а возникло в коми языке.

Версия происхождения руси от гоѣR явно надумана, поскольку нет никаких следов существования когда-либо социальной группы «гребцов» ни в Швеции, ни в других странах региона, хотя до наших дней сохранилось множество названий такого рода, смысл которых более или менее ясен. К тому же сама по себе возможность трансформации названия социальной группы в этноним весьма сомнительна. Еще менее возможен переход наименования участка побережья Roslagen в имя могущественного народа, передавшего его огромному государству, причем даже не столько с точки зрения фонетики, сколько здравого смысла. Впрочем, на последнем варианте в настоящее время никто особо не настаивает.

Нетрудно заметить, что проблема объяснения имени руси и проблема ее локализации теснейшим образом связаны. Более того, лингвистика в наше время становится едва ли не главной основой поисков Начальной Руси. При этом, следует отметить, что какой-либо системы в лингвистических изысканиях нет. Единственная закономерность, которую отметил А. В. Назаренко, состоит в том, что «...большинство существующих точек зрения на происхождение этникона **русь** исходят не из языковой данности, а из явно высказанного или предполагаемого взгляда того или иного исследователя на происхождение народа **русь**». Автор отмечает, что построения Отрембского, Роспонта, Трубачева, Сёдерлинда, практически безупречные в лингвистическом отношении, грешат умозрительностью, так как либо вообще не опираются на конкретные, территориально и хронологически локализованные языковые факты, либо используют как факты данные, аутентичность которых не только не доказана, но и весьма сомнительна. Тем самым лингвистический анализ подменяется поисками подходящего прототипа в соответствующей языковой среде¹.

Мы вполне согласны с А. О. Брюкнером, который в свое время выражал уверенность в том, что «...кто вер-

¹ Назаренко А. В. Происхождение др.-русс. «русь»: Состояние проблемы и возможности лингвистической ретроспекции. — В кн.: X Всесоюзная конференция... С. 127.

но объяснит название руси, найдет ключ к выяснению ее первоначальной истории»¹. Свои поиски смыслового значения имени «русь» и локализации Начальной Руси мы строим на основе лингвистической теории В. М. Илич-Свитыча, положения которой используем в своей рабочей гипотезе, условно названной нами концепцией глобальной топонимики.

Ностратическая теория позволяет в близких по транскрипции названиях географических объектов, расположенных в обширном евро-афро-азиатском регионе, видеть единый смысл. А это в свою очередь дает возможность, во-первых, расшифровку обширного топонимического материала осуществлять на основе языков, иногда довольно далеко удаленных от объекта, название которого мы пытаемся осмыслить; во-вторых, расшифрованные данные или найденную в определенном регионе систему образования географических названий экстраполировать на другие территории.

Самый поверхностный анализ топонимического материала свидетельствует, что названия объектов несут в себе, как правило, ту или иную их характеристику. В различные эпохи в качестве наиболее часто подчеркиваемых особенностей в топонимах выступают то пространственное положение объекта в определенной территориальной системе, то отношения собственности, то мемориальная функция и т. д. Наиболее ранними и довольно многочисленными являются названия, несущие в себе пространственную характеристику объектов. Как правило, их носят наиболее крупные географические объекты. Подавляющая их часть непонятна на основе современных языков, а точнее, на основе современного понятийного аппарата, используемого для пространственной ориентации географических объектов и сходного в различных языках.

Что это значит? Прежде всего то, что в те отдаленные времена, когда возникали эти названия, не существовало абстрактных понятий сторон горизонта, которыми мы пользуемся в настоящее время. Очевидно, они превращались в абстракции по мере того, как утрачивался их изначальный конкретный смысл, имеющий в основе фазы движения Солнца. Тогда же для обозначения направления на местности использовался целый

---

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 163.

ряд понятийных систем, в дальнейшем унифицировавшихся.

Названия, содержащие «адрес» объекта, возникали приблизительно по такой схеме: предположим, мы поднялись на высокий холм в какой-то местности, откуда открывается широкая ее панорама; если местность нам незнакома, то возникает необходимость проименовать наиболее значительные объекты, видимые нам, причем наиболее разумным будет создание целостной системы названий, которая бы помогла нам в будущем ориентироваться на местности. Наиболее простым и логичным при такой постановке вопроса будет реку, которую мы видим на востоке, назвать Восточной, а на западе — Западной, возвышенность на севере — Северной, на юге — Южной. В данном случае из заметных объектов местности мы создали территориальную систему, соориентировав ее компоненты относительно локальной точки — вершины холма, на котором мы стоим. Современный этнографический материал подтверждает, что при составлении карт местонахождение территории, освоенной общиной, «обычно представляется как центр всего обитаемого пространства и принимается за центральную (в смысловом отношении) часть чертежа, исполненную особенно точно, ясно, полно...» При этом, для карт при-суца ориентация по странам света¹.

Чаще всего названия «с адресом» получали территории, страны. Производными от хоронимов являлись наименования человеческих сообществ, проживавших на этих территориях; их и принимали современные авторы за этнонимы. Однако еще раз повторим, что они не были этнонимами в современном понимании этого термина, хотя безусловно были ему сродни. Одним из коренных свойств «этнических» названий далекого прошлого, которое отличает их от этнонимов современных, являлась их недолговечность, что определяло ситуацию, когда в одной и той же среде бытовало несколько названий одного и того же «этноса». Таким образом, этническое самосознание даже не племен, а территориальных объединений, которые выступали под именем страны, ими занимаемой, несопоставимо с самосознанием современных этносов. Существенно уступая им по его силе, древние компенсируют недостаток этнического самосознания силой родового единства, утраченной в наше время.

¹ История первобытного общества. С. 358.

В то же время этнографически однородное население могло члениться на ряд групп, каждая из которых имела свой «этноним», а иногда и не один. Подтверждение этому находим у древних авторов. Так, Менаандр Византиец описывает, как на предложение Византии воевать против Завергана, вождя одного из гуннских союзов, выступающих под именем кутригуров, предводитель другого гуннского объединения утигуров Сандилх ответил, что, хотя он и желает находиться в дружеских отношениях с империей, однако считает неприличным и незаконным вконец истреблять своих соплеменников, которые говорят на одном языке с утигурами, носят одни одежды и родственны с ними, хотя и подвластны другим вождям¹. Остается добавить, что известно и второе имя кутригуров — болгары, которым некоторые авторы покрывают и утигуров².

Территориальные объединения родов, не всегда близких по происхождению, образовывали системы, в которых названия составных частей указывали положение их в данной системе. При этом, поскольку существовали системы различных рангов, один и тот же род мог выступать под разными именами в зависимости от того, в системе какого порядка он рассматривался. Кроме того, в силу исторического характера систем, на протяжении относительно непродолжительного промежутка времени род мог входить в разные объединения, выступая при этом под различными именами. Хотя, как отмечалось выше, довольно часто встречалось совпадение имен территориальных объединений или родов, значительно удаленных друг от друга, в основе которого лежало единство определяющего признака, содержащегося в названии.

Территориальные системы были двух-, трех- четырех- и пятичленные. В принципе возможно, что они делились и на большее количество составных частей, но, очевидно, такое встречалось нечасто. Двучленное деление системы было широко распространено как среди кочевого, так и земледельческого населения Восточной Европы в прошлом. Примеры такого деления можно видеть даже в первых веках нашего тысячелетия. Так, о членении владений хана Бату в XIII в. на правое и левое крылья сообщает В. Л. Егоров. При этом автор говорит о том,

¹ Менаандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой//Византийские историки. СПб, 1860. С. 320.

² Артамонов М. И. Указ. соч. С. 111.

что такое деление существовало в Центральной Азии за-долго до Чингизхана, т. е. имело многовековую традицию. «Распределение названий крыльев (правое и левое) связано с традиционными монгольскими соотношениями ориентации по странам света и направлениям. В соответствии с этими принципами основной стороной (передней) считался юг. Именно поэтому монгольские юрты всегда устанавливались дверью к югу. Противоположность составлял север, определявшийся как задняя сторона. В соответствии с этим запад считался правой стороной, а восток левой»¹.

Делению на две части Волжской Булгарии (Сувар и Татар), видимо, обязаны и названия двух современных народов — чуваша и татары. При этом в названии западной части просматривается та же основа, которая содержится в названии бывшей западной волости Корельского уезда Саво, ныне финской исторической области Савон-Карьяла, в прибалтийско-финских словах *savi* «глина», *savi* «дым» и венгерском *sápadt* «бледный». В свете последнего не столь уж очевидным представляется происхождение русского «запад». Название восточной части Булгара несомненно связано с русским наименованием монголов Батыя, однако связь эта определяется не подчиненностью булгар татарам в рамках Золотой Орды, а лишь восточным положением двух компонентов совершенно различных систем: части Булгара и бескрайних степей к востоку от Руси.

Трехчленная система также бытовала в Золотой Орде, где существовали личные владения хана, из которых была составлена «обширная административная единица, территориально не входившая ни в правое, ни в левое крыло». Называлась она «великий центр»². Находила трехчленная система применение и там, где не могла быть использована четырехчленная, например, на побе-режьях.

Наиболее распространенной была четырехзвенная организация территорий. Из письменных источников известно, что тюркюты «разделяются на четыре владения, но владычество над всеми принадлежит Дизавулу» (ср. с казачьим званием «есаул») ³. Через семь столетий в Золотой Орде административная структура с делением

¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 160—162.

² Там же. С. 165.

³ Менандр Византиец. Указ. соч. С. 374.

на крылья была заменена «более удобным подразделением на четыре основных территориальных единицы, возглавлявшиеся улусбеками». Такое деление также имело древнюю традицию у монголов¹.

Подобные системы были распространены и западнее, как в Восточной, так и в Западной Европе. Можно предположить, что четыре подразделения имели готы-тетраситы, что следует из самого этнонима. В работе Е. А. Мельниковой помещена карта Исландии со средневековым делением острова на четверти². На плане они размещались следующим образом: четверть между северо-восточным и северо-западным направлениями считалась северной, между северо-восточным и юго-восточным направлениями восточной, между юго-востоком и юго-западом располагалась южная и, наконец, между юго-западом и северо-западом западная четверти.

Деление территориальной системы на четверти

В Озерном крае сохранились многочисленные следы бытовавшего здесь во времена Новгородской республики и ранее пятичленного деления территориальных систем. Так, сама Новгородская земля в средневековье членялась на пятины (от числительного «пять»), из летописей известны «пять родов корельских детей», на пять концов

¹ Егоров В. Л. Указ. соч. С. 163.

² Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 162.

делились городские поселения в регионе и т. д. При такой организации, помимо четырех единиц, соответствовавших странам света, выделялись еще и центральные компоненты систем.

Общим для всех приведенных систем является принцип построения, согласно которому составные их части сориентированы в пространстве по странам света относительно определенного центра, как в случаях трех- и пятичленного деления территориальной системы, когда роль центра выполняет один из ее компонентов, или без него, как при дву- и четырехчленном делении, когда центром выступает некая абстрактная точка. Каждому элементу данных систем присваивалось название, которое отражало его положение в системе. Оно могло содержать в себе наименование соответствующей стороны горизонта или одно из тех понятий, которыми она обозначалась. Как уже упоминалось, одно и то же направление могло быть передано через целый ряд понятий, что является отражением существования множества систем, применявшихся для ориентации в пространстве. Однако при всем своем многообразии все они имели общую основу — суточный и годовой ход Солнца. При этом, положение Солнца определяло не только временную характеристику жизни, но и пространственную в единстве с ней. Например, у Тацита можно встретить такое выражение «страна, обращенная к летнему востоку»¹.

Следует отметить, что при всем разнообразии систем ориентации, очевидно, не существовало сколько-нибудь жесткого порядка их применения, т. е. отдельные компоненты определенной территориальной системы могли быть образованы посредством разных систем ориентации. Например, название южного элемента, образованного на основе цветовой системы, передано через понятие «красный», а северного — на основе другой — выражено понятием «низ». Это объясняется смысловой близостью понятий, образующих единый ряд и характеризующих Солнце в определенной фазе. Например, «красный», «верхний», «горячий» и т. д.

Остановимся подробнее на одной из главных систем ориентации в пространстве — цветовой. Как и все остальные, она основана на Солнце. В цветовой системе Солнце было и синим, и голубым, и розовым, и красным,

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о скифах и Кавказе. — В кн.: Вестник древней истории. М. — Л., 1947. С. 303.

и желтым, и белым, а после заката и серым, и, наконец, черным. Цветовая система обозначения сторон горизонта широко бытовала в прошлом среди народов Восточной Европы. В. Л. Егоров говорит о том, что в Золотой Орде «каждая из сторон имела свой конкретный цветовой символ. Юг обозначался красным цветом, север — черным, запад — белым, восток — синим (голубым)¹. Следы цветового принципа обозначения стран сохранились в известных из летописей именах: белые угры и белые хорваты, черные угры и черные болгары, Червонная Русь и Черная Русь в Галицко-Волынской земле. Название Белая (т. е. Западная) Хорватия содержится в сочинении X в. Константина Багрянородного². Наконец, по сей день существует Белая Русь, или Белоруссия, само название которой указывает на ее западное положение в Руси.

Как отмечалось выше, В. Н. Татищев видел в названии «русь» указание на цвет волос носителей этого имени, причем в нем автор находил один из оттенков красного цвета. Еще более интересное предположение высказывал Х. Ловмяньский: «...не могло ли оно (имя «русь». — В. П.) восходить к корню *gaud* («красный», «рыжий») и указывать на какую-то особенность территории³. В свете цветовой системы ориентации, изложенной выше, приведенная версия приобретает черты достоверности. Любопытно, что появление этой догадки в тексте никак не подготовлено, она возникает неожиданно, как озарение.

Безусловно, корень *gaud*, а также его варианты *gus*, *gos*, *got*, *geb*, широко представлены в словах со значением «красный» практически во всех языках Европы и ряде языков Азии. Как показано выше, этим же корнем во многих языках образовано понятие «верх». К уже приведенным примерам можно добавить ит. *rosso* «красный», рум. *rosu* «красный», нем. *rot* «красный», *rostig* «ржавый», санскр. *arusa* «красный», гр. *ροσία* «красный», а также норв. *rise* «великан», с. *ros's'e* «верховой», др.-евр. *рош* «глава».

Столь широкое его распространение дает возможность с большой долей вероятности предполагать, что именно он содержится в названии «русь». Для оконча-

¹ Егоров В. Л. Указ. соч. С. 160.

² Этимологический словарь славянского языка (ЭССЯ). Т. 8. М., 1981. С. 150.

³ Ловмяньский Х. Указ. соч. С. 187.

тельного утверждения данного положения, очевидно, следует определить язык, в котором могло возникнуть это имя, а также попытаться отыскать элементы территориальной системы, в которой существовала страна или территориальное объединение с таким названием, превратившимся затем в этноним. Поскольку район поиска вполне определен, — это Северная Европа, — то он неизбежно приводит нас к прибалтийско-финским языкам, при этом скорее всего к карельскому, в котором находим *tuskei* «красный», а также целое семейство производных слов: *tusko* «заря», «румянец», *tuskottaa* «краснеть» и т. д. Таким образом, становится очевидной лингвистическая основа определения названия «русь» как цветового символа, использованного в далеком прошлом для обозначения южного элемента некой территориальной системы.

Для реконструкции самой системы обратимся прежде всего к «Калевале». Основной сюжет эпоса заключается в борьбе между героями Калевалы (Вяйнёлы) с жителями Похьёлы (т. е. Севера). Традиционно обитатели Похьёлы *Ippalaiset* ассоциируются с северной народностью саамами (лапландцами), хотя отдельные исследователи уже давно отмечали несоответствие между кочевым оленеводческим хозяйством саамов и земледельческим у жителей Похьёлы в эпосе. Сравнительно недавно Б. А. Рыбаков высказал предположение: «Возможно, что битва за Сампо не столкновение финнов и карел с лапландцами (саамами), а соперничество родственных между собой южных финно-карельских племен с северными тоже финно-карельскими племенами, веровавшими в того же верховного бога Укко, что и южане»¹. Совершенно соглашаясь с автором, отметим лишь то обстоятельство, что ни финнов, ни карел в описываемые в эпосе времена, конечно же, не существовало.

Подтверждением этнографической однородности жителей Калевалы и Похьёлы могут послужить некоторые современные материалы. У. С. Конка отмечает: «...восточнее Падан и далее до южной границы диалекта (собственно карельского. — В. П.) карелы называют свой язык *Iappi: Iapiksi pagizen* («по-лапски говорю»). Так говорят в Евгоре, Карельской Масельге, Остречье, Чёбине, Покровском и Мяндусельге. В юго-восточной части

¹ Рыбаков Б. А. Сампо и сейды. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 77.

района... сохранился даже этноним *lappalažet* — «лопарь». Неоднократно на наши вопросы жители этих деревень отвечали, что по-карельски они называют себя *lappalažet*, а по-русски — карелами»¹.

Описывая в дневнике свое путешествие по Архангельской Карелии 1837 года, Элиас Лённрот сообщает, что на Пяярви (Пяозере) жители деревень, расположенных на южном берегу озера, называют лопарями всех, проживающих на северном берегу, хотя там обитают точно такие же финны (карелы), как они сами. Подобную же информацию мы получили от бывшего жителя сельского округа Сямозеро в Карелии А. Проккоева, который сообщил, что еще недавно жители южного берега озера в шутку звались карьялайзет, а северного лаппалайзет.

Если к этому добавить, что самая северная провинция Финляндии называется Лаппи или Лапландия, как и весь север Скандинавии, заселенный саамами, то становится ясной связь корня *lap-/lor-* с севером. Действительно, лат. *labor*, *lapsus* «опускаться», «клониться к закату», англ. *lap* «подол», «пола», *low* «низкий», ф. *lapsi* «низменность», мр. *lap* «низина», в. *lap* «равнина», «плоское место», мд. *lapka* «низкий». Таким образом, этот корень является синонимом финского *rohja*, который лежит в основе *Rohjola* «север».

С непониманием значения данного корня связана следующая историко-географическая ошибка: из книги в книгу кочует утверждение, что в прошлом лопари занимали более обширную, чем ныне территорию. Южная граница ареала их обитания спускается за широту Ленинграда лишь на том основании, что еще с XIII в. известна Лопьская волость в Новгороде Великом. Позже существовал «Егорьевской Лопьской погост» в Ореховском уезде в бассейне реки Назия². В 1478 г. московская администрация утверждает новое деление, согласно которому Лопьские погосты вошли в состав Водской пятины Новгородской земли³. Кроме того, известны десятки топонимов с основой «лаппи» и «лоп». А. И. Попов считает это бесспорным следом пребывания в Приладожье саамов (лопарей), хотя отмечает, что в писцовой книге 1500 г. уже нет никаких следов. Так, названия деревень в Лопьском погосте в это время

¹ Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX вв. Л., 1980. С. 4.

² Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981. С. 108—109.

³ Кочкуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск, 1987. С. 69.

исключительно русские и прибалтийско-финские (точнее, карельские с формантом *-ла* на конце. — В. П.).

«Приладожской лопи» посвятил одну из своих работ А. Н. Кирпичников, полагая при этом, что «закрывает... еще одно белое пятно в этнической карте севера средневековой Восточной Европы»¹. В ней автор причисляет к лопским все прибалтийско-финские топонимы в Южном Приладожье и считает, что восточные границы лопи подходили к городу Ладоге, в окрестностях которого и поныне находится д. Лопино. Однако «этническая» интерпретация подобных топонимов, часто встречающаяся в литературе, весьма сомнительна. В одной из топонимических работ авторы выделили названия мест, образованные от таких «этнонимов», как *lappi*, *karjala*, *tšuid*, *hāme*, *savo* и др., сочтя их наиболее интересными, поскольку они якобы возникают в пограничной полосе, где проживает разноэтническое население. При этом обнаружили «явление удивительное» — наличие этнонима *karjala* на древнекарельской этнической территории, в результате чего делают потрясающий вывод, что в ряде мест своей исконной земли карелы проживали в иноэтническом окружении, которое в одном месте было представлено лопарями и эстонцами, в другом — теми же лопарями, вепсами и хяме (емью). В конце концов, ввиду явной несуразности полученного результата, авторы вынуждены были признать, что «есть опасение, что в основе таких названий могут быть фамилии или прозвища людей более позднего образования»².

Но дело здесь не только в именах и прозвищах и, очевидно, даже не столько в них, сколько в другом. А. И. Попов, сообщая о делении Орешка на Корельскую и Лопскую стороны, справедливо отмечает, что «противопоставление имен карел (корела) и саамов (лопь) вообще очень характерно в северной топонимике»³. Это действительно так, и это естественно, поскольку естественно противопоставление севера и юга, которое имеет место в данном случае. Об этимологии названия «корела» разговор будет ниже.

¹ Кирпичников А. Н. Приладожская лопь. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 144.

² Мамонтова Н. Н., Кочкуркина С. И. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов. — В кн.: С. И. Кочкуркина. Древняя корела. Л., 1982. С. 184—185.

³ Попов А. И. Указ. соч. С. 106.

Остановимся еще на двух обозначениях северных объектов в территориальных системах, которые так же бытовали в рассматриваемом регионе. Это прежде всего уже упоминавшаяся основа *sol (t)*, а также корень *saht-* *soht-* и производные от него. Последний содержится в широко известных названиях, таких как хороним Суоми, этноним саамы, а также менее известных именах Сумское (Ленинградская область), р. Сума, Сумозеро, Сумской Посад (Карелия) и др. В финском языке помимо слова *suo* «болото», к которому обычно возводят название страны Суоми, существует целый ряд слов, имеющих к приведенному хорониму более близкое отношение и составляющих с ним единый понятийный ряд: *samea* «мрачный», «туманный», *sumea* «мглистый», *samttua* «гаснуть» и, наконец, *sammal* «мох», который, возможно, своим присутствием в данном ряду обязан не столько месту обитания, сколько своему цвету. Сравните в.-мс. *semel* «черный», мр. шеме, шиме «черный», к *sim* «смуглый». Очевидно, сюда же относятся англ. *small* «маленький», рус. смола, с.-хор. шума «лес», др.-егип. *shemī* «черный», санскр. *ṣuātā* «черный».

Кроме того, в восточной части Северной Европы иногда встречаются обозначения севера, попавшие сюда с расположенных западнее германоязычных территорий. Таковыми являются названия с корнями *fin-/fen-* и *poг (t)*, причем последний часто выступает в местной форме (*m*) *игт*: Финляндия, Финский залив, р. Нарва, Мурманск, р. Урма. К ним примыкает местное название норвежцев урмане.

Таким образом, в рассмотренном нами регионе представлено множество топонимов, являющихся следами бытовавших в прошлом территориальных систем, основанных на противопоставлении юга и севера. Следы этого противопоставления находятся в фольклоре, причем не только в «Калевале». Например, уже известное эпической стране севера Похьёле в саамском фольклоре противопоставляется южная страна Пяйвеля, под именем которой выступает скорее всего Карелия. Весьма часто парные названия со значениями «север — юг» представлены на географической карте. Например, залив, расположенные в Восточной Балтике, Рижский и Финский: первый имеет в основе своего названия *од-* из вариантов корня *gus* — (ср., э. *guige* «русый», рус. *ружий*), второй — *fin* (п.-фин. *rieni* «маленький», рус. *рипу* «мелочь», «маленький», англ. *ripny* «маленький»).

fiine «мелкий», fep «болото», шв. fin «мелкий»). Другой пример можно найти в Московской области: известно, что в районе Волоколамска издревле существовал волок на пути с верховьев Волги на Оку, проходивший по Москве-реке и ее притокам; там же рядом, в районе ст. Шаховская, проходит водораздел между текущей на север р. Лобь и стекающей в противоположном направлении р. Руза, которые в прошлом, видимо, составляли единую транспортную магистраль.

Для нахождения смысловых синонимов Руси на карте опять-таки обратимся к фольклору. Помимо упомянутых выше Калевалы, Вяйнёлы и Пяйвелы (кстати, räivä в финских языках образует целый ряд понятий: «солнце», «день», и, наконец, «юг»), в известном сборнике лирических рун «Кантелетар», несколько раз стране Лаппи противопоставляется страна Виро, что позволяет в последнем названии усматривать основу со значением «юг».

Срок урочный наступает,
день склоняется к закату,
выверну я наизнанку
шубу, шапку и рубаху
и лопарские я песни
затяну и те, что в Виро
я услышал и запомнил

(Руна 279, с. 264)

Не ходил я в подмастерьях,
не вникал в совет умельцев,
не бродил лесами Лаппи
и не плавал в водах Виро.

(Руна 280, с. 264)¹

Действительно, основа viг- и ее варианты (vaг-, veг-) во многих языках служат для обозначения понятий одного ряда с югом. В уральской семье ею образованы понятия «гора», близкие к нему «крепость», «город» (ф. vaага, в. vāg и vāgos), а также «дед» (ф. vaагі), которые через понятие «верх» смыкаются со значением «юг». В той же семье данная основа образует мощную группу, выражающую понятие «кровь» (ф. veгі, э. vege, с. vaгга, мд. **верь**, мр.-г. **выр**, мр.-луг. **вур**, у. и к. **вир**, мс. wüг, х. waг, в. veг), которая связана с югом через понятие «красный» (ср., ю.-х. weг, в. vöгös «красный»,

¹ Цит. по: Кантелетар. М., 1985.

санскр. *vaṅga* «покров», «оболочка», а также «цвет», «окраска», ф. *vāgi* «цвет», «окраска»).

В финском языке известно слово *vägi* «горячий», «жаркий», «жара», к нему же, очевидно, примыкают англ. *warm* «теплый», «греть», *warmth* «тепло», «горячность», а также русское **варить**. Той же основой образованы герм. *veit* «подниматься», *veig* «высокий». Она же присутствует в лат. *veggusa* «возвышенность», «холм» и санскр. *vaṅgmaṇ* «вершина», «высота», «верхняя часть», связанном, по-видимому, с *vaṅga* «выдающийся», «первый», *vaṅga* «избранный», «самый лучший», «больше». Последнее слово переводится еще как «жених», «любовник», «супруг». Сравните лат. *vir*, *virī* «муж», «мужчина», «супруг», «самец». В данном случае напрашивается параллель с др. егип. мифологическим богом солнца Гором, который олицетворял собой мужское начало жизни.

Интересно отметить еще одну параллель в латыни и санскрите, связанную с данным корнем: одно из значений санскр. *vaṅsa* «год», в то же время как в латыни первая, начальная четверть года называется *primū vere* «весна». Обращает на себя внимание, во-первых, обозначение одной из фаз годового движения Солнца через числительное «один», что подтверждает высказанное ранее предположение о возможности наименования стран света посредством числительных; во-вторых, названия периодов (годового в санскрите и четвертьгодового в латыни) пусть не так прямо, как в русском языке, где «год» тождествен «лету», в солнечном календаре могут восходить только к солнцу, а это еще раз подтверждает связь рассматриваемой основы с югом.

Можно предположить, что этот же корень содержится во втором названии руси—варяги (первоначальный вариант **варязи**). Карельское *viegas* имеет значение «гость», «чужой». Возможно, изначальное значение его было «южанин». Подобный диапазон имеет другая основа, содержащаяся в известном из летописей этнониме «чудь». Как полагает Ю. Мягисте, это имя воспринято в русский язык из саамского, в котором *suta* «враг» кроме того, этим же словом обозначались жители южных от саамов районов¹. Ту же основу имеют герм. *sūc* «юг», ф. *syttyä* «загораться», «вспыхивать» и *suittus* «сердиться», «разгневаться», санскр. *sitya* «огонь», «красноватый», «рыжеватый».

¹ Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Ленин, 1965.

Возможно, эта же основа содержится в названии полуострова Ютландия (ср. *Denmark, Danmark* — Дания и рус. «день»). Это подтверждает и древнее название Дании, известное из средневековых источников: «то государство, которое называлось Рейдготландом, а теперь называется Ютландией»¹. В нем содержится один из вариантов основы со значением «красный», «южный» (ср. англ. *red*, нем. *rot* «красный»). Сюда же относится русское «юг», откуда следует, что фольклорное «чудо-юдо» представляет собой двойную передачу одного и того же понятия («огонь» или «юг»), выраженную посредством разных языков.

На основании сказанного выше, сохранившееся до наших дней второе название Эстонии — Виро должно рассматриваться в паре с названием Суоми. Эти названия несут в себе «адреса» территорий, расположенных соответственно на южном и на северном побережье Финского залива. Кстати, и в названии Эстония может содержаться то же значение, что и в имени Виро. Это связано с тем, что ф. *etelä* «юг» имеет ту же основу, что и *eteen* «вперед», «впереди», в чем можно усматривать проявление общего с тюркскими народами принципа отождествления южной стороны с передней, о чем говорилось выше. В то же время, в ряде форм, связанных с понятием «перед» *t* выпадает: ф. *esi-* «предшествующий», э. *ees* (*pool*), кар. *esipuoli* «перед». Конечная же *t* в названии *Eesti* могла возникнуть на германской основе (ср. *ost, west, port* и т. д.), хотя такой вариант во все не обязателен (ср. у. *эсты* «топить», «печь»).

В фольклоре находим еще одно название, корень которого содержит значение «юг»:

Вот что думал Вяйнямйнен,
что советовал Суванто —
не женись на юной, старец...

(Руна 247, с. 248)²

Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вяйнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшенья.

(Шестая руна, 230, с. 61)³

¹ Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 213—214.

² Цит. по: Кантелетар.

³ Цит. по: Калевала. Л., 1979.

Из приведенных отрывков «Калевалы» и «Кантелетар» видно, что Сувантола является одним из имен некой эпической южной страны наряду с Калевалой, Вяйнёлой и др. Данное название тем более ценно, что его основа сохранилась в карельском языке до наших дней — *suvi* «юг» (в финском «лето»). Сравните с санскр. *savya* «южный», англ. *south* «юг». Возможно, этот же корень содержится в англ. *swim* «плавание», «плыть» и восходит к древнему значению «лето». Подобная параллель прослеживается в карельском: *kezä* «лето», а *kezoï* «купание».

Очевидно, что все та же рассматриваемая нами основа содержится и в названии Швеции (устаревш. *Svea riki*). Именно поэтому финское название этой страны *Ruotsi*, т. е. «южная». Так же и в коми языке *роч*, по-видимому, имело значение «юг», следы этого находим в слове *руч* «лиса» («рыжая», «красная»). То же самое имеет место в удмуртском, где *зуч//роч* «русский», *зичи* «лиса».

В карельском фольклоре встречаются следы не только двучленного деления земли (традиционное противопоставление юга северу). Так, в эпической песне из «Кантелетар» сваты съезжаются из трех концов земли:

.....
как один из Туутери,
а из Пяйвеля — другие,
третьи же из Кемиеки.

(Книга 3, руна 29, с. 355)¹

Одна из фигурирующих частей земли — это уже знакомая нам Пяйвеля, т. е. южная страна. Это не подлежит сомнению, поскольку в песне есть следующая ее характеристика:

В Пяйвеля я не желаю:
в Пяйвеля дни очень длинны,
дни длинны, а ночи кратки
и скучны там посиделки.

Следует отметить, что в приведенном отрывке дана характеристика не какой-то конкретной страны с названием «Пяйвеля», а Юга вообще. В свете этого логично предположить, что и две другие страны, откуда прибыли сваты, должны пониматься так же широко. Одно из названий вполне подтверждает это, в нем без труда угады-

¹ Цит. по: Кантелетар.

вается Татария, т. е. Восток. Правда в описании Туутери не содержится столь яркой астрономической характеристики, какая дается для Пяйвелы:

Не хочу я в Туутери.
Очень там глупы мужчины,
очень женщины ленивы
и девицы туповаты.

Однако следует признать, что в приведенном отрывке дается весьма характерная для Северной Европы оценка именно Востока.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией третьего названия, поскольку... оно очень конкретно — р. Кеми. В то же время, столь узкое понимание третьей страны, откуда явились сваты, противоречит эпическому характеру песни. Несомненно, конкретизация данного названия является результатом относительно новой интерпретации старого названия с неизмеримо более широким содержанием. Основой для этого послужило, видимо, следующее обстоятельство: корень кем-, содержащийся в названии Кемиёки, весьма продуктивен в гидронимии обширнейшего района, который включает Финляндию, Карелию, русский Север, Алтай и Туву. Так, например, названий рек с элементом кем в Туве и на Алтае насчитывается несколько сот. По мнению некоторых исследователей, это слово в тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках означало реку, что сохранилось в наше время в географических названиях¹. Некоторые ученые, в т. ч. Э. М. Мурзаев, соотносят основы кем-хем с корнями кам, ком, кан, выводя их на общеиранский и даже общеиндоевропейский уровень. В то же время корень кам присутствует и в финно-угорских языках, где у. kат «река», «течение»².

Таким образом, гидроним Кемиёки может быть отнесен к так называемым двойным (двуязычным) географическим названиям, где древняя форма кем-«река» была дополнена прибалтийско-финской основой joki «река». Очевидно, первая часть названия кемі совпадала с формами близкородственных понятий «вода», «запад» (о связи этих понятий будет сказано ниже). Поэтому в устной поэтической традиции со временем ставшая

¹ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 269—270.

² Там же. С. 247.

непонятной форма *keti* «запад» была трансформирована в сохранившееся географическое название Кемиёки.

Следы утраченного значения «запад» содержатся в названии широко известного летописного племени **хяме**, занимавшего крайнее западное положение в прибалтийско-финском мире, от которого получила название историческая область Финляндии. Основа *häm-* содержится в прибалтийско-финских словах *hämü* «сумерки» (ср. др.-исл. *skumi* «сумерки»), *hämäguys* «потемки», «темнота», *hämägä* «серый», «темный», *hämartyä* «смеркаться», *haatu* «тень» и др., которые явно связаны с заходящим солнцем и понятием «запад». Ср. укр. диал. *хамородь* «тень», «темнота»¹.

Среди других форм, использовавшихся в рассматриваемом регионе для обозначения западных компонентов территориальных систем, отметим уже приводившуюся *savo* (Саволакс — один из западных погостов Древней Корелы на Сайме, где в настоящее время выделяется историческая область Финляндии Саво, город Савонлинна), также приводившиеся корни *liv-* и *evr-* (Ливония — область обитания прибалтийско-финского народа ливов, Еврепя (Яврепя) — корельский погост в западной части Карельского перешейка и др.). Кроме того, существует еще ряд основ, которые требуют дополнительной проверки.

Что касается востока, то наиболее продуктивным для его обозначения в регионе был корень *ves-*. Он содержится, например, в широко известном по летописям этнониме **весь**. Сравните у. *waz* «рано», **вазен** «раньше», к.-з. **важон**, к.-п. **важын** «давно», санскр. *vas* «сиять», «светить», *vasanta* «весна», *vasaga* «утренний», *vastu* «рассвет», *vasava-diç* «восток». К этому же ряду относятся рус. **восток**, **весна**, а также название Восточной Римской империи — Византия.

Возможно, корень *vad-/vod-* является одним из вариантов рассматриваемой выше основы. Действительно, у. **водз** «перед», **весьт** и к. **вадьсы** «место прямо напротив» дают основание для такого предположения (ср. ф. *vastaan*, кар. *vastah* «навстречу», ф. *vastakkain*, кар. *vastakkaah* «друг против друга»). Чередование *s* и *t* имеет место во многих языках, например, в латыни. Подтверждает данную версию и местное название р. **Васюган** — **Вать**. Тогда можно предположить, что в основе названия

¹ ЭССЯ. Т. 8. С. 18.

летописной води (vadja, vaija) заложен тот же смысл, что и в этноним **весь**. Возникли они в различных территориальных системах: одно восточнее р. Нарвы и Чудского озера, другое в районе Белого озера, но на основе близкородственных прибалтийско-финских языков. Этим же корнем, возможно, образован еще один исторический этноним **вятичи**.

Корень **вас-/вос-/вес-** в усеченной форме без начальной в приобретает вид **ас-/ос-**. Это подтверждается данными пермских языков: азь//водз//одз (восходят к прапермскому ^vо3) «перед», «передний», «место перед» (чем-л.)¹, у. и к. асыв «утро», «восточный», асыя «утренний». Сравните с герм. aus «светать», ost «восток», др.-исл. austan «с востока», санскр. ausasi «утро», «рассвет», us «то же». Этим же корнем образованы пришедшие к нам от греков названия части света Азия и имя богини утренней зари Эос.

Интересным, на наш взгляд, представляется с точки зрения топонимики тот факт, что одна из крупнейших рек мира Обь на языке хантов называется As. Не менее любопытным является еще одно проявление рассматриваемого корня в данном регионе: мс. asi «дед», asa «отец» (ср. ф. isä «отец») имеют параллель в Скандинавии с богами-асами Одина. Еще А. Ф. Вельтман в прошлом веке искал восточные корни происхождения асов и Одина, которые пришли на север около 70 г. до н. э.² Нет сомнений, что в данном случае, как и в обозначениях востока, приведенных выше, мы имеем дело с одной и той же основой. Сравните санскр. purva «первый», «восточный», «предшествующий», purvaja «рожденный ранее», «дед», «старший сын». Здесь, выраженный одним корнем, представлен тот же ряд понятий, который выявлен выше в отношении основы **ас-**.

Еще один корень, близкий рассмотренному выше, заслуживает внимания. Основой **ан-** образованы понятия все того же ряда: мр. ончыко//-анзыкы «вперед», ф. enzi «первый», еппеп «раньше», нем. ein «один», англ. one «один». Она содержится в известных этнониме **анты**, (ср. лат. ante «перед», «раньше»), хорониме **Анатолия** (последний на греческом означает «восток»). Этот же корень содержится в названиях таких крупных объектов

¹ Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки. — В кн.: Основы финно-угорского языкознания//Марийские, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 148.

² Вельтман А. Ф. Комментарии. М., 1985. С. 493.

в Карелии, как Онежское озеро (ф. Aanisjarvi/, г. Оло-
нец/ф. Aunus, кар. Aunus). Его вариантом является осно-
ва ам-, представленная в ряде названий в регионе (ср.
ф. аати «утро», аптоип, кар. аптии «давным-давно»).

Таким образом, из изложенного выше материала вы-
текают важные для нас выводы: во-первых, на севере
Европы существует группа языков, на основе которых
могло появиться название Русь со значением «верховая»,
«южная страна», это прибалтийско-финские языки, при-
чем наиболее вероятным языком-основой предстаёт
карельский; во-вторых, в этом регионе существуют мно-
гочисленные следы бытовавших в прошлом систем тер-
риториальной организации общества, к одной из которых
восходит название Русь.

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Один из ключевых вопросов начальной истории Руси состоит в том, что явилось основой возникновения ее политической организации? Следует сразу же уточнить, что имеется в виду не та загадочная Русь, которая существовала где-то на севере, а более поздняя разноплеменная Русь, известная нам по летописям.

На сегодняшний день в историографии существует несколько взглядов на ход государственного развития Руси. Так, в XVIII в. В. Н. Татищев полагал развитие государственной власти из семейной. В дальнейшем концепции родового происхождения государственной власти в той или иной форме придерживалось большинство как норманистов, так и антинорманистов. Однако при ближайшем рассмотрении такой ход государственного строительства на столь обширной территории при великом множестве племен и разноязычных народов, особенно в ограниченное время, представляется весьма и весьма сомнительным, поскольку предполагает передачу власти наследственно и по завещанию.

В XIX в. И. В. Киреевский выводил государственность «из естественного развития народного быта». Он писал: «Воображая себе русское общество древних племен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу русской земли рассеянных и имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя и составляющих каждая свое особое согласие или свой маленький мир; эти маленькие миры или согласия сливаются в другие, большие согласия... областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее, огромное согласие всей русской земли».

С. М. Соловьев полагал, что всякое «общество начи-

нается кровным или родовым союзом», постепенно переходящим в государственный. К. Д. Кавелин дополнил эту схему, поместив между родовыми отношениями и государственными промежуточную стадию, — семейные или

— — — — — Великий Восточный путь
 - - - - - Прочие пути

Торговые пути Восточной Европы

вотчинные отношения¹. Интересно, что С. М. Соловьев, исходя из того, что в Восточной Европе в основе государственного строительства лежали не «отношения по земле», как это было в Западной Европе, полагал, что в течение «целых веков» русские князья и дружинники двигались из волости в волость: «земли были слишком много; она не имела ценности без обрабатывающего ее населения», которое и само находилось в постоянном движении².

На грани веков П. Н. Милюков на основе все той же «странствующей руси» Соловьева представлял процесс государственного строительства в Древней Руси идущим сверху вниз: у нас «государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития», «центральная политическая власть закрепила за собой военно-служилый класс, занявший место отсутствующей — или слишком слабой — местной земельной аристократии, а этот служилый класс закрепил за собой крестьянство»³.

Огромную роль варяжской династии в формировании государственной власти на просторах Восточной Европы признавал и В. О. Ключевский, однако причины возникновения государства он видел в потребности общества в развитии торговли. В VIII в. на водном пути с севера на юг, проходящем по Волхову и Днепру, возникают крупные торговые города, которые подчиняют себе округу и становятся «политическим центром области», придя на смену родовым и племенным союзам. Под влиянием внешних обстоятельств, а именно появления вооруженных купцов-варягов и их княжеской династии, эти города с округами трансформируются в княжения.

Эта точка зрения получила поддержку у многих дореволюционных исследователей, а также находит признание в наше время у ряда зарубежных ученых. В советской же науке данный взгляд не привился, несмотря на то, что указывает, казалось бы, на внутренние истоки государственности в Восточной Европе. Так почему же? Оказывается, в этом случае «основной причиной общественных и политических изменений ошибочно признавалось развитие внешней торговли, хотя торговля при натуральном хозяйстве играла второстепенную роль

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 9.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 24.

в экономике страны, поставляя в основном знати предметы роскоши из-за границы; более того, она достигла значительных размеров только в результате образования государственного аппарата, который в форме даней отбирал у населения продукты, вывозимые потом за границу»¹.

В советской истории утвердилась концепция Киреевского с теми или иными вариациями, слабость которой осознавалась многими историками уже в прошлом веке. Выше приводилось мнение В. О. Ключевского о теории славянского генезиса Русского государства — о ее умозрительном характере. Сочетание этой концепции с вульгарной формой классового подхода к изучению причин зарождения русской государственности, имеющее место в советский период, совершенно не изменило ее сути. Как уже в наши дни отмечал Х. Ловмянский, «само понимание общего механизма исторического процесса не может заменить анализа конкретных проблем, для чего необходимы факты»².

В условиях отсутствия письменных источников, характеризующих механизм формирования государственной власти, поиск фактов, относящихся к данной области взяла на себя археология. Однако, как отмечал Х. Ловмянский, «материальные предметы, которыми оперирует археология, не дают достаточного основания для всесторонней характеристики социально-экономического развития, еще меньше они пригодны для исследования политической истории формирования государства»³. И это совершенно справедливо.

Как уже отмечалось выше, в истории имеет место примитивизация экономической и социальной жизни начального периода Древней Руси. Если в прошлые века такая ситуация оправдывалась недостаточностью материалов, то сегодняшние исследователи находятся в ином положении. Однако подавляющее их большинство, вместо того, чтобы вынести из многообразия находок лежащую, казалось бы, на поверхности основную мысль, что жизнь тысячу лет назад была не только не примитивна, но и отличалась удивительным богатством как в материальном, так и в социальном планах, не замечая этого, пытаются из него выжать то, чего получить невозможно,

---

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 79.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 68—69.

а именно, «достоверную» информацию этнического и политического характера. На деле же это оборачивается элементарной, а зачастую и бездарной подгонкой археологического материала под отстаиваемые концепции. Поэтому и сегодня большинство попыток обрисовать жизнь общества в Восточной Европе конца прошлого тысячелетия напоминает своей беспомощностью лепет времен Киреевского. Соответственно видятся и предпосылки зарождения Руси.

В продолжении разговора о роли торговли в этом процессе, ничуть не сомневаясь в первичности производства относительно торговли и в классовом характере Древнерусского государства, мы тем не менее выражаем недоумение: почему хозяйство в рассматриваемый период обязательно должно быть натуральным и по какой причине торговать возможно только изъятими в виде налога продуктами? Кроме того, очевидно, историкам неизвестно, что помимо внутренней и внешней торговли существует еще и транзитная международная торговля. А между тем, любой историк обязан знать это, поскольку существует множество примеров из прошлого, когда этот вид торговли служил не только основой экономики целых государств, но и являлся главным источником их могущества. Из относительно близких к нам примеров можно указать на две небольшие средневековые республики — Венецию и Геную, — обслуживавшие международную торговлю между Европой и Азией и соперничавшие друг с другом за контроль над ней, интересы которых простирались на половину известного тогда мира. По могуществу эти республики равнялись самым крупным государствам того времени. Еще один пример мы видим в Португалии, которая, открыв морской путь вокруг Африки, переняла у Генуи ее восточную торговлю, тем самым повергнув последнюю в упадок.

После открытия Америки главным направлением европейской торговли делается западное, что обрекло на экономический застой не только Азию, но и Восточную Европу и восточную часть европейского Средиземноморья. Контролируют эту торговлю, обеспечивающую могущество в Европе, последовательно Испания, Голландия и Англия. Таким образом, на протяжении средних веков именно международная торговля обеспечивала экономическое процветание и политический авторитет государств в Европе. Интересна явная тенденция к застою и упадку закрытых систем, не участвующих в ней.

И такой жизненно важный фактор, выступающий по сути как двигатель общественного прогресса, каковым является участие в международной торговле, совершенно не рассматривался до сих пор историками Древней Руси.

Следует отметить, что и в настоящее время экономика развитых стран в значительной мере ориентирована на мировой рынок. Более того, экономический взлет ряда развивающихся стран начался именно с подключения в международную торговлю и развития реэкспорта (Сингапур, Гонконг, некоторые страны Вост-Индии). Следовательно, данный фактор может рассматриваться в качестве постоянно действующего, поэтому нет никаких оснований исключать его действие в прошлом тысячелетии и в более ранние периоды истории.

Если в степях и приморских районах с торговыми коммуникациями дело обстояло просто, то в лесной зоне в качестве их выступали водные магистрали, причем использовались они не только летом. На территории Восточной Европы можно выделить несколько крупных водных магистралей, но самой важной несомненно являлась Волга. Вместе с реками бассейна Онежского и Ладожского озер Волга составляла знаменитый Восточный трансконтинентальный путь, соединяющий Балтику с Каспием, а через них Западную и Северную Европу со Средней Азией и Кавказом, из которых шли пути на Индию и Китай. Основная трасса проходила по рекам Волге и Волхову. Воспользовавшись случаем, отметим одну особенность, относящуюся к названиям ряда трансконтинентальных водных путей Европы, состоящих из двух речных систем, текущих в противоположных направлениях: имена таких пар часто образуются одним корнем. Примерами могут служить кроме Волги — Волхова, Буг — Южный Буг, Рейн — Рона, Сена — Сона.

Восточный путь во все времена играл огромную роль в жизни обширнейшего региона. Однако характер использования несколько изменялся во времени, что связано с переменами, которые происходили в экономической, политической и других сферах жизни общества данного района. Первоначально это был путь, по которому происходило заселение освободившихся от ледника областей европейского Севера и осуществлялись связи вновь освоенных территорий с прародиной. В последующем эта водная магистраль послужила стержнем формирования обширного массива родственных финских народов. Наличие тесных экономических и культурных связей

зей между отдельными частями этого массива, возможно, имело и политическую основу. Согласно лингвистическим, археологическим и антропологическим данным финно-угорская общность народов Поволжья, Озерного края¹ и Прибалтики существовала уже в конце неолита (III—II тыс. до н. э.)². Именно в это время прослеживается экспорт кремня с Валдая в Финляндию³. В дальнейшем значение Волжского пути, видимо, сохранялось, вместе с тем расширилась география торговли, которую обслуживала магистраль. И. Херман со ссылкой на ряд источников отмечает наличие в эпоху бронзы обмена между областью оз. Меларен на Скандинавии и Средним Поволжьем⁴. Усиление связей западного крыла финского мира с германским в середине II — середине I тыс. до н. э., видимо, и послужило причиной выделения прибалтийско-финской языковой общности. Отныне вся жизнь населения Верхней Волги, Озерного края и Карелии в большей степени становится ориентированной на Балтику. Очевидно, уже в это время по Волжскому пути поступали на Балтику восточные экспорты, а в район Каспия — западные. Однако носила ли торговля между этими двумя регионами «сквозной» характер или на своем пути «от моря до моря» товары проходили «через несколько рук», сказать трудно. Возможно, доготов Волжский путь не играл роли транзитной магистрали, обслуживая главным образом местную торговлю.

Как бы то ни было, во второй половине прошлого тысячелетия в обширном евро-афро-азиатском регионе создалась ситуация, коренным образом изменившая как географию международной торговли, так и значение, а возможно и характер Восточного пути, который в результате получил полное право именоваться Великим. Толчком к этому послужило возникновение в Аравии в VII в. новой религии под названием ислам и последовавшая за этим арабская экспансия.

¹ Озерный край включает территории нынешних Калининской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Ленинградской областей и Карелии.

² Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 11.

³ Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 58.

⁴ Херман И. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. — В кн.: Славяне и скандинавы. С. 40.

События развивались стремительно: после смерти Мухамеда (632 г.) арабы вторглись в Месопотамию и Палестину, нанеся ряд тяжелых поражений Византии и Персии, взяли Дамаск (635 г.), изгнали византийцев из Александрии (642 г.), чуть позже (667 г.) оккупировали Халкедон, уже непосредственно угрожая Византии, в том же году вторглись в Сицилию, через три года завоевали Северную Африку, а в 711 г. вторглись в Южную Испанию. Одновременно вели войну в Средней Азии, которую покорили к 715 г. В этом же году осадили, правда неудачно, Византию. Наконец в 733 г. после сражения северной экспедиции арабов с Карлом Мартеллом они были остановлены почти в центре Франкского государства у г. Пуатье. Примерно в это же время арабы получили отпор со стороны хазар на юге Восточной Европы.

Таким образом, война, бушевавшая от берегов Атлантики на западе до Памира и Тянь-Шаня на востоке, прервала торговые коммуникации, связывавшие Европу с Ближним, Средним и Дальним Востоком и проходившие традиционно через Средиземноморье. Другим результатом арабской экспансии были изменения в политической и экономической жизни Европы. В войну с халифатом были вовлечены две крупнейшие европейские державы. Византия была ослаблена непрерывными боевыми действиями как политически, так и экономически, причем экономические трудности усугублялись тем, что страна практически лишилась восточной торговли, которая и определяла ее экономическую силу. Что касается Франкской империи, то здесь в результате войны центр тяжести экономики страны сместился из южных районов на побережье Северного моря. Особый подъем испытывает Фрисландия, где в низовьях Рейна — Мааса — Шельды получают развитие центры ремесла и торговли. Среди них особенно выделялись Домбург на о. Вальхерен, в устье Шельды, и Дорестада на Рейне, через который шла вся рейнская торговля, имеющая выход на средиземноморский Марсель. Торговые города меньших размеров выросли в устьях Эмса и Везера, крупным торговоремесленным центром являлся Гамбург. Как отмечает Г. С. Лебедев, последовательный подъем экономики северо-восточных областей Франкского государства происходил в течение всего VII в.¹

¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 100.

Ни война, ни идеологические разногласия между Западом и Востоком не отменили объективной необходимости традиционных экономических связей между враждующими сторонами. Более того, она даже возросла. С VIII в. франко-фризские города начинают чеканку собственной монеты, испытывая при этом острую нужду в металле, что было связано с общим упадком горного дела в эпоху Великого переселения народов и после нее. В начале VIII в. нехватка драгоценных металлов усугубилась в результате захвата арабами Пиренейского полуострова, откуда, начиная примерно с конца IV тыс. до н. э., поставлялись золото и серебро сначала в Египет, а затем в Европу. Основную часть драгоценных металлов Рим получал с месторождений Южной и Северо-Западной Испании¹.

Если Европа нуждалась в металле для чеканки монеты, то Восток был заинтересован прежде всего в получении железа и мехов, которыми были богаты Северная и Северо-Восточная Европа. Впоследствии, по мере стабилизации ситуации в арабском мире, все больший спрос стали приобретать рабыни для гаремов сибаритствующей мусульманской знати. Существовавший в рамках халифата регионализм оставлял достаточную экономическую и даже политическую свободу отдельным провинциям². Это определяло ситуацию, когда испанские эмираты в VIII в. вели непрерывные войны с франками Карла Великого, а тем временем франкские мечи широко экспортировались в другую часть арабского халифата — Среднюю Азию, обмениваясь на серебро «из богатых рудников Западного Туркестана и Афганистана»³.

В этом регионе боевые действия арабов против «неверных» закончились сравнительно быстро. После завоевания Бухары и Самарканда во время кампаний Кутайбы ибн Муслима в 705—715 гг. политическая ситуация здесь отличалась относительной стабильностью, лишь в 751 г. на периферии района при Таласе арабы разгромили китайскую армию, направленную в Среднюю Азию. Это способствовало формированию стабильного торгового обмена между ним и Европой.

Таковы вкратце основные объективные предпосылки возникновения крупномасштабной транзитной торговли, осуществлявшейся через Восточную Европу, в обход ок-

¹ Бакс К. Богатства земных недр. М., 1986. С. 146.

² Грюнебаум фон Г. Э. Классический ислам. М., 1987. С. 55.

³ Бакс К. Указ. соч. С. 170.

ваченного войной Средиземноморья. Уже для начала VIII в. необходимо считаться с активным движением серебра по восточноевропейским континентальным путям между Средней Азией, Передним Востоком и Балтикой. Точно так же могли поступать попадающиеся изредка изделия китайского, индийского или иранского производства¹.

Основным фактором, обеспечивавшим энергию встречных потоков товаров, проходивших по Восточной Европе, являлось географическое разделение труда между отдельными районами Европы и Арабского Востока. Различия в специализации участвовавших в торговле областей приводили зачастую к огромному перепаду цен на отдельные товары на рынках этих регионов. Как в физике разность потенциалов приводит к возникновению в цепи электрического тока, так и в экономике разница в ценах зарождает и поддерживает товарный обмен между районами. При этом торговля бывает весьма выгодным занятием. Так, меха, являвшиеся одним из самых массовых товаров, обмениваемых на арабское серебро, приносили прибыль в 1000% и более. Очень велики были расхождения в ценах на продовольственные товары, в частности на зерно, которое в Ираке стоило в 12 раз дороже, чем в Праге, а в период засухи во все 200 раз².

К концу VIII в. в Восточной Европе оформилась система трансконтинентальных коммуникаций с торговыми центрами и промежуточными пунктами, связывавшая Среднюю и Северную Европу с Кавказом и Средней Азией. По ним в Европу поступали крупные партии серебра, которые требовалось оплачивать большими количествами встречных товаров. Причем размеры торговли с обеих сторон со временем возрастали. Именно это время стало началом движения викингов на западе Балтики. Во взглядах на причины его возникновения среди историков нет единства. Логично предположить, что военные походы викингов были призваны обслуживать нужды бурно развивающейся североевропейской торговли, преимущественно транзитной по своему характеру. Балтийские вики быстро становятся центрами поступления значительной массы материальных ценностей, добываемых в походах, а также средоточием работоторговли.

¹ Херман И. Указ. соч. С. 63.

² Там же. С. 81—82.

Процессы же перестройки отношений внутри скандинавского общества, которые ряд авторов кладет в основу зарождения движения викингов, были лишь реакцией на изменение экономической основы жизни этого общества в результате торговли Запада с Востоком и расположения региона на торговых путях, связывающих их. Таким образом, причинно-следственная связь между двумя явлениями очередной раз оказалась переставлена с ног на голову¹.

Можно предположить, что с этого времени основой увеличения поступления арабского серебра в Европу, спрос на которое стабильно возрастал до конца IX в., стала именно работорговля. О том, что захват рабов и работорговля были характерными чертами эпохи и относились к числу важнейших целей набегов викингов, а также о том, что рабы из стран Балтики были одной из важнейших, если не самой значительной статьёй экспорта, говорит И. Херман².

Многочисленные источники указывают на особую роль в торговле «живым товаром» руси. Так, Ибрагим ибн Якуб около 965 г. сообщает: «К нему (г. Праге) прибывают из... Кракова русы и славяне с товарами, а к ним прибывают из тюркских земель магометане, евреи и тюрки, также с товарами и ходовой монетой и вывозят от них рабов, олово и разнообразные меха». Ибн Фадлан в 922 году сообщает о торговых поездках русов по Волжскому пути на юг с товарами, состоящими из девушек-рабынь и мехов, в т. ч. соболей. В соглашении князя Олега и императора Льва VI в 911 г. оговариваются принципы русской работорговли в Византии. О русской торговле рабынями в X в. рассказывает исландская «Сага о людях из Лаксдаля»³.

По имеющимся письменным источникам, развитие русской работорговли представляется следующим образом: на первом этапе, в VIII — первой половине IX вв., рабы добывались в набегах на сопредельные народы. Об этом, в частности, свидетельствует известие араба Ибн Даста, в котором говорится о руси, что она производит набеги на славян, подъезжает к ним на кораблях, высаживается, забирает обывателей в плен и продает другим народам⁴. Это же подтверждают Ибн Русте

¹ См.: Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 25—28.

² Херман И. Указ. соч. С. 110—112.

³ Там же. С. 110—114.

⁴ Ключевский. Т. 1. С. 154.

и Гардизи, свидетельства которых об острове русов относятся к первой половине IX в. В них говорится, что народ рус не пашет и живет тем, что берет у славян, на которых ходит в походы на ладьях, берет их в плен и отвозит на продажу булгарам и хазарам¹.

Позже, после образования русско-славянского государства в конце IX в. с центром в Киеве, очевидно, возрастает роль скандинавских викинг в поставке рабов для стран Востока. Однако значительная часть этого «живого товара» на рынки рабов в Хазарии, Булгарии, Византии и даже Средней Европе (например, в Прагу) попадала проходя через руки руси, которая во все большей степени становилась посредником в работорговле. Количество рабов из балтийских земель, продававшихся в арабские страны и Византию, исчислялось десятками тысяч. Каналами поступления их в Аравию служили водные и сухопутные пути Средней и Восточной Европы².

В пользу того, что работорговля в IX в. занимала определяющее место в связях Запада с Востоком, свидетельствует то обстоятельство, что именно она приносила наибольшие прибыли. Стоимость раба на севере не превышала 1,5 марки или 100 дирхемов, что составляло приблизительно 300 г серебра. В Византии же он стоил в три раза дороже, а на Арабском Востоке разница могла возрасти до пяти раз. Но наибольший доход приносила торговля рабынями. Пленницы из северных земель ценились особенно высоко: как отмечал известный востоковед А. Мец, «белая рабыня, совершенно ничему не обученная», могла быть продана за 10—15 тыс. дирхемов, т. е. в 200 раз дороже первоначальной цены³.

Важнейшей по значению группой товаров, поставляемой на Восток из Европы и соперничающей с рабами, были меха. Определяющие позиции в торговле пушной занимала русь. Арабский географ Ибн Хаукаль, рассказывая о Булгаре и хазарской торговле, говорит: «Вывозимые из их (хазар) страны в исламские страны мед, свечи и пушные товары ими ввозятся только из местностей руси и булгар. Так же дело обстоит с вывозимыми по всему миру бобровыми мехами... Большая часть этих мехов, наивысшего качества, попадает из местности Гога и Магога на Русь, потому что она сосед-

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 198.

² Херман И. Указ. соч. С. 110.

³ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 145.

ствуется с этими Гогом и Магогом и ведет с ними торговлю; затем они (русы) перепродают их (меха) булгарам»¹.

И. Херман под местностью Гога и Магога понимает Северную Скандинавию, однако, на наш взгляд, более верной представляется ее интерпретация с восточной частью Фенноскандии. Автор в своем предположении исходит «из другого сообщения Ибн Хаукаля»², а также еще, очевидно, из возможности сопоставления данной местности с землей племени суэханс Иордана, о которой он также упоминает в своей работе, видя в этом племени предков шведов. Суэханс (ср. с одним из вариантов названия Калевалы — Суванто), по Иордану, являются основными поставщиками «сапфириновых шкурок», мехов, отливающих синевой, которые особенно ценились на рынках Европы и Азии. Это племя, живя в бедности, носит богатейшую одежду (из мехов?) и держит превосходных лошадей³.

Действительно, известия арабского автора и Иордана, разделенные четырьмя с лишним веками, перекликаются. Однако для локализации района, в течение нескольких веков поставлявшего наиболее ценные меха, следует еще раз обратиться к географии Скандзы или Скандинавии, изложенной Иорданом. В ней говорится: «Скандза лежит против реки Вистулы (Вислы), которая, родившись в Сарматских горах (Карпатах), впадает в Северный океан (Балтийское море) тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию». Толкование приведенных в данном отрывке географических названий не вызывает затруднений, поэтому мы полностью согласны с их традиционной интерпретацией, считая нужным указать лишь на следующий нюанс: упомянутые здесь Германия и Скифия не являются этническими названиями, Висла выступает здесь в качестве границы между западной и восточной частями Европы, при этом первая называется Германией, а вторая Скифией.

Далее следует: «Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро, откуда река Ваги, волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан». Под озером исследователи склонны видеть Ладогу с вытекающей из нее рекой, забывая при этом,

¹ Херман И. Указ. соч. С. 73.

² Там же.

³ Иордан. Указ. соч. С. 69.

что до середины нашего тысячелетия она рассматривалась как составная часть Балтики, а Нева воспринималась в качестве одной из протоков, соединяющих Нево (Ладогу) с морем, поскольку существовала и другая — Вуокса, выходящая в Финский залив у Выборга. Вспомним, что русские летописи неизменно называют Ладогу Русским морем. Поэтому под озером в приведенном отрывке можно понимать как Ильмень, так и Онегу, а рекой Ваги соответственно или Волхов, или Свирь, обе велики и порожисты. Мы склонны видеть в озере Онегу, во-первых, ее шансы именоваться обширнейшим озером явно предпочтительней, во-вторых, в этом случае становится понятнее, почему древние авторы именовали Скандзу островом, поскольку с Онеги через Выгозеро и Сегозеро открывается водный путь на Белое море. Кроме того, у Иордана сказано, что «Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро», откуда, помимо того, что озеро находилось на востоке, следует, что если оно и не располагалось на острове, то по крайней мере отделяло его от материка.

Затем следует: «С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим океаном, из которого будто какая-то выступающая рука образует Германское море, вытянутое вроде залива»¹. Единственным местом, вызывающим затруднение, в этом отрывке является упоминание Германского моря. Дойдя до него, исследователи в беспомощности вновь обращают взоры на Балтику, как будто забывая, что в предыдущем предложении Иордан называет Балтику Северным океаном, а также то, что «залив», согласно ему, должен вторгаться в сушу со стороны Северного Ледовитого океана. Происходит это опять же потому, что в Германском море видят этническое название, хотя здесь, как и в предыдущем случае с Германией, дело обстоит совершенно иначе. Во времена Иордана не существовало современного понятия «германские народы». Давая эпитет морю, Иордан подразумевал даже не западное его положение, как в случае с Германией по отношению к Скифии, а цветовую его характеристику «белое». В следующем предложении, характеризуя это море, Иордан отмечает его суровость и говорит, что иногда оно полностью замерзает, и тогда оно губительно даже для волков, которые слепнут на за-

---

¹ Иордан. Указ. соч. С. 68.

снежных просторах. Таким образом, Германское море — это белое, покрытое снегом море, в названии которого заложена характеристика суровости его характера.

Одним и тем же словом во времена Иордана обозначались два понятия: белый, а также близкий к нему светло-серый цвет и запад. Это характерно для многих языков. Например, В. П. Нерознак приводит три возможности объяснения слова *beľ*: «Согласно одному из них (П. Скок) отмечает связь названия с водой, поскольку все населенные пункты с названием *beľ* *gord* локализируются у воды. Другая версия указывает на возможность объяснения первого элемента *beľ* в фольклорном значении «белый», «прекрасный». И, наконец, в третьем истолковании слово **белый** наделяется цветовым или пространственным значением (слово **белый** могло означать также «западный»)¹. Связь понятий «запад» и «вода» мы подчеркивали выше. Добавим, что в рассматриваемом районе и сегодня корень, использованный Иорданом для характеристики моря, существует для обозначения белого и светло-серого цвета и связанных с ними понятий: ф. *hagtaa*, кар. *hagtaı* «серый», ф. и кар. *hega* «молочная сыворотка», *hāpu* «сумерки», а кошек светло-серой масти в деревнях Карелии называют Хами или Хамми. Словом, которое во времена Иордана имело два широких понятия, в последующем стали обозначать западные народы, сузив затем его значение до обозначения народов, говорящих на языках одной группы, известных нам как германские. Старые же значения со временем были утрачены, что привело к трудности интерпретации Германского моря, известного из Иордана, под которым, несомненно, выступает известное нам Белое море. Это подтверждает и конфигурация моря, которое действительно похоже на выступающую с океана руку с растопыренными пальцами.

Из приведенного анализа следует, что под Скандзой Иордан понимал не только современный Скандинавский полуостров, но и нынешние Финляндию, Карелию и Кольский полуостров. Этот гигантский «остров» (а он, по видимому, и в действительности когда-то был островом) с площадью, превышающей 1,5 млн кв. км., отчетливо выделяется на геологической карте выходами докембрийских кристаллических пород, нося название Бал-

¹ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 35.

тийского щита. В физической географии этот район называется Фенноскандинавией или Фенноскандией.

В наши дни на Терском побережье Кольского полуострова добывают особый вид куницы, которая отличается крупными размерами и темной окраской. Ее мех имеет голубовато-зеленоватый оттенок. Не эти ли куницы являлись обладательницами «сапфириновых шкурок» Иордана? В свете этого страна Гог и Магог арабского автора могла размещаться на обширных таежных пространствах между Ботнией и Белым морем. Эта территория, очевидно, и представляла один из важнейших районов пушного промысла для русов. Через некоторое время в (XI—XIV вв.) этот огромный лесной район был настолько хорошо освоен корелой, что на севере Ботнического залива сформировалась особая этническая группа корелы¹.

По мнению С. И. Кочкуркиной, освоение корелой Северной Лапландии относится еще к первобытнообщинному времени, под которым она подразумевает конец I тыс. н. э... Но, очевидно, не будет излишней смелостью предположить значительно более раннее включение этой территории купцами и промышленниками из Приладожья в сферу своей хозяйственной деятельности. Во всяком случае, этнографический материал и фольклор свидетельствуют в пользу этого. Одновременно осваивался корелой район между Ладогой и Белым морем. Археологические раскопки, проведенные на левом берегу р. Варзуги (Терский берег), свидетельствуют о том, что там в XII в. жило население, близкое приладожскому².

Эти данные позволяют в «держателях» превосходных лошадей Иордана предполагать предков корелы, которая позже была широко известна как поставщик лошадей. С. И. Кочкуркина отмечает: «Из Северо-Западного Приладожья, в частности, «кобыличкой корилой», так она названа в летописи под 6846 (1338/39) г., лошади экспортировались за границу, прежде всего в Любек и Данциг. О постоянном экспорте лошадей свидетельствует указ короля Магнуса в 1347 г., в котором он разрешает жителям Выборга вывозить лошадей (жеребцов) не моложе 8 лет. К. Вилкуна, рассматривая вопрос о кобылицкой кореле, происхождение названия ставит в пря-

¹ Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 74.

² Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. С. 14.

мую зависимость от занятия населения разведением и продажей коней. Он полагает, что в доисторическое время и в раннем средневековье на Карельском перешейке, в бассейне р. Вуоксы, бродили полудикие стада лошадей финско-восточнокарельской маленькой местной породы, относящейся к первоначальной северосвропейской расе с широким лбом и коротким зевом, которая происходит от дикой лошади — тарпана»¹.

Кроме того, в свете того факта, что **весь** изначально входила в состав русского государства, не будет преувеличением и предположение об освоении русью другого огромного лесного края — бассейна реки Северная Двина. Через некоторое время этот район также входил в сферу хозяйственной деятельности корелы. Ее следы и в наши дни ощутимы в топонимике края. Согласно сведениям Д. В. Бубриха, в 1251 г. отдельные группы корелы проживали на берегах Кубенского озера. Проникновение корелы в земли веси отмечает с X в. и С. И. Кочуркина². О более древнем присутствии в районе корелы свидетельствуют лексические сходства в коми диалектах с карельским языком. Особенно сильно его влияние ощущалось в бассейнах Вычегды, Мезени и Лузы. Оно имело место примерно в XI—XVI вв., возможно и ранее, «если допустить более раннее появление коми населения на этой территории»³.

Таким образом, мы имеем дело с явлением, когда из источников X в. известно наличие на территории хозяйственных интересов руси, а в XI—XIII вв. эти же территории оказываются в сфере хозяйственного влияния корелы. Это заставляет предполагать существование определенной и тесной связи между ними.

Возвращаясь к русской пушной торговле, отметим, что, возможно, упоминание Ибн Фадлана о торговле русов в Булгаре соболями в начале X в. свидетельствует о более глубоком проникновении их в поисках пушнины на восток. Хотя ареал обитания соболя на западе как раз доходит до бассейнов Северной Двины и Мезени. Поэтому уже на начало X в. можно с достаточной степенью уверенности предполагать проникновение русов в указанный район посредством формирования системы факторий для закупки пушнины у промысловиков.

¹ Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 154.

² Там же. С. 166.

³ Основы финно-угорского языкознания//Марийские, пермские и угорские языки. С. 221.

Значительно меньше сведений дошло о торговле железом, игравшей, по-видимому, важную роль в рассматриваемое время. Об этом прежде всего и со всей определенностью свидетельствует тот факт, что в течение ряда веков черные металлы относились на Востоке к самым дефицитным продуктам. О нехватке железа в Средней Азии свидетельствуют данные Менандра Византийца относящиеся ко второй половине VI в.¹ Как отмечает Д. К. Райт, через пять-шесть веков, во времена крестовых походов дерево и железо являлись для сарацинов материалами первостепенной важности и пользовались у них большим спросом².

В последнее время начинают появляться публикации, посвященные роли этого товара в экономике и даже политике североевропейского региона. Э. Нюлен решающую роль государственного объединения Швеции видит в наличии рудоносных зон западнее и севернее оз. Меларен. Он утверждает: «Эксплуатация месторождений горных и болотных руд и контроль над транспортировкой железного сырья по водным путям к оз. Меларен, а затем через Хельге и позднее — Бирку на восток создавали экономическую основу для невиданной ранее на Севере концентрации политической власти шведских конунгов». При этом автор указывает на внешнеторговую направленность созданной экономической системы, суть которой заключалась в «экспорте железа из области оз. Меларен и других мест континентальной Швеции на Восток и Юг по русским рекам». Причем, экспорт железа верно оценивается как встречный отклик на поток восточного серебра³.

По мере расширения международной торговли, проходящей по водным системам Восточной Европы, превращения транзитной торговли в главный вид экономической деятельности в регионе, все большая часть его населения оказывается втянутой в нее. Одновременно с ростом численности купеческой прослойки и ее могущества возрастало и стремление к упорядоченности торговли, к гарантии ее стабильности и безопасности не только в Восточной Европе, но и за ее пределами. Это и послужило основой формирования Древнерусского государства, известного нам из летописей.

¹ Менандр Византиец. Указ. соч. С. 376.

² Райт Д. К. Указ. соч. С. 263.

³ Нюлен Э. Эпоха викингов и раннее средневековье в Швеции. В кн.: Славяне и скандинавы. С. 161—162.

В силу причин исторического и географического плана на трансконтинентальных коммуникациях Восточной Европы доминировали два усилившихся на транзитной торговле государства. Хазария контролировала начало «серебряного пути» вплоть до Средней Волги, тогда как оставшаяся часть его, выходящая на Балтику, находилась под властью Руси. К середине IX в. в крупнейший торговый центр на Средней Волге вырос Булгар, в следующем столетии ставший столицей самостоятельного и обширнейшего государства Волжско-Камской Болгарии.

В рассматриваемое время отношения руси и хазар определялись торговым соперничеством, хотя представляется, что на протяжении длительной истории взаимодействия данных народов они были далеко не однозначными. О существовании в прошлом связей другого рода свидетельствует целый ряд фактов, начиная со сведений Ибн Фадлана о существовании двух типов хазар — «смуглых» и «белых», «красивых», которые свидетельствуют о северном происхождении верхушки нижеволжского общества¹. То обстоятельство, что верховные правители как хазар, так и руси носили титул «хакан» или «каган» (как, впрочем, и верховный правитель Паннонии) указывает на наличие в прошлом определенных политических связей. На наш взгляд, мы имеем здесь дело с проявлением «готского наследства», т. е. со следами единства в рамках готской системы.

Во «Всемирной истории» ат-Табари (923 г.), дошедшей до нас в персидской обработке Бал'ами, упоминается об участии русов в борьбе против арабов на Кавказе на стороне хазар². Неясно, была ли русь привлечена в качестве наемников или ее объединяли с хазарами общие интересы, и из какой области они были. Можно лишь предполагать, что в их основе было наличие нуждающейся в защите от арабов причерноморской колонии руси, о возможности существования которой говорит ряд исследователей³. Уходили ли корни этой колонии в готское время или же она была результатом более позднего развития южной торговли руси, но факт ее существования в VIII—IX вв. более чем вероятен. Во всяком случае, создается впечатление, что Тмутороканское кня-

¹ Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 10.

² Ловмянский Х. Указ. соч. С. 188.

³ Там же. С. 193.

жество на Тамани существовало задолго до его первого упоминания в летописи.

Существуют достоверные данные о деятельности руси на Черном море (кстати, его название происходит от рус. **чермное** «красное», т. е. «южное») в конце VIII — начале IX вв. Они содержатся в жизнеописаниях двух византийских святых — Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. В первом житии говорится, что по прошествии немногих лет от смерти св. Стефана, скончавшегося на исходе VIII в., большая русская рать с сильным князем Бравлином, пленив страну от Корсуни до Керчи, после десятидневного боя взяла Сурож (Судак)¹.

Интересно то, что Бравлин назван новгородским князем, что Васильевский считал интерполяцией, в которой можно видеть отражение северного происхождения руси. Об этом же свидетельствует тот факт, что византийцы и западноевропейцы называли русь норманнами. Например, Иоан Диакон, сообщая о нападении на Константинополь в 860 г., употребил этноним «норманны», епископ Кремоны Лиутпранд в X в. среди соседей Византии перечисляет «русиев, которых иначе мы называем норманнами»².

Во втором житии, некоторые детали которого свидетельствуют о его создании до 842 г., вскоре после смерти Георгия в начале IX в., говорится, что русь, народ, который все знают, начав опустошение южного черноморского берега от Пропонтиды, напал на Амастриду³. Оба жития, на наш взгляд, неоспоримо свидетельствуют о существовании еще до IX в. черноморской колонии руси, поскольку те крупные военные предприятия, о которых в них говорится, не могли быть организованы непосредственно с севера.

Говоря о характере отношений руси с византийцами и хазарами в начале IX в., обратимся к известию арабского писателя Хордадбе, который сообщает, что русские купцы возят товары в греческие города, где византийский император берет с них десятину; эти же купцы по Дону и Волге опускаются к хазарской столице, где властитель Хазарии берет с них также десятину, выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные

---

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 215—216.

² Ключевский. Т. 1. С. 132.

³ Там же.

берега его и даже провозят свои товары на верблюдах до Багдада, где их и видел Хордадбе¹.

Что касается Византии и отношений руси с ней, то еще В. О. Ключевский отметил, что все русские походы на нее «вызывались, большей частью, стремлением Руси поддержать или восстановить прервавшиеся торговые сношения с Византией. Вот почему они оканчивались обыкновенно торговыми трактатами»². Торговля руси с империей со времен похода Олега была беспошлинной, и это обстоятельство являлось важнейшим в отношениях двух государств до принятия христианства.

Иначе складывались отношения с Хазарией. Внешняя политика Руси в течение длительного времени характеризовалась стремлением обойти Хазарию в географическом плане, т. е. в попытках найти альтернативу Волжскому пути, на котором терялась существенная часть торговых барышей в виде пошлины хазарам. Археологические данные позволяют утверждать, что по крайней мере с середины VIII в. по первую треть IX в. арабское серебро поступало на север минуя Нижнюю Волгу и Среднее Поднепровье, принадлежавшее в то время хазарам. Оно шло по Северскому Донцу до водораздела на территории нынешней Белгородской области, откуда берут начало реки, текущие во всех направлениях. Отсюда через реки Сейм и Свапу открывался проход на Оку, по ней же в районы, находившиеся под властью руси, а по Десне на Верхний Днепр и Западную Двину. Именно по этим маршрутам обнаружены клады с наиболее ранними арабскими монетами, датированными периодом с 786 г. по 833 г.³ По всей вероятности, перевозки серебра по этим путям осуществлялись русью, которая, имея перевалочную базу в Причерноморье, воспользовалась пусть не самым удобным, но не охраняемым маршрутом, проходившим по хазарским землям.

В свете этого, строительство в 830-х годах византийскими инженерами хазарской кирпичной крепости Саркел, организованное в срочном порядке, имело целью перекрытие «контрабандного» пути, используемого русью в торговле с Востоком. Примерно так же, как экономическую санкцию, воспринимает строительство Саркела коллектив работы «Русь и варяги»: «...Саркел поставил

¹ Ключевский. Т. 1. С. 127.

² Там же. С. 156.

³ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 228.

под контроль военно-стратегическую сухопутную дорогу от Дона в славянские земли северян, вятичей, радимичей. После 833 г. Среднее Поднепровье выпадает из зоны обращения дихрема, что не без основания рассматривают как результат «экономической блокады», установленной хазарами»¹. Но нельзя согласиться с направленностью этой блокады против перечисленных племен, бывших в то время под властью хазар. Меры эти направлены против руси, и ее ответом стал последовавший через некоторое время захват хазарского Киева и, тем самым, установление контроля за Днестром.

Что касается проблемы локализации Саркела, то мы выскажем здесь версию, что он размещался на территории нынешнего Харькова. Во-первых, именно здесь проходил «контрабандный» путь руси, во-вторых, форма названия Харьков (укр. Харків) почти идентична топониму Саркел. Чередование л/в характерно не только для украинского языка (рус. сказал — укр. казав), но и для северорусских диалектов (например, вологодское Приснежье), где оно сохранилось с древнерусского языка (например, в Иоакимовой летописи «...Вандал разгневался на ня...»). Русское название Саркела Белая Вежа, видимо, является переводом-калькой с оригинала. Первая часть названия *сар-* означает «белый». Этот же корень содержится в русских словах с основой *зор-, зар-, зерк-, зорк-* (заря, зеркало, зоркий и т. д.), которые связаны с понятием «белый свет», «свет». Присутствует он и в финских языках: *särki, särgi* «плотва» (ср. с названием плотвы на севере России «сорога» или «сорожка»), где он также связан с понятием «белый». Здесь же уместно ф. *haakka* «сорока» (ср. рус. «сорока-белобока»). В этом случае кроме всего прочего мы имеем чередование *h/s*, что позволяет окончательно сблизить Саркел с Харьковом.

Что касается второй половины названия *-кел*, то этот корень известен во множестве языков в значении «крепость», «укрепленное место», «город», «селение». Он «распространен на обширных территориях Европы, Африки, Азии от берегов Атлантического океана до Индостана. Топонимический ареал еще шире»². Добавим, что он распространен с севера на юг на пространстве от Се-

¹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 285.

² Мурзаев Э. М. Указ. соч. С. 242—244.

верного Ледовитого до Индийского океанов, поскольку присутствует в прибалт.-фин. *kuļā* «деревня».

Таковы в общих чертах аргументы в пользу локализации известного из старинных документов Саркела или Белой Вежи на месте Харькова. То обстоятельство, что здесь позже располагался главный город половцев, как будто подтверждает данное предположение.

После захвата Киева Олегом и образования Древнерусского государства, центром которого он стал, хазары последовательно вытесняются с земель северян и радимичей, а несколько позже и вятичей. Кульминацией русско-хазарского соперничества стал поход Святослава на Волгу и полный разгром Хазарии. Русь стала безраздельно господствовать в посреднической торговле между Востоком и Западом, но эта монополия оказалась непродолжительной. Во второй половине X в. происходит внешне непримечательное событие, но тем не менее предопределившее судьбу могущественного государства, сформировавшегося в Восточной Европе. В 964—969 гг. начинается разработка Раммельсбергских серебряных рудников в Гарце¹. По другим источникам золотоносные медные и серебряные руды у горы Раммельсберг близ Гослара начали разрабатываться в 968 г.² Однако расцвет Гослара приходится на следующее столетие, когда он стал излюбленным местом пребывания германских королей и императоров, которым он приносил огромный доход, а потому считался символом власти.

Сопоставление дат похода Святослава на хазар (965 г.) и начала разработки рудников в Нижней Саксонии как будто бы свидетельствует о том, что он был вызван не уменьшением объема торговли серебром, т. е. не был проявлением агонии транзитной торговли, а являлся логическим продолжением двухвековой борьбы Руси и Хазарии на торговых путях, в которой один из конкурентов наконец вышел победителем. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что годы правления сына Святослава Владимира считаются «золотым веком» Древней Руси. Однако похоже, что к концу его правления саксонское серебро уже составляло сильнейшую конкуренцию арабскому. Представляется, что первым проявлением кризиса восточно-европейской торговли, известным по письменным источникам, служит отказ

¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 140—141.

² Бакс К. Указ. соч. С. 104—105.

Ярослава, княжившего в Новгороде, от уплаты двух тысяч гривен своему отцу киевскому князю Владимиру в 1014 году.

Неоспоримым свидетельством именно такого развития событий на европейском рынке служат археологические материалы о Готланд. Здешние клады, которые являются самыми многочисленными и крупными в Европе, свидетельствуют, «что в денежном обращении с конца X в. преобладает центрально- и западноевропейское серебро»¹.

Дальнейшие события в Восточной Европе, если говорить коротко, развивались по следующей схеме: по мере свертывания транзитной торговли возрастали центробежные тенденции, приведшие в конечном счете к раздробленности Русского государства. Основой этого процесса был, на наш взгляд, рост ценности земли как все более важного источника доходов. Постепенно менялась основа экономической жизни общества в обширном регионе Восточной Европы, когда торговля уступала место сельскохозяйственному производству. Торжество кочевников в степной зоне было следствием уменьшения транзитной торговли, упадка водных коммуникаций и торговых центров на них, фактической гибели Хазарии и ослабления Руси.

---

¹ Нюлен Э. Указ. соч. С. 162.

ГЕОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В настоящее время локализация Начальной Руси на севере признается большинством исследователей, в том числе и славянского направления генезиса Древнерусского государства. Правда, последние ошибочно называют ее Верхней Русью, исходя из движения славян вверх по Днепру, и размещают ее в Приильменье и Поволховье, оставляя открытым вопрос о районе, откуда русь сюда пришла.

Обособление Новгородской Руси от Киевской в советской исторической литературе является не только результатом известной из летописей автономии Новгорода в составе Древнерусского государства, но имеет и более глубокие причины. Г. С. Лебедев, говоря о материальной культуре городищ так называемой Верхней Руси, отмечает, что она «...по ряду характеристик (домостроительство, фортификация, лепная керамика, костяные и железные изделия) близка славянским культурам южного побережья Балтики и отлична от днепровских — лукирайковецкой и роменско-боршевской. Ее облик подтверждает предположение выдающегося советского археолога-славяниста И. И. Ляпушкина о первоначальном членении славянства на южную и северную группы (предшествующем делению на восточных, западных и южных славян) и о существовании в VIII—IX вв. особой, северославянской культурно-исторической зоны, куда наряду со славянами Западной Балтики, Поморья входили и словене ильменские (возможно также основавшие Полоцк в кривичском Подвинье). С формированием этой зоны, по-видимому, и связано освоение славянами русского Северо-Запада»¹.

¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 199.

Следует отметить, что цитируемый выше автор является активным сторонником идеи о существовании «балтийской цивилизации раннего средневековья», «циркумбалтийской общности», понимаемых как культурно-экономическое сообщество прибалтийских народов. В свете столь широкого и, по нашему мнению, верного взгляда на историю рассматриваемого региона несколько странной представляется попытка объяснения сходства материальной культуры Северной Руси и славянской Балтики существованием в раннее средневековье северославянской общности — зачем, если и тот и другой районы входят в единую циркумбалтийскую общность, куда, кстати, в числе многих народов входят также и балтийские, занимавшие территории между западными славянами и словенами Приильменя. Почему в таком случае не предполагается существование балто-славянской культурно-исторической общности, что было бы естественнее, поскольку эти народы непосредственно соседствуют?

Более того, вопрос может быть поставлен шире и острее: какие такие веские основания позволяют историкам — и русским и советским — из поколения в поколение трактовать население Приильменя в качестве славянского начиная с VIII в., причем положение это принимается каждым последующим поколением исследователей как аксиома? Самым авторитетным аргументом в пользу этого является сообщение летописца, автора ПВЛ о том, что новгородцы говорят на славянском языке. Но ведь оно датируется приблизительно концом XI в., т. е. фиксирует языковую ситуацию в регионе через 2—3 века после утверждения здесь руси, после двухвекового господства ее над славянским Средним Поднепровьем. Два столетия — срок более чем достаточный для смены языка, механизм которой рассматривался выше. Еще раз повторим, что язык является наиболее динамичным этническим признаком, в то же время это одновременно, как правило, и определяющий признак. Так, мы являемся славянами лишь по языку, не более того. И для его смены вовсе не обязательны миграции носителей определенного языка в районы господства другого с последующим вытеснением последнего. Язык способен индуцироваться, так сказать, «на расстоянии» (без физического взаимодействия) в рамках единой политической, экономической и культурной системы.

Вторым основанием для само собой разумеющегося причисления новгородских словен изначально к славянам является сходство этих этнонимов неодинакового ранга. Но ведь никому и в голову бы не пришло утверждать, что в Ливонии, Ливане и Ливии говорят на ливвиковском диалекте карельского языка, хотя во всех приведенных названиях присутствует единый корень с одинаковым значением. Поэтому и последнее основание отождествления словен Приильменя со славянами представляется нам очень ненадежным.

Таким образом, каких бы то ни было достоверных данных о славянском характере населения так называемой Верхней Руси не существует. В данном случае мы имеем дело с еще одним мифом, которыми так богата наша история, рожденным лишь на основе того факта, что по крайней мере с конца XI в. по наши дни средством общения в рассматриваемом регионе служит славянский язык. Но эта ситуация имеет под собой вовсе не славянскую колонизацию района, как это представляют себе историки, а совершенно другие причины, которые мы и попытаемся раскрыть.

Судя по ПВЛ, процесс формирования Древнерусского государства проходил в три этапа. Первый из них остался как бы за пределами летописи, о нем известно лишь то, что где-то «за морем» в IX в. существовало государство народа **русь**. О том, что это было именно государство, свидетельствует то обстоятельство, что варяги, призванные союзом племен северной части Восточной Европы, были княжеского рода. Кроме того, в уже знакомом письме византийского императора к императору франков, которое датируется 838 г., т. е. написано еще за четверть века до призвания Рюрика с братьями, говорится о царе народа **рос**.

Ближайшее к названным выше племенам «заморье» располагалось за Ладогой или даже за Невой, которая в то время воспринималась как пролив, соединяющий Ладогу с Балтикой. В соответствии с тем, что мы связываем возникновение Древнерусского государства с проходившей через Восточную Европу транзитной торговлей между Западом и Востоком, можно предполагать, что **русь** была народом, занимавшим один из ключевых участков трансконтинентальных водных магистралей, связывавших Балтику и Каспий. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые факты: стремление руси к контролю над коммуникациями во внутрен-

них районах Восточной Европы, проявляющееся в известной из летописи власти над чудью, словенами, мерей и кривичами еще до призвания Рюрика; изгнание ее оттуда, согласно летописи в 862 г., привело к политическому кризису в обширном регионе, в основе которого, возможно, лежали экономические затруднения, связанные с уменьшением объема транзитной торговли, проходящей через него. На наш взгляд, Западное Приладожье, т. е. нынешний Карельский перешеек, занимало наиболее выгодное положение на торговых коммуникациях. Отсюда со стороны Балтики начинался Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки» и целый ряд других менее важных магистралей. Именно здесь размещалась Начальная Русь, державшая под своим контролем северную часть трансконтинентальных водных путей и кровно заинтересованная в установлении полного суверенитета над ними.

С восстановления власти руси на огромной территории после призвания Рюрика открылся второй этап развития Древнерусского государства, откуда и ведется история его. Южные границы государства на этом этапе можно приблизительно восстановить по содержащимся в ПВЛ названиям городов, над которыми властвовал Рюрик: Изборск, Полоцк, Смоленск, Муром. Восточная граница проходила за Ростовом, который указан в списке принадлежащих руси городов, к Мурому. Согласно летописи, данниками руси в этом регионе были чудь, меря, весь, литва, зимогола, корсь, нарова, ливонцы, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь. Ценность этой огромной территории для руси определялась, во-первых, тем, что здесь существовал целый ряд важных транспортных развязок, из которых главными были Южное Приладожье, откуда по Свири открывался проход на Онегу, а по рекам Оять, Паша и Сясь на Волгу и Белое озеро с дальнейшим выходом в бассейн Северной Двины и Беломорье; по Волхову из Приладожья попадали на оз. Ильмень, которое само по себе было одним из важнейших транспортных перекрестков Европы, откуда открывались выходы на две величайшие транспортные магистрали Восточной Европы — Волжский и Днепровский пути; наконец, в районе Смоленска существовала развязка сухопутных дорог, которые соединяли между собой Западную Двину, Днепр и реки Окского бассейна, откуда через водораздел проходил путь на Северский Донец. Во-вторых,

этот обширный лесной район давал основную часть мехов, являвшихся одной из главных статей русского вывоза на Восток.

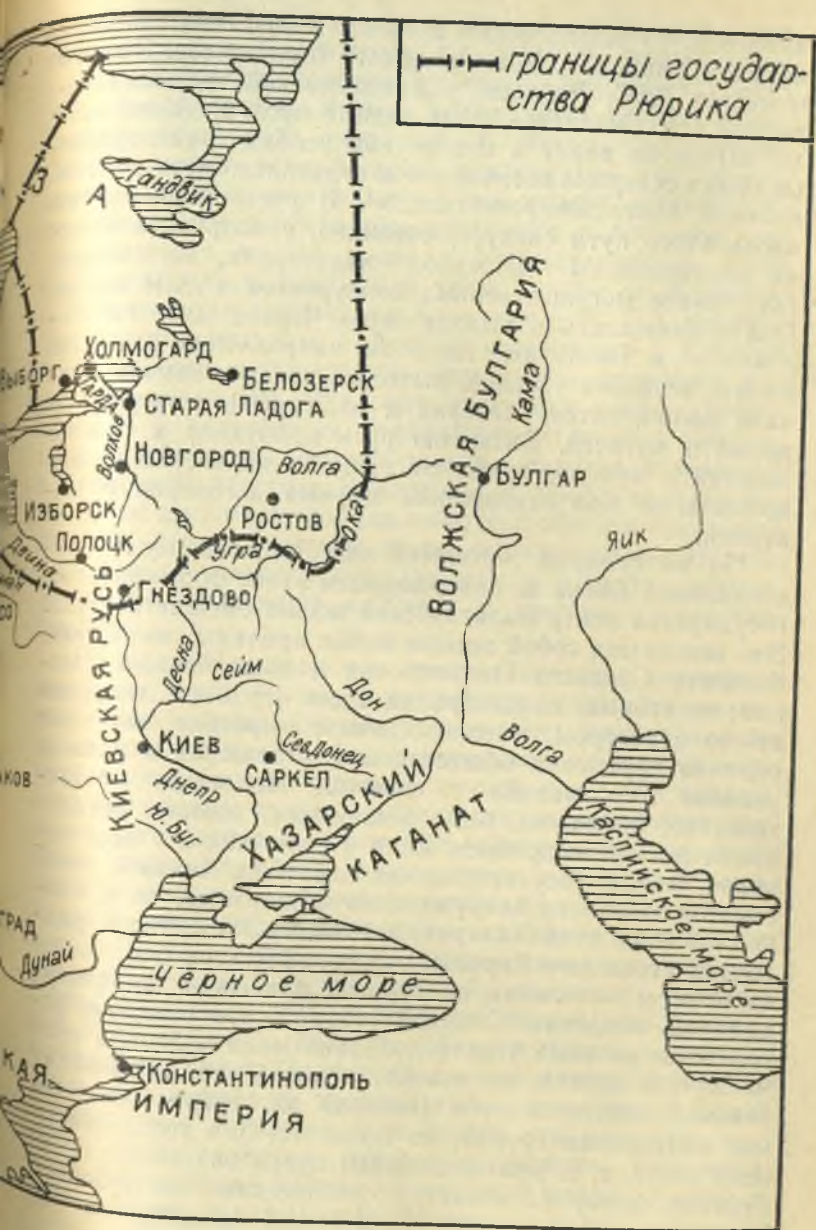
Завершающий этап начался захватом Киева во второй половине IX в. Как уже отмечалось выше, взятие Киева было ответом руси на попытку торгового соперника — хазарского каганата — перекрыть посредством крепости Саркел путь, по которому без хазарского посредничества в течение нескольких десятилетий перевозилось арабское серебро. Результатом этой акции, предпринятой в 30-е годы IX в., явилась ситуация, описанная арабским географом Ибн Хордадбе в «Книге путей и стран», написанной, как предполагается, в 846—847 г.г.: «Если хотят, (русы) путешествуют по Итилю, реке ас-Сакалиба и проезжают через Хамлих, город хазар, (где) его правитель берет с них десятину»¹. О враждебных отношениях руси и хазар на этом этапе свидетельствует и ПВЛ, сообщающая под 884 г. о победе Олега над северянами и его запрете платить дань хазарам: «Я враг их, и вам им платить незачем».

Таким образом, стремление руси к контролю над транзитной торговлей и к минимизации числа посредников в поставке в Европу арабского серебра являлось ключевым моментом внешней политики на протяжении почти двух столетий. Ее результатом было создание в Восточной Европе громадного государства, основная экономическая сущность которого заключалась в обеспечении транзитной торговли, осуществляемой многочисленным русским купечеством, выступающим в качестве посредника в торговле Европы с Востоком. Эта торговля являлась экономической основой Древнерусского государства, а вернее, его варяжско-русской верхушки. Именно интересы межконтинентальной торговли обеспечивали на протяжении длительного периода целостность столь огромного и разнородного политического образования, каким являлась Древняя Русь.

То обстоятельство, что на третьем этапе государство развивалось вниз по Днепру, вовсе не свидетельствует о том, что путь «из варяг в греки» был наиболее важным в системе торговых коммуникаций Восточной Европы. Главной магистралью был и оставался Волжский путь, на который приходилась большая часть товарооборота. Если последний был международной торговой

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 218.

Европа в IX—X веках

артерией, то Днепровский путь имел значение главным образом лишь для Древнерусского государства. Это же отмечает Г. С. Лебедев: «Скандинавской традиции известны все ...магистральные водные пути. В то же время «Путь из варяг в греки» как особая транспортная система в северных источниках не отразился: путь этот — явление восточноевропейское...»¹. В русской экспансии вдоль этого пути следует, очевидно, усматривать поиски альтернативы Волжской магистрали, на которой русь имела могущественных конкурентов в лице хазар. Она заключалась в выходе через Черное море на Закавказье и Византию. На этом направлении русь добилась больших успехов, вытеснив хазар с земель сначала полян, затем северян и радимичей, а несколько позже и вятичей. Византию русь принудила к отмене пошлин с купцов, время от времени подтверждая эту привилегию при заключении мирных договоров с империей.

По материалам летописей известно, что после присоединения Киева на завершающем этапе формирования государства центр политической жизни смещается туда. Это имело под собой вполне ясные причины: во-первых, близость Среднего Поднепровья к вожделенным рынкам; во-вторых, концентрация здесь огромных, по сравнению с севером, масс населения; в-третьих, коренное отличие характера общественных отношений в данном регионе в сравнении с севером. Последнее обстоятельство, возможно, было решающим, поэтому остановимся на нем подробнее. Если у руси, как и у всех народов севера, государственная пирамида имела в основании свободного вооруженного общинника, то в Киеве, как и во всей Хазарии, а также в Византии и ряде других стран юга Европы, она строилась на феодально-зависимом населении со строгой классовой дифференциацией общества. С одной стороны, это различие определяло военные успехи довольно малочисленной руси на юге, с другой, послужило основой трансформации военной верхушки руси (которая на севере выступала как социальная группа, не более того) в господствующий класс, т. е. революционным путем она достигла состояния, которое является логическим завершением развития любой власти. Но в таком качестве она вы-

---

¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 198.

ступала лишь для южных районов государства, где вписывалась в уже готовые общественные формы.

На севере же принципы военной демократии остались незабываемыми. Этим и объясняется известная автономия Новгорода в составе Киевского государства. Особое, можно сказать привилегированное положение новгородских словен в начальный период существования Киевского государства ощущается в летописи; после удачного похода руси на Константинополь Олег распорядился: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам (новгородским словенам — В. П.) копринные...», что вызвало обиду у новгородцев, которые в результате возвращались домой под простыми парусами, как и все остальные участники похода, кроме руси. И в дальнейшем традиционно Новгород приглашал к себе князя, он при помощи варягов утверждал на киевском престоле Владимира и Ярослава. Очевидно, такое положение города с округой обусловлено и тем фактом, что на третьем этапе формирования Древнерусского государства он выступал в качестве метрополии по отношению к Киеву и прочим славянским землям.

Но если Новгород все же управлялся киевскими князьями, хотя бы через посредство относительно независимых сыновей, то Начальная Русь находилась за пределами его власти. Она периодически участвует в династических спорах киевских князей, выступая в качестве третейского судьи и утверждая на столе того или иного претендента. Здесь нашел убежище бежавший от брата князь Владимир, впоследствии с помощью варягов и новгородцев занявший киевский престол. Сюда за поддержкой в борьбе за великое княжение обращается князь Ярослав, который в продолжении своей жизни неоднократно пользуется военной помощью варягов. О независимом и весьма почетном положении Начальной Руси свидетельствует то обстоятельство, что после завоевания Киева Олегом была установлена дань варягам от Новгорода, которая выплачивалась до самой смерти князя Ярослава, т. е. почти два века. Красноречиво характеризует отношение первого поколения руси, завладевшей Киевом, к северной родине предание о погребении на ней Вещего Олега.

Подробнее остановимся на особой близости новгородских словен к варягам, неоднократно подчеркиваемой в ПВЛ. Так, под 862 г. летописец сообщает: «Нов-

городцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне». Это место, одинаково непонятное как с позиций славянской концепции образования Древнерусского государства, так и с норманнской (скандинавской), становится достаточно прозрачным, если за ним видеть языковую близость словен и варягов. Оснований для этого более чем достаточно. Во-первых, выражения «одного рода» и «одного языка» тождественны в русских летописях. Об этом свидетельствует В. В. Колесов в своей книге, посвященной исследованию социальных и этических терминов, встречающихся в письменных источниках Древней Руси¹.

Во-вторых, в новгородской округе существует мощный пласт прибалтийско-финской топонимики, свидетельствующей о неславянском характере населения этого района на ранних этапах его истории. Наиболее известными и характерными примерами служат названия оз. Ильмень и р. Веряжа. Относительно первого имени А. И. Попов писал: «Древнейшая и совершенно неизменная (до XVI в.) форма была вовсе не **Ильмень**, а **Илмерь**; только она повторяется многократно во всех источниках летописного и иного типа»². Совершенно соглашаясь с автором насчет прибалтийско-финского характера первоначального названия озера, укажем лишь на возможность иной интерпретации данного гидронима. А. И. Попов считал, что его окончание **-ерь** соответствует э. *jāgv*, *jēgv*, ф. *jāgvi* «озеро», а Илм- является точной передачей слова, которое в эстонском языке звучит как *ilm* «свет», «мир», «погода», а в финском как *ilma* «воздух», «погода».

Возможно же, что окончанием данного имени является **-мерь**, которое связано с прибалтийско-финским *meri* «море». Грань между морем и крупным озером во все времена была размытой. К тому же известно былинное название озера Ильмень — Словенское море. В Нидерландах в наши дни имена многих озер имеют **-мер** на конце. Начало же нашего гидронима может восходить к п-фин. *yl* «верх», «верхнее». Таким образом, Илмерь означало или верхнее по отношению к р. Волхов озеро, или же южное по отношению к Ладоге. Оба объяснения имеют под собой реальную основу.

---

¹ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 132—134.

² Попов А. И. Указ. соч. С. 46.

Что касается второго названия, то, как пишут в совместной работе В. Я. Конецкий и Е. Н. Носов, р. Веряжа, впадающая в Ильмень, с северо-запада почти на протяжении 30 км течет параллельно берегу озера. У Перыни Веряжа соединялась с истоком Волхова протокой Прость, которая была, несомненно, судоходна. Даже в XVIII—XIX вв. плавание по Ильменю было настолько трудным, что опасности всего лишь десятикилометрового пути от устья Мсты до истока Волхова были причиной строительства двух обводных каналов — Сиверсова и Вишерского. Путь же на Полу или Ловать был связан с еще большим риском. Возможность обойти озеро на этом пути давала Веряжа. От устья ее на Ловать и Полу путь пролегал через залив в западной части Ильменя, куда впадает Шелонь. При господстве в Приильменье западных и северных ветров этот участок озера был спокойнее, чем остальные¹.

Название Веряжа, считает А. П. Попов, «означает просто «Варяжская» и при том в древнейшей форме, указывая на места первоначальных поселений наемных варягов в земле новгородских словен»². Приведенное объяснение, очевидно, не самое удачное, поскольку никаких оснований, помимо самой формы гидронима, под собой не имеет. Привлечение прибалтийско-финских языков дает возможность иначе объяснить название р. Веряжа. Так, в карельском языке формой *veegäzä* оформляется понятие «кривоватый», «обходный». Таким образом, в имени реки нашел отражение факт существования обводного пути вдоль озера Ильмень, которым еще в 1662 г. пользовался австрийский посол Мейерберг³. Второй возможный вариант объяснения названия Веряжи заключается в выделении форманта -жа, который содержится в ряде топонимов Карелии и Ленинградской области (Пряжа, Куйтежа, Нарвожа, Пчевжа, Захожа и др.), тогда основа приобретает форму *veegä* «кривой», «обходный».

Прибалтийско-финские топонимы широко распространены и в Поволховье. Приведем лишь один пример, который тесно связан с тематикой данной работы. Издревле территория г. Ладоги делилась на две половины — северную и южную. Как отмечает Г. С. Лебедев,

¹ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки новгородской округи. Л., 1985. С. 39—41.

² Попов А. И. Указ. соч. С. 48.

³ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 208.

«это членение восходит к значительно более раннему времени: река Ладожка (Елена), по которой проходит граница между двумя частями города, образована слиянием двух текущих друг друг навстречу рек, собственно Ладожки (с севера) и Заклюки (с юга). Первое название от ф. Ala-djogi «Нижняя река», второе — Ула-joki — «Верхняя река» указывают на древнюю основу мифологического противопоставления «Верха» и «Низа» в ладожской топографии». Происхождение имени Ладога от Ala-djogi предполагал и А. И. Попов¹. Однако вряд ли следует подводить под название двух речушек мифологическую основу. Скорее здесь имеет место противопоставление севера и юга, образованных при помощи понятий «низ» и «верх», о возможности чего говорилось выше.

В-третьих, о языковой близости варягов и словен свидетельствует сходство, доходящее до идентичности, личных имен. Так, под 1024 г. ПВЛ сообщает, что Ярослав для войны со своим братом Мстиславом, на стороне которого выступали хазары и касоги, получил помощь от варягов во главе с князем Якуном. Но в ней же под 1140 г. упоминается новгородский посадник под тем же именем². Нет никаких оснований полагать, что посадником новгородцы избрали варяга, тем более, что к этому времени имя варягов исчезло из русских летописей.

Наконец, в-четвертых, широко известен факт нахождения на раскопках в Новгороде огромного количества берестяных грамот. Однако менее известным является то обстоятельство, что значительная их часть написана, как полагают, на карельском языке. Мы считаем, что известное всем явление билингвизма не является прерогативой нашего времени, и, очевидно, имело место в прошлом, а поэтому «карельские грамоты» рассматриваем как проявление его на территории Приильменя, где в течение значительного времени сосуществовали «новый» государственный славянский язык и «старый» народный прибалтийско-финский, близкий известному нам карельскому, что и обусловило его интерпретацию с последним.

Летопись не говорит о том, были ли среди народов северо-восточной части Европы, помимо словен, другие,

¹ Попов А. И. Указ. соч. С. 91.

² Татищев. Т. 2. С. 266.

относящиеся к варяжскому корню, или нет. Можно лишь предполагать, что к нему же относились и близкородственные по языку весь и чудь. Но в ПВЛ определенно говорится: «И от тех варягов прозвалась Русская земля» (862 г.). Чуть ниже, под 882 г., летописец, сообщая о завоевании Олегом Киева, пишет: «И были у него варяги, и славяне (новгородские словене. — В. П.), и прочие, прозавшиеся русью. Под прочими, очевидно, следует понимать упомянутые выше народы, которые «приглашали» на княжение Рюрика с братьями. Под 898 г. говорится: «А славянский народ (имеется в виду поляне, древляне и прочие славянские племена) и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне»¹.

Таким образом, мы видим, как постепенно расширяется содержание названия Русь, которое включает в себя все новые и новые племена или территориальные объединения. Входя в зарождающуюся политическую систему, они принимают и новое название. Но в то же время еще продолжительное время живут и старые их имена, отражающие их местоположение в старых системах. Так, поляне — это жители Поднепровской лесостепи, а древляне — жители лесов. На севере, выступившие согласно ПВЛ в качестве инициаторов «призвания» варягов народы (словене, кривичи и весь), очевидно, также являлись составными частями единой территориальной системы, в силу чего вернее было бы называть их региональными объединениями. Словене в данной системе занимали западный или северо-западный сектор, на что указывает содержащийся в названии корень, связанный с понятиями «белый», «серый», «вода», «запад» и др. Сравните рус. **соловый** — «мутный», «серый», «соловей», «соль». Кривичи занимали южное положение в системе; еще у В. Н. Татищева есть пояснение: криви, т. е. «верховые»², иначе «южные» (ср. рус. грива, в т. ч. в значении «грязь», «возвышенность»). Весь занимала восточное положение. О связи основы, содержащейся в имени этого территориального объединения, с востоком говорилось выше. Отметим еще, что чудь, упомянутая в ПВЛ рядом с вышеназванными народами, могла быть включена в этот список позже, как полагал А. А. Шахматов.

¹ Цит. по: Повести Древней Руси. Л., 1983.

² Татищев. Т. 1. С. 309.

После призвания варягов во главе с Рюриком обширная страна, попавшая под их управление, стала называться Русью, что было естественно и понятно, поскольку по отношению к земле варягов она занимала южное положение. Очевидно, в Приладожье, откуда мы выводим Рюрика, существовала страна с именем «Русь», однако совсем не это обстоятельство было определяющим в наименовании подчинившихся варягам земель, а южное направление варяжской экспансии. Позже, когда Олегом был взят Киев, название «Русь» распространилось и на Среднее Поднепровье. Это тоже было отражением развития Русского государства в южном направлении строго по меридиану. И именно поэтому, «когда новгородский архиепископ направлялся в Киев, о нем говорили: «иде въ Русь»¹.

Иначе обстояло дело с языком: по мере продвижения русской государственности на юг в том же направлении смещался центр общественно-политической и экономической жизни государства, поскольку по количеству населения южные районы и в те времена значительно превосходили северные. По мере того, как Киев становился политическим центром огромной страны, славянский язык со Среднего Поднепровья в качестве языка государственного распространялся на север, где он вначале сосуществовал с прибалтийско-финскими языками, а затем первоначально в городах вытеснил их окончательно. Нет ничего необычного в славянизации русско-варяжской правящей верхушки сначала в Киеве, а затем и других центрах, непосредственно подчиненных ему.

То, что современному русскому языку на севере Восточной Европы предшествовали финские языки, предполагал еще В. Н. Татищев. Однако он считал, что сначала западные славяне, «пришедшие из Вандалии морем на север народами сарматскими (т. е. финскими — В. П.). руссами и другими овладели, сами руссы назвались, которое на их сарматском языке значит чермный, а притом из языка их многое в свой включили. И как колено словенских князей Гостомыслом пресекалось, взяли к себе князя Рюрика от варяг, или финов, немало их языки употребляли, как то в древних наших летописях таких реченей находим, что разуметь не можем. Но блаженная Ольга, бывшая от рода князей славянских, прияв вла-

---

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 175.

дение, паки славянский язык нечто возобновила. И хотя уже давно начали речение исправлять и к словенскому приближаться, однако ж доднесь еще многие употребляем»¹.

Таким образом, причину вытеснения финских языков славянским — процесса, начало которого он возводил к середине X в. — Татищев видел в субъективном желании Ольги, что само по себе уже вызывает недоверие. К тому же из ряда русских источников известно, что княгиня Ольга была варяжского корня, что дополняется сведениями немецких источников, говорящих о том, что она была из рода ругов, т. е. русов или варягов, поскольку Ругия или Ругия это один из вариантов названия Руси².

В другом месте В. Н. Татищев пишет: «Что ныне руссы язык словенской употребляют или славяне русскими назвались, оное бесспорно; однако... тогда руссы от славян были разны, ибо руссы были языка сарматского, как он сам (Нестор — В. П.) на многих местах различает»³.

Таким образом, направления развития Русского государства и распространения господствующего в нем языка были диаметрально противоположны: первое шло с севера на юг, а второй, с некоторым запаздыванием, — с юга на север. При этом в формировании государства четко прослеживаются три этапа. Следует отметить, что о трех русских государствах в свое время говорил и А. А. Шахматов. Правда, Начальную Русь (или остров Рус арабских источников) он помещал в районе южнее оз. Ильмень, для чего пришлось существенно расширить содержание арабского термина, означающего «остров», поскольку никакого острова южнее Ильменя и в помине нет. Отсюда, якобы нуждающиеся в зерне русы захватили около 840 г. у хазар Днепр, образовав Древнерусское государство, второе по счету. А затем изгнавшие русов северные племена пригласили перед лицом угрозы русов из Киева варягов, в результате чего третье русское государство после захвата Олегом Киева было создано на юге.

Следы трехэтапного развития Древнерусского государства содержатся в стоящих особняком среди письменных памятников, относящихся к концу прошлого ты-

¹ Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 96.

² Татищев. Т. 1. С. 287.

³ Татищев. Т. 2. С. 213.

сячелетия, сообщениях арабских авторов. Эти источники отличаются удивительной полнотой содержащихся в них сведений, которая, как ни странно, сослужила им плохую службу. Обилие фактов, содержащихся в арабских документах, не уместается в рамки ни одной из существующих в исторической науке концепций образования и развития Древней Руси, а поэтому большинство сведений попросту не принимаются во внимание и слывут фантастическими. Представляется, однако, что арабские письменные источники являются одними из самых достоверных. При правильном пользовании ими можно получить по интересующему нас вопросу огромное количество материала, не встречающегося более нигде.

Так, подтверждением положения о неславянском происхождении руси служит известие, содержащееся в сочинении писателя XI в. Аль-Бекри, еврея Ибрагима, относящееся к середине X в., в котором говорится, «что племена севера завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними»¹. Несомненно, что речь здесь идет о Восточной Европе. Из сообщения следует, во-первых, что кроме руси в завоевании славян принимали участие какие-то другие народы, что подтверждает высказанную нами ранее версию. Эти племена известны из русских летописей. Например, Новгородская первая летопись сообщает: «и седе Игорь, княже, в Кыеве; и беша у него Ваярзи мужи Словене, и оттоле прочие прозвашася Русью». Этот отрывок прямо перекликается с характеристикой дружины Олега из ПВЛ, приведенной несколько выше. Из него видно, что, по крайней мере, еще одно северное племя, а именно словене, участвовало в завоевании Среднего Поднепровья. Таким образом, косвенно подтверждается высказанное выше положение о близком родстве руси и приильменских словен, которые в качестве младших союзников участвовали в военных предприятиях руси в Восточной Европе. Во-вторых, приведенный арабский документ свидетельствует о славянизации русской верхушки, что явилось основой последующей славянизации ряда районов прибалтийско-финского Севера.

Трехэтапность развития Древнерусского государства нашла отражение в арабских сведениях о трех русских

¹ Ключевский. Т. 1. С. 139.

землях, локализация одной из которых, называемой Арсой (Артанией, Артой), является интереснейшей исторической загадкой. Сообщение арабского автора X в. ал-Истахри (930—933 гг.), который переработал труд своего учителя ал-Балхи (920—921 гг.), содержит следующие сведения: «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное из них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их (присоединяться к ним) и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец». Список товаров у других авторов дополняют меха лисицы, мечи, рабы¹.

Почти двадцать лет назад А. П. Новосельцев предложил «отождествлять эти три объединения с русскими княжествами, упомянутыми в «Повести временных лет» (Киев Аскольда и Дира (в 20-х гг. X в.? — В. П.), Новгород и Белоозеро — Ростов)»². Отметим, что термин «синф», который в приведенном отрывке переведен как «племя», А. П. Новосельцевым трактуется как территориальное объединение, что, очевидно, вернее. Однако трактовка Арсы как Ростовской Руси нам кажется сомнительной, хотя бы потому, что Куяба (Киев) названа в источнике ближайшим к Булгару объединением Руси. Ясно, что будь Арсой Ростовская земля, то именно она оказалась бы ближайшей к Булгару. В то же время, если второе предложение приведенного отрывка понимать так: «Другое племя, более удаленное из них (Куябы и Славии)...», то ярче проявляется основной принцип композиционного построения арабского сообщения — рассмотрение территориальных объединений руси от ближнего к дальнему. Видимо, руководствуясь подобными соображениями, ряд авторов помещает Арсу

¹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 206.

² Там же.

в Скандинавии или на севере Восточной Европы, в Биармии¹.

Разумеется, мы за Арсой арабских источников склонны видеть Начальную Русь, локализуемую в Западном Приладожье. В связи с этим отметим, что Страбон еще на заре 1 тыс. н. э. говорил о сарматах-аорсах, владевших «почти что большею частью побережья Каспийского моря, и поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев»². Вслед за В. Н. Татищевым, видя в сарматах предков современных угро-финских народов, мы ставим вопрос: не сюда ли уходят те древние связи руси и хазар, о которых говорится в предыдущей главе?

Многие исследователи справедливо отождествляют загадочную Арсу с не менее таинственным островом Рус, известным также из арабских источников. О нем пишут Ибн-Русте (после 903 г.) и Гардизи (1050—1053 гг., но сведения восходят к анонимному произведению IX в.). Согласно этим источникам, о. Рус окружен озером, лесист и болотист; его размеры составляют три дня пути вдоль и столько же поперек; на нем проживает 100 тыс. человек, которые не пашут землю, а ходят походами на славян, а добытых пленных продают хазарам и булгарам³.

Большинство исследователей признают сведения об острове фантастическими и не принимают во внимание, поскольку не находят реально существующего острова, который бы походил на описанный древними арабскими авторами. Другая часть ученых вырывает из описания часть признаков, тем самым приспособляя сведения для нужд своей концепции, а затем используют в качестве аргумента в ее пользу, помещая остров то в Приильменье (?!), то на Балтике, а то и в устье Дуная.

А между тем, остров со всем комплексом приведенных в источниках свойств все же реально существует, а вернее существовал еще относительно недавно на севере Восточной Европы. Речь идет о территории, которая в настоящее время носит название Карельского перешейка и которая действительно в прошлом представляла собой остров, поскольку система Вуоксы соединялась в районе Выборга с Финским заливом. Здесь

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 200.

² Страбон. География. Л., 1964. С. 480.

³ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 198.

«подходил к морю основной водный торговый путь, пересекавший с востока на запад весь Карельский перешеек и расположенные на нем наиболее населенные и экономически развитые территории. ...Вследствие геологического процесса, происходящего на Карельском перешейке, — векового поднятия суши — западное русло Вуоксы в XVII в. пересохло и о нем напоминает лишь цепь озер, являвшихся в прошлом разливами реки (точнее пролива, протоки. — В. П.)»¹.

Таким образом, Вуокса была одной из протоков, соединяющих Финский залив с Ладогой; другой протокой была Нева, а между ними простирался остров, который и размерами, и ландшафтом, и географическим положением совпадает с островом Рус из арабских источников. Поэтому они служат еще одним основанием для локализации исторического ядра Древнерусского государства на территории нынешнего Карельского перешейка.

---

¹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII — начало XIV вв. Петрозаводск, 1987. С. 25.

РУСЬ И КОРЕЛА

На севере Восточной Европы существует ряд этнических загадок, но наиболее интересны и масштабны, на наш взгляд, две из них: куда делась изначальная русь и откуда взялась корела. Каждый из этих вопросов в отдельности неоднократно поднимался в исторической литературе, однако никто до сих пор не рассматривал их во взаимной связи, хотя основания для этого имеются достаточные.

Что касается первого вопроса, то широко известна более чем двухвековая дискуссия о том, какой же народ скрывается под именами русь и варяги, хотя ряд авторов и не признает тождественности этих названий. Значительно менее известны разногласия по вопросу происхождения корелы, которая с первого упоминания в Новгородской первой летописи под 1143 г. выступает как сформировавшийся этнос с самобытной культурой, свидетельствующей об определенной длительности его развития.

В начале XIX в. получила распространение концепция, иногда встречающаяся и в наши дни, согласно которой карелы обитали первоначально в Биармии, а на стыке прошлого и нынешнего тысячелетий продвинулись с Северной Двины и Белого моря в западном направлении к Онежскому и Ладожскому озерам и Финскому заливу. В начале XX в. под влиянием роста национализма в Финляндии нашли развитие теории западно-финского происхождения корелы, которые, не получив археологического подтверждения, у некоторых авторов трансформировались в концепции смешения восточных и западных элементов при формировании корелы и ее культуры¹.

---

¹ Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 7—9.

В предвоенные и первые послевоенные годы концепцию происхождения и развития корелы в XII—XVII вв. предложил Д. В. Бубрих. По мнению исследователя, до возникновения Древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен, здесь кочевали редкие саамские родо-племенные группы. Но с образованием государства на данной территории начала формироваться корела, находившаяся в тесной связи с Русью. На вопрос, откуда она появилась, автор не смог дать исчерпывающего ответа. По его предположению, часть населения пришла из земель еми, часть — из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду. Допускается участие в сложении корелы древней веси.

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карел рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного, западно-финского и пришедшего из Юго-Восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в оценке доминирования того или иного компонента. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь Западная Финляндия, Готланд и Новгород, другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и Юго-Восточного Приладожья¹.

Нетрудно выделить то общее, что содержится во всех рассмотренных здесь концепциях: вывод об относительно позднем формировании корелы (XI—XII вв.) на основе смешения нескольких этносов. Но, как справедливо отмечает С. И. Кочкуркина, анализ исторических, археологических и лингвистических данных свидетельствует о более раннем образовании корелы². В свете тех же данных представляется, что можно говорить о **значительно** более раннем формировании карельской общины. Это убедительно подтверждается хотя бы тем обстоятельством, что основная часть сюжетов бесспорно карельского эпоса «Калевала» восходит к рубежу бронзового и железного веков, т. е. к середине I тыс. до н. э., а отдельные его сюжеты коренятся в мезолите. К XII в. корела выступает в качестве сложившегося и развитого этнического образования, которое имеет самобытнейшую материальную культуру, мощное воздействие которой ощущается на обширнейших пространствах Северной и Северо-Восточной Европы.

¹ Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 10—11.

² Там же. С. 11—12.

Несостоятельность предложенных концепций проявляется и по другим параметрам. Как правило, они построены на положениях, вызывающих, мягко говоря, недоумение. Почему-то большая часть их исходит из того, что Карельский перешеек в начале нынешнего тысячелетия был заселен слабо, да к тому же лопарями, тогда как сопредельные территории имели избыток населения, причем не кочевого, которое в силу каких-то неясных причин заполняло неизвестно каким образом возникший в центре территориальной системы вакуум. Совершенно непонятна не только та сила, которая стягивала на перешеек разноязычное население из окрестных районов, но абсолютно неясно и то, почему она стала действовать с образованием Древнерусского государства? И вообще, какая связь между формированием Русского государства и возникновением корелы? Разумеется, ответов на эти и другие подобные вопросы на основе рассматриваемых концепций не получить, поскольку в них мы имеем не отображение реальной истории, а лишь очередные попытки сочинения истории региона.

Что же касается руси-варягов, то последние упоминания о ней в ПВЛ относятся к XI в., когда союзником Ярослава в борьбе с братом Мстиславом был варяжский князь Якун с дружиной (1024 г.), а также когда варяги участвовали в походе Ярослава в Киев против печенегов (1036 г.). Косвенным свидетельством существования варягов еще во второй половине XI в. служит сообщение о том, что Олег установил дань варягам от Новгорода «по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава». Таким образом, интервал времени между последним упоминанием о варягах и первым свидетельством о кореле невелик и составляет 90 лет. Если же верить Татищеву, а не доверять этому величайшему знатоку древних письменных источников нет никаких оснований, то этот интервал сокращается до 64 лет. У Татищева находим, что варяги не упоминаются со времени правления второго сына Ярослава Мудрого Святослава (1073—1077 гг.).¹

Следовательно, за это время на Карельском перешейке варягов-русь «сменила» корела. Причем нет никаких оснований полагать, что на русь здесь напал мор или с нею приключилась какая-то другая напасть, так же как

¹ Татищев. Т. 2. С. 210.

не следует думать, что корела пришла откуда-то со стороны на освободившееся место. Самое естественное объяснение заключается в смене этносом своего имени вследствие меняющейся в регионе ситуации. Причем эта смена не должна представляться сиюминутной реакцией на изменившуюся обстановку.

Преемственность между варягами-русью и корелой находит отражение во многих сферах, в частности в политике. Под 1042 г. ПВЛ сообщает, что Владимир Ярославович пошел «на Ямь и победил их». Об участии варягов в данном предприятии не говорится, но поход на емь без них не был бы возможен, во-первых, в плане географии, во-вторых, вспомним, что в этот период варяги принимали участие практически во всех военных походах Ярослава даже на юге Восточной Европы, тем более невероятно, чтобы они отстранились от крупного похода на севере Европы. Летопись просто констатирует факт похода под руководством княжившего в Новгороде сына Ярослава, не раскрывая, какими силами он был совершен. К тому же, очевидно, участие таких естественных и традиционных союзников, какими были для Новгорода и всей Руси варяги, могло не всегда находить свое отражение в документах, как это позже было с корелой.

Интересно, что первое упоминание о кореле связано с емью: «В то же лето ходиша корела на емь и отбежаша 2 лойву быти». Совместные с Новгородом походы корелы на емь известны под 1186 и 1191 гг. В 1187 г. корела совершила известный поход, завершившийся полным разрушением главного города Швеции Сигтуны на оз. Мелар, в котором, как полагают некоторые исследователи, принимали участие и новгородцы, хотя в известии о походе об этом не сообщается. Вместе с тем, в новгородском походе 1198 г. против шведов в г. Або, предполагается, принимала участие корела, «ибо такого рода мероприятия, совершаемые Новгородом, не обходились без нее»¹.

Корела активно участвовала в походах Александра Невского. В Невской битве 1240 г. большую роль играла ижора, считающаяся одной из ветвей корелы. Она принимала участие в изгнании немцев и шведов с Вотской земли и Невы. Известно, что корела и ижора с Александром совершили поход на Копорье².

¹ Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 162.

² Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 81.

Такая согласованность военной деятельности Новгород и корелы на протяжении XI—XIII вв. кроме общности внешнеполитических интересов имела под собой еще и нечто иное. Представляется, что есть основания полагать наличие веками освященной союзнической традиции в отношениях между ними. Такой вывод подтверждается и следующим фактом: в 1269 г. новгородский князь Ярослав Ярославич в силу каких-то причин готовил поход на корелу, который, однако, так и не состоялся, поскольку «умолиша новгородци не ити на корелу». В следующем 1270 г. новгородцы поссорились, как это часто случалось, с князем и изгнали его из города, после чего он попытался вернуться силой, но получил отпор, в котором принимала участие уже корела.

Преимственность корелы от руси определяла ее особые отношения с Новгородом. Как сам Новгород обладал относительной самостоятельностью в составе Русского государства в силу своей роли в историческом развитии его, так и корела была еще более независимой от Новгорода, будучи теснейшим образом связанной с ним в экономическом, политическом и культурном отношениях. Это находит свое подтверждение в ряде фактов. В «Слове о погибели Русской земли», где прославляются красота и могущество добатыевой Руси, говорится: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до корелов, от корелов до Устюга...»¹. В этом документе обозначены границы Руси, но из него ясно, что в первой половине XIII в. корела не включалась в состав русских земель, а следовательно не входила в Новгородскую землю.

В советской исторической науке вопрос о самостоятельности корелы от Новгорода поднимался не раз, в основном это было связано с «критикой буржуазных концепций». В последние годы наиболее подробно останавливался на этом И. П. Шаскольский: «Финляндские буржуазные историки, начиная с основателя финляндской буржуазно-националистической историографии Ирве Коскинена, выдвинули другую теорию, по которой Карелия в XII—XIII вв. не находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики, и карелы в этот период являлись лишь союзниками новгородцев. В пользу своей

---

¹ Кочуркина С. И. Древние карелы. С. 9.

концепции финляндские ученые приводили следующие доводы:

1. В перечне новгородских «волостей», содержащемся в договорах Новгорода с князьями, не упоминается Корела (Карелия).

2. В договоре Новгорода с Ганзой и Готландом 1262—1263 гг. содержится указание, что новгородцы не берут на себя ответственности, если с немецкими купцами что-либо случится на территории Карелии.

Аргументация финляндских историков была подвергнута критике (! — В. П.) советскими учеными С. С. Гадзяцким и автором настоящей работы, а также финскими исследователями Х. Киркиненом и Э. Кууйо.

Несостоятельность первого довода установил С. С. Гадзяцкий, который в своих исследованиях показал, что в перечне новгородских «волостей» (т. е. новгородских владений) не упоминается не только Корела, но и такие **бесспорно** (? — В. П.) подвластные Новгороду племена, как водь и ижора. Изучив все письменные известия о води, ижоре и кореле XI—XIII вв., Гадзяцкий пришел к выводу, что Водская и Ижорская земли и Карелия не были «волостями», а входили в состав собственной территории Новгородского государства.

Необоснованным **оказался** и второй довод финляндских ученых, которые не учли особенности новгородской политики в землях подчиненных племен. Взаимоотношения Новгорода с многочисленными племенами, входившими в состав Новгородского государства, носили особый, специфический характер и принципиально отличались от колониальной политики Швеции, Дании и рыцарских орденов в Прибалтике. Новгородцы на подвластных землях не ломали исконный уклад жизни, не учреждали сразу своей администрации, не строили замков и крепостей, не вводили свои войска и т. д. Для Новгорода было достаточно, чтобы племя признало себя зависимым и согласилось на уплату дани; никаких иных форм подчинения новгородцы не требовали. Племя сохраняло свое родо-племенное правление, которое самостоятельно разрешало все внутриведенные дела»¹.

Если доводы в пользу самостоятельности корелы содержат в себе, на наш взгляд, несомненное рациональное зерно, то о контрдоводах при всем желании этого не скажешь, несмотря на то, что в них дана, казалось бы,

¹ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 11—12.

поистине развернутая картина государственного устройства Новгородской республики и принципы отношений Новгорода с окрестными племенами. В приведенном отрывке есть все, что угодно, вплоть до устремленности древних новгородцев в свое коммунистическое завтра, но нет той малости, которая зовется здравым смыслом, хотя, возможно, автор и не ставил целью достижения в своем труде согласия с ним. По прочтении его так и не становится ясным, являлась ли все же Корела составной частью Новгородской земли или нет. Если да, то почему чуть ниже приведенного отрывка в перечислении «вся волость новгородская» названа и Корела, хотя вспомним, что только что утверждалось обратное. Автор называет Корелу частью собственно новгородской территории и тут же говорит о дани Новгороду, очевидно находя возможным, чтобы Новгородская боярская республика обкладывала данью самое себя. Подобным же образом взаимоисключают друг друга вечевая форма управления в республике с выборными посадниками и родоплеменное правление отдельных ее частей.

Об особых отношениях между новгородцами и корелой, но вовсе не о подчиненности последней, свидетельствуют договорные грамоты Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг., а также с городами Балтийского моря 1269 г.: «Оже кто гостить в Корелу, или немци или гтяне, а что ся учинить, а то Новугороду тяжя не надобе»¹. Отношения эти были бесспорно союзническими, но при этом Новгород, жизненно заинтересованный в европейской торговле, как явствует из приведенного отрывка, не мог регламентировать взаимоотношений корелы со своими торговыми партнерами. При этом следует учитывать то обстоятельство, что корела занимала ключевое положение на торговых путях из Европы в Новгород.

Существуют письменные свидетельства об отнюдь не пассивном участии корелы в военных предприятиях Новгорода. В 1256 г. состоялся поход против еми, возглавляемый Александром Невским. В нем принимали участие суздальские и новгородские полки князя, но основу войска, видимо, составляла корела. Об этом свидетельствует то, что, сообщая о походе в Рим папе, шведы подчеркивали особо активное участие в нем карельских

---

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949. С. 57—59.

военных сил. Шведский король Вальдемар обратился в Рим за помощью. Папа Александр IV направил буллу, где основываясь на сведениях, содержащихся в королевском письме, объявил главными виновниками нападения 1256 г. карел и в ярких красках изобразил совершенные ими жестокости, чтобы доказать населению Швеции, необходимость принятия строгих мер для борьбы против карельских набегов. В булле содержался призыв на крестовый поход против язычников-карел¹.

Сведения такого рода не согласуются с традиционным для нашей истории утверждением о подчиненности корелы Новгороду и свидетельствуют о большей сложности отношений между ними. Очевидно, не будет большой натяжки, если предположить, что сходными были и отношения ижоры и води с Новгородом, поскольку часто в источниках они стоят в одном ряду с корелой. Так, в 1225 г. два немецких феодала из Эстонии обратились к папе с сообщением о желании корелы, ижоры и води креститься по католическому обряду. Из Вотской и Ижорской земель, а также Карелии была создана новая епархия католической церкви. Во главе ее был поставлен гамбургский священник Фридрих Газельдорф, получивший звание «епископа Карельского»². В 1275 г. архиепископу упсальскому и архиепископу линчепинскому была направлена папская булла о запрещении продавать оружие и военные материалы язычникам Карелии, Ингрии, Лаппии и Ватландии³. Если к перечисленным фактам добавить, что многие историки и лингвисты считают ижору ветвью корелы, то приведенное выше предположение приобретает достаточную правдоподобность⁴.

Очень важным, на наш взгляд, доводом в пользу развития корелы из летописной руси служит материальная культура корелы, активно изучаемая в последнее время. Особенно выделяются археологические работы С. И. Кочкуркиной, в которых содержится огромный фактический материал, пока, к сожалению, практически не привлекавшийся авторами работ по этнической истории Восточной Европы.

¹ Брюсов А. Я. Указ. соч. С. 83—84.

² Там же. С. 82—83.

³ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 20.

⁴ См.: Брюсов А. Я. Указ. соч. С. 81.; Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 74.

Обширную и достаточно хорошо изученную группу археологических памятников корелы составляют оружие и военное снаряжение. С. И. Кочкуркина отмечает: «Яркой особенностью обрядности корелы является присутствие того или иного типа оружия: мечей, наконечников копий и стрел, топоров — почти в каждом мужском погребении. Этот факт нельзя расценивать как доказательство существования многочисленной военной знати. Тогда нужно было бы всю мужскую половину корелы возвести в такой высокий ранг»¹.

Однако, не расценивая всю корелу в качестве военной знати, невозможно тем не менее отрицать, что оружие в погребении указывает на факт принадлежности его хозяина к военной касте. И только воздействием сложившихся в нашей истории стереотипов в вопросах происхождения и развития как Русского государства, так и Карелии можно объяснить то отрицание очевидного, с которым мы сталкиваемся в данном случае. Однако, если отвлечься от господствующих в течение длительного времени концепций исторического развития Восточной Европы, которые оказывают поистине гипнотическое воздействие на поколения и поколения исследователей, и приложить к нашему факту сообщения арабов об острове Рус, то проявится достаточно стройная, хотя и очень непривычная система. Уже приводимые арабские источники говорят об острове, на котором проживает 100 тыс. человек, которые не пашут, а живут военными походами. По времени эти известия относятся к X—XI вв., т. е. к тому времени, которым датируется подавляющая часть находок мечей на Карельском перешейке².

С другой стороны, довольно скудно на археологических памятниках корелы представлен сельскохозяйственный инвентарь. С. И. Кочкуркина отмечает: «На социально-экономическое развитие Северо-Западного Приладожья значительное влияние оказал географический фактор — море, Нева, Ладожское озеро, водная система р. Вуоксы как важные торговые артерии давали неоспоримые преимущества, выделявшие древнекарельскую территорию среди других подвластных Новгороду земель»³. Далее автор отмечает, что с возникновением феодальных отношений природные (имеются в виду сель-

---

¹ Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 136.

² Там же.

³ Там же. С. 147.

скохозяйственные) условия реализуются гораздо полнее. По времени это относится к XII—XV вв., когда «по сравнению с предыдущим периодом произошли значительные изменения в экономике общества и производственных отношениях населения». Само собой разумеется, что и «феодалные отношения», и сельскохозяйственные орудия труда «пришли» на Карельский перешеек с юга, а именно из Новгорода, что и определило сходство их в названных районах.

Прекрасно осознавая, что в процитированном издании вопрос о «феодалных отношениях» на Карельском перешейке не ставился автором в качестве предмета исследования, а сами эти отношения взяты в готовых формах из научной традиции, выработанной трудами предшественников, мы, тем не менее, воспользовавшись случаем, остановимся подробнее на нем. Первое, что следует отметить, это то, что нет никаких оснований утверждать, что в начале II тыс. н. э. на Карельском перешейке отсутствовали феодалные отношения. Это стало дурной традицией в исторической науке «лишать» рассматриваемый регион то населения (за исключением разрозненных лопарских групп), то теперь феодалных отношений, в условиях, когда сопредельные территории обладают и тем и другим в избытке. А ведь, еще раз отметим, район этот в силу уникальности своего географического положения во все времена просто не мог быть обойден вниманием людей. К тому же отметим, что вопрос о североевропейском феодализме в силу его специфики до сих пор остается открытым.

Из свойства человеческой природы, которое вытекает из характера природы вообще, люди на всякой конкретной территории обеспечивают свое существование тем промыслом, который в данной местности требует минимума усилий, т. е., говоря иначе, который более эффективен в конкретных условиях. В общем виде условия деятельности людей по поддержанию своей жизни описываются географическим положением территории, на которой они живут. Оно имеет два аспекта: природный, который определяет качество территории с точки зрения возможности ее хозяйственного использования и описывается рядом параметров (климат, водный, почвенный, биологический режимы, минеральные ресурсы и т.д.); социально-экономический, который характеризует место данного региона в территориально-хозяйственной системе того или иного ранга.

Понятно, что помимо пространственных характеристик существуют временные. Причем по шкале времени природные и социальные аспекты географического положения существенно варьируют по своему весу. В приложении к Карельскому перешейку можно нарисовать следующую картину: с формированием и развитием «серебряного моста» между Европой и Азией (VIII—X вв.) социально-экономическая ситуация в регионе определялась выгодами географического положения на водных путях, соединяющих Балтику с Каспием; население живет тем, что обеспечивает функционирование международной торговой системы, основными занятиями являются торговля, перевозки, военное дело и ремесло. Из занятий, связанных с природопользованием, выделялся пушной промысел, дававший один из основных экспортных товаров. Меньшую роль играло горное дело, представленное производством железа и олова. Сельское хозяйство было вспомогательной отраслью, обеспечивавшей в основном местные потребности.

В это время связи региона простирались далеко на восток, юг и запад. Интересы его населения охватывали обширный евроазиатский район. Яркой иллюстрацией их масштабы может послужить одно арабское известие, которое, как правило, не воспринималось до сих пор серьезно. Это сообщение конца IX в. ал-Якуби о походе ар-Рус в Андалузию: «На запад от города, называемого ал-Газира (Альгезирас), (лежит) город, называемый Исбилия (Севилия), (расположенный) на большой реке, которая есть р. Кордовы. В этот город вошли в 229 г. (X—843/44 г.) поганые (ал-Маджус), называемые ар-Рус, (которые) захватили (пленных), грабили, жгли и убивали»¹.

Современные исследователи склонны видеть за именем ар-Рус кого угодно: датчан, норвежцев или шведов, поскольку позже викинги достаточно хорошо освоили Средиземноморье, совершая сюда множество набегов. Но ведь названы здесь именно русы, хорошо известные арабам, а потому нет оснований не доверять тому, что поход в Испанию был организован именно ими.

В XI—XII вв. неуклонно возрастает значение сельского хозяйства, что связано, конечно же, не с «развитием феодальных отношений», поскольку отношения являются результатом производства, а не наоборот, и даже не

¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 219.

с изменением природных характеристик региона в сторону улучшения сельскохозяйственных условий. В связи с находкой серебра в Германии серебряный поток из арабского мира, проходящий через Восточную Европу, постепенно иссякает. Меняются сфера и ареал экономических интересов населения перешейка, уменьшается его влияние в Северной и Восточной Европе. Естественно, при этом изменились и общественные отношения в регионе, но это было лишь следствием изменившихся условий существования людей в нем. Таким образом, подъем сельского хозяйства на Карельском перешейке был результатом ухудшившихся торгово-экономических условий региона и явился своего рода компенсацией за свертывание торговли серебром.

Изменения в условиях торговли, проходящей через Восточную Европу, имели последствия на весь этот обширный регион, в том числе на Карельский перешеек (тогда остров), который в силу своего стратегического положения на торговых путях играл роль одного из главных посредников в международной торговле серебром, мехами и рабами, а потому пострадал особенно сильно. Хотя несомненно, что главным результатом отмирания транзитной торговли арабским серебром было ослабление единства Древнерусского государства. Нарастание сепартизма в стране было реакцией на уменьшение доходов, получаемых за счет посреднической торговли. Если во время расцвета торговли с Востоком купечество было заинтересовано в наличии центральной власти, обеспечивавшей эффективное функционирование обширной транспортной системы в Восточной Европе, а огромные масштабы этой торговли давали возможность обеспечивать великокняжескую власть на громадной территории, которая гарантировала также упорядоченность и даже беспрепятственность торговли за ее пределами, то по мере свертывания транзитной торговли постепенно отпадала необходимость централизованного государства. Закономерным результатом этого явилась феодальная раздробленность Руси.

Очевидно, в обыденном сознании уменьшение поступлений от торговли с Востоком объяснялось политическими причинами. В. О. Ключевский отмечал: «...вес ...серебряной гривны кун, при Ярославе и Мономахе содержащей в себе около полуфунта серебра, с половины XII в. стал быстро падать — знак, что начали засоряться каналы, которыми притекали на Русь драгоцен-

ные металлы, т. е. пути внешней торговли, и серебро дорожало. Во второй половине XII в. вес гривны кун упал уже до 24 золотников, а в XIII в. он падает еще ниже, так, в Новгороде ок. 1230 г. ходили гривны кун весом в 12—13 золотников». Вывод о засорении торговых путей автор делает на основании свидетельств современников о стеснении торжествовавшими кочевниками, которые «пути отнимут»¹.

Большой интерес представляет то обстоятельство, что XII в. был рубежным в отношении техники и технологии кузнечного производства как на Руси, так и в Кореле. С этого времени приемы обработки металлов имеют тенденцию развития в сторону упрощения.

По материалам раскопок С. И. Кочуркиной в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР был проведен анализ кузнечных изделий памятников корелы из Тиверска и Паасо. Отметив идентичность по виду и размерам ножей, кресал и других изделий из корельских городищ с древнерусскими изделиями (что свидетельствует еще раз о генетическом единстве корелы и руси), Л. С. Хомутова свидетельствует: «Сравнение достижений кузнецов Корельской земли в железообрабатывающем ремесле с опубликованными данными о производстве в других древнерусских поселениях обнаруживает высокий уровень технических знаний местных ремесленников. В своей практике они применяли следующие технологические приемы: горячую ковку, кузнечную сварку, термическую обработку, горновую пайку, обмеднение, художественную кузнечную ковку, инкрустацию. Наибольшее распространение получили технологические схемы, датируемые, по новгородской хронологии, X—XII вв. Именно в этот период изделия характеризуются высоким мастерством исполнения кузнечных работ. По опыту и мастерству, объему технических знаний, набору технологических приемов и операций древнекарельских кузнецов в этот период можно поставить лишь в один ряд с ремесленниками крупнейших древнерусских центров — Старой Ладogi, Новгорода, Гнездова. Это дает нам право говорить о тесных контактах корелы с Северо-Западной Русью»².

¹ Ключевский, Т. 1. С. 276—277.

² Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа. — В кн.: Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 208.

На наш взгляд, все приведенные выше сведения с достаточной определенностью свидетельствуют, во-первых, о большом сходстве, порою доходящем до идентичности, Корелы и Северо-Западной Руси в отношении направленной проводимой ими внешней политики и материальной культуры; во-вторых, об очень высоком уровне корелы в начале II тыс. н. э. как в экономическом, так и в политическом планах, в чем можно усматривать подтверждение продолжительного исторического развития этноса до XII в. В сочетании с явным антропологическим сходством населения названных регионов, а также с отчетливыми следами языкового и культурного единства его в прошлом, все это позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что именно летописная русь «из-за моря», т. е. с территории Западного Приладожья, распространив свою политическую систему в районы, заселенные родственными народами северо-восточной части Европы, заложила основу отмечаемого на Северо-Западе определенного культурно-исторического единства.

Именно генетическими корнями объясняются многие, на первый взгляд, непонятные вещи. Еще Х. Киркинен в ходе дискуссии о происхождении корелы отмечал, что политическая ориентация корелы настолько отлична от ориентации еми, что трудно предполагать их единые корни. В то же время он подчеркивал союзничество с Новгородом, на стороне которого корела неизменно выступала против еми и шведов¹.

Такая ситуация основана на происхождении корелы от «заморской» руси, экономические интересы которой в свое время определили создание Древнерусского государства. Хотя время «замаскировало» бывшее близкое родство жителей Западного Приладожья и Приильменя, изменив язык последних, но внимательный взгляд без труда обнаружит следы его во многих областях жизни.

Наконец, еще одним доказательством происхождения корелы из летописной руси служит этноним *karjala*. Он состоит из корня *karja-* и топонимического форманта *-la*. По внешнему виду корень этнонима напоминает основу скандинавского названия *Gardariki*, которое широко известно и традиционно относится к Руси. Если отбросить вторую часть хоронима — *riki*, которая означает «государство», то остается основа *Garda*, которая также широко употреблялась самостоятельно для обозначения

¹ Кочкуркина С. И. Древняя корела. С. 11.

Руси. Действительно, *garda* и *karja* — это одно и то же, поскольку вторая форма легко выводится из первой через переходную *gardja*, так же как в прибалтийско-финских языках *djarvi* переходит в *jarvi*, обозначая «озеро» в различных диалектах.

Если попытаться отыскать значения выделенного корня *garda-/karja-*, то находим в латыни *Carda* (*Cardea*) [*cardo*] Карда — римская богиня, хранительница домашнего очага (празднества в ее честь происходили 1 июня); *cardo* «главный», «основной» (например, в слове *cardinalis*); *cardo* «сторона света», «демаркационная линия с севера на юг», «время года»; *cardo anni* «летнее солнцестояние». Из приведенного перечня следует, что данный корень в латыни связан с понятиями очага, верха, юга, лета, т. е. с тем же рядом понятий, что и корень *rus*. Он же присутствует в русских словах «гордый», а также в заимствованном «гвардия», которые, очевидно, смыкаются с понятиями «красивый», «красный». Фиксируется он и в угро-финских языках: коми *görd* «красный», удмуртское **горд** «красный», **гордкушман** «свекла».

Таким образом, хоронимы Корела и Русь несут в себе один и тот же смысл. Отсюда можно предполагать, что Корела является более поздним названием Начальной Руси. Причины изменения названия территории, а затем и этноса, расселенного на ней, нами уже раскрывались: Русью стало называться обширное государство Восточной Европы, управляемое варягами, в результате чего исконная Русь, расположенная на острове между Ладогой и Балтикой, стала пользоваться другим названием, несущим в себе тот же смысл. Можно предположить, что оба имени существовали издавна параллельно до XII в., когда одно из них было окончательно вытеснено. В пользу этого свидетельствует знакомство арабов в X в. с именем Арта, которое являлось одним из вариантов названия о. Рус, восходящим, очевидно, к хорониму *Karda* (*Garda*), хотя возможны варианты.

Так, известны два варианта карельской народной загадки об иконе¹. Она не вполне понятна на языке оригинала, и поэтому ее перевод дается приблизительный. Для нас большой интерес представляет первая часть загадки: в одном случае *ruut ruņaarsinat*, в другом — *ruut ruņa-krasnuet*. И там и там для усиления определения, относящегося к рамке иконы, использован прием

¹ Карельские народные загадки. Петрозаводск, 1982. С. 66.

передачи ее цвета посредством двух слов, одинаково обозначающих красный цвет, — аналог русскому «красным-красно». Общим для обоих вариантов является определение рупа «красный», усиленное в первом случае словом *arsinat*, во втором — *krasnuet* (от рус. **красный**).

Нас интересует слово *arsinat* со значением «красный», которое утрачено современным карельским языком, но мы предполагаем, что корнем, содержащимся в нем, образовано одно из названий Западного Приладожья — Арса или Арта, известное из арабских источников. В латыни данная основа представлена в словах *ardeo*, *arsi* «гореть», «пылать», «загораться»; *arduum* [*arduus*] «крутая возвышенность», «высокий»; *ardor* «огонь», «жар», «зной». Ср. с санскр. *arci* «пламя», «луч», *arka* «луч», «солнце»; греч. *archi* «старший», «главный». Сюда же относятся лат. *ōgis* «огонь», *ōgis* «золотой», *origo*, *ortus sum* «вставать», «восходить». В прибалтийско-финских языках данная форма представлена в ф. *ogas*, *ogaat* «всходы», *ogastaa* «всходить/взойти», «идти в рост», *ogava* «белка», кар. *ogavu*, *ogau* «белка», *ogavugriba* «подосиновик» (его во многих местах называют «красноголовик»). Эта же форма представлена в армянском языке **арав** «юг», **арев** «солнце»¹. Очевидно, сюда же примыкают этноним **арабы** и хороним **Аравия**, имя греческого бога войны Ареса или Арея (лат. *Mars*), который ассоциируется с красным цветом.

В русском языке рассматриваемый корень содержится в народных терминах аржа, аржавец «ключ, ручей, болото с ржавой водой». Ср. чеш. диал. *gzavka* «красноватая вода в болоте или водоеме»². Широко представлен он в современных русских фамилиях (Аржанов, Аржанцев), что свидетельствует об относительно недавнем бытовании его в прозвищах людей, по-видимому имеющих рыжий цвет волос. Таким образом данная основа смыкается все с тем же корнем *rus*, образуя в некоторых языках сходный ряд понятий. Следовательно, и третье имя Изначальной Руси — Арса (Арта) — также определяет ее южное положение в некоей территориальной системе. По всей видимости, арабские авторы использовали именно это имя потому, что образующая его основа была им хорошо знакома.

¹ Мурзаев Э. М. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 51.

Фольклор вообще дает много любопытного материала для исследователя. В одном из вариантов карельской руны встречается имя Укко Вироканнаса, называемого иногда также «иноземным карелом»¹. Помимо личного имени, в финском языке слово укко используется для обозначения понятий «бог-громовержец», «старик», в карельском существует его значение «муж», «супруг». В то же время ср. ф. уккопеп «гром» и кар. југу тоже «гром». В образовании того же понятия используется еще один корень, который также участвует в создании ряда личных имен, но бытующих уже на русской почве. Ср. имя Юрий с именем громовержца Георгия, которое имеет летописный вариант Гюрги. Возможно, к этому же ряду восходит и имя Рюрика. Несомненно, та же основа просматривается в русских словах **яр** и **юр**, связанных с понятиями «верх». Ср. бол. диал. йъръ «тепло», «жар», «летняя жара», мак. јага «жара», «зной», с.-хор. јага «большая жара», др.-рус. ярило «солнце». С другой стороны, в современной Юго-Западной Карелии нам известны два населенных пункта, названия которых образованы от личного имени Юрги, которое, видимо, имело здесь широкое хождение.

Возвращаясь к имени из руны, отметим, что один из корней, содержащихся во второй его части,—*viго*—нам известен. Он выполняет здесь роль определения со значением «южный», которое относится к другой части *каппас*, представляющейся нам той основой, на которой образован русский социальный термин **князь**. Титул *каппас* мог возникнуть на прибалтийско-финской почве и тогда он содержит в себе значение «то, что несет на себе нечто», «основа» (ср. рус. определение «надежда и опора»). Однако не исключено, что он пришел на север со Средней и Нижней Волги и образован из встречающегося у волжско-финских, угорских и тюркских народов титула «хан». Вспомним, что верховный правитель норманнов (руси), как и правитель Хазарии, носил титул «хакан».

Такова в общих чертах концепция образования Древнерусского государства, условно названная нами карельской. Условно потому, что русь предшествовала кореле, и, тем не менее, карельской, поскольку именно корелой стала называться русь на следующей фазе своего исторического развития. Предвидя возражения оппонентов,

¹ Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 51.

особенно сторонников славянской теории, предлагаю им задуматься об относительности этнонима, имея перед собой вопрос: почему жители Киева не зовутся ныне ни полянами, ни русью, ни малороссами?

Коль скоро разговор коснулся других существующих в истории концепций зарождения Русского государства, то прежде всего следует отметить явное преобладание тех из них, что построены на неместной, чуждой для Восточной Европы природе руси и Рюрика. В свое время Х. Ловмяньский справедливо отмечал: «Сведение процессов возникновения Русского государства к интервенции норманнов означало бы замену научных исторических исследований анекдотическими рассказами. Другое дело, если бы было установлено, что норманны не были чуждой силой, а являлись бы одной из местных этнических групп...»¹. Но если анекдотична норманнская интервенция, то не менее наивно и трогательное приглашение «родственников» из Западной Европы.

К слову сказать, господствующая в современной советской истории версия о западнославянском происхождении Рюрика далеко не нова. Она уходит своими корнями в XVI—XVII вв. У В. Н. Татищева находим: «...Дюрет в гистории о языке обсчем, стр. 846, сказал, что Рюрик из Вандалии, чемы, мню, и польские последовали, яко Стрыковский, стр. 116, говорит: «Понеже руские море, обливающее Прусы, Швецию, Данию, Ливонию, и Лифландию, Варяжским имяновали, убо князи оные из Швеции, Дании или соседства ради обсчих границ из Прусов над Русью владели. Есть же город Вагрия, издревле славный, в Вандалии близ Любека, от которого море Варяжское имяновано, а понеже вандалы славяне, и потому руские едиnorodных себя князей вагров, или варягов, избрали». Сам Татищев комментирует это предположение так: «Сие видится неколико вероятно, но внятно разсмотря, обличается, что никоего основания не имеет»².

В своем «Лексиконе Росийском» о данном предмете В. Н. Татищев говорит более пространно и категорично: «Варяги, народ или государство, в русской древности часто упоминаем, откуда великий князь Рюрик в Россию на престол взят, но многие не зная, где оная страна, разные неприличные места полагали, яко одни из Вагрии, земли Вандальской, другие Варагию в Италии Ге-

¹ Ловмяньский Х. Указ. соч. С. 83.

² Татищев. Т. 1. С. 289.

нуескую область, иные Боруссию или Прусов за то без всякого доказательства почитали. Но по ясному тех древних гисторий показанию Варяги Швеция, Норвегия и Финляндия имянованы, яко Нестор, первый русский писатель, ясно показывает тако: варяги суть свие, урмане, ингляне и гуты. Из сего ясно видеть можно, где свие и гуты, а урмане разумеет Финляндию и Лапландию. По гистории же финской, что первее финские короли Русь разоряли и дань брали, а потом во время Рюриково, сказуют, финлянские и бярмские, реже Русь разумеет, короли так в согласии пришли, что нельзя сказать кто был большой. А сие для того, что Рюрик в Финляндии государь был по наследству, а в Руси по избранию. Историк же той, закрывая наследственную власть Рюрикову, тако темно написал. Но по нашим древним довольно ясно, что доколе единовластие в России было, даже до разделения детей Ерославлих, Финляндия к России принадлежала и Ярослав войска оттуда в помощь брал»¹.

Возвращаясь к версии западнославянского происхождения Рюрика, можно добавить, что при своем рождении она имела политическую подоплеку (впрочем, как и норманская), т. е. являлась социальным заказом суть которого сводилась к приданию законности все более усиливавшемуся вмешательству Польши в русские дела посредством выдуманных династических связей между двумя странами. Хотя, следует отметить, что ряд фамилий польской шляхты вел свое начало от Рюрика, т. е. определенные династические связи были, но имели противоположное направление. Реанимирование же этой старой басни, которое имеет место в наши дни, но почему-то без ссылок на старых авторов, представляется совершенно бессмысленным и отражает собой лишь попытку приверженцев славянофильства привести в соответствие со здравым смыслом славянскую концепцию генезиса Русского государства.

Что же касается первой, весьма осторожной, из приведенных здесь оценок Татищева по рассмотренному выше вопросу, то следует пояснить, что ее форма определяется тем, что автор признавал наличие близкой связи между Вандалией и Русью, но эта связь уходила в го-

---

¹ Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. — В кн.: Избранные произведения. Л., 1979. С. 204.

раздо более раннее, нежели Рюриково время. Не найдя объяснения факту появления на севере Восточной Европы среди финноязычных (по Татищеву сарматских) народов славян, за которых он принимал новгородских словен, а также безусловно доверяя Иоакимовой летописи, В. Н. Татищев считал приход венетов в данный район совершенно бесспорным. Иоакимова летопись, отражающая историю Русского Севера, сообщает, что князь Словен, придя на север, основал здесь город великий, который «во свое имя Славенск нарече». После его смерти городом и краем «владаху сынове его и внуки много сот лет». «И бе князь Вандал, владея славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий.

По сем Вандал послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигарда с великими войсками славян, руси и чуди. И сии шедше, многи земли повоевав, не возвратимася. А Вандал разгневався на ня, вся земли от моря до море себе покори и сыновом своим вдаде. Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построил по единому граду, и в их имена нарече, всю землю им разделя, сам пребывал во Велице граде лета многа и в старости глубоце умре, а по себе Избору град Великий и братию его во власть предаст»¹.

Отличаясь критичностью мысли, В. Н. Татищев прекрасно понимал вымышленную природу упоминаемых здесь имен, в своих работах он неоднократно подчеркивал, что их измышляют по незнанию истинных исторических фактов, но в то же время предполагал, что они образованы «от имен пределов», т. е. в мифотворчестве он ясно видел реальную основу. Действительно, кроме Вандала все приведенные в отрывке имена достаточно хорошо укладываются на карту Северной Европы. Князь Словен и ильменские словене, князь Гардорик и Гардарики, князь Гунигард и Хунигард или Гунигард и т. д. Другое дело, что не всегда однозначно понимается содержание этих географических имен.

Более того, знакомство со старыми авторами обнаруживает, что ряд важных в истории Руси названий понимался совершенно не так, как их интерпретируют современные исследователи. В новейшем историко-геогра-

¹ Татищев. Т. I. С. 108.

фическом издании находим: «Гардарики, Древняя Русь. Помещается в Восточной Европе севернее или северо-западнее Скифии». «Holmgardr — Новгород (от holmr — «остров» и gardr — «хутор», «усадебка»)»¹. Но в XVI в. Петр Дикман, основываясь на «повестях готических» писал: «Голмогардиа и Гордорики область, лежащая между Ладожского и Пейпуса (Чуцкаго) озер, в которой главный град Олденгобург»². Несколько ранее Страленберг утверждал: «Колмо и Холмогард один град и есть столица Корелии...»³.

Наконец, приведем еще один пространный и очень содержательный отрывок из Ф. С. Беера (Байера), который, по мнению Татищева, «в древностях иностранных весьма был сведом»: «Но во всей северной истории нет ничего частнее и славнее, как Холмогард и Гардарика. Торфей, т. I, стр. 165, царского престола столица Холмогард собранием приезжих многолюден есть и великий предел может быть, как он говорит, недалеко от города Холмогарда. Олай Велерий пишет в примечаниях к саге Готрика и Рольфа, стр. 97, гардер — то, что город, замок. ...оное после исправил: гард в старину, крепость или область значило, ибо и Острогард не восточный град, но область есть Австурланд, как объявляет Сноррон (Снорри Стурлусон — В. П.). ...Собственное знаменование в слове было от границ, которыми место великое или малое определено было. От сего гардур в гробовых камнях Олая Вормия и поле значит и баталию. Сего ради Гардарикия есть как бы царство, область, и без придатка сего рик находится, как Одд монах в житие Олая Тригвонида сказал, стр. 15: «В наступающей весне в Гарду восточную пошедши, в Алдейгиубурге один год был». Галфрад Вандрада у Сноррона, титул 1, стр. 218, пишет: восток и Гардиа. От сих речей и от иных многих явствует, что все царство Русское от границ шведских к самому югу и востоку названо Гардарикиею. И тем же образом многие места находятся, на которых Холмогард теми ж областей именами прозван был... Есть же довольно известно, что голм называется остров и Холмогард есть область острова. Область узкими границами, как бы морем, определена, в которой бойцы жили, презрительно островом прозвана...

---

¹ Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 105—106.

² Татищев. Т. I. С. 284.

³ Там же. С. 285.

Алай Верелий в примечании на сагу Готика, стр. 96, пишет: «В Олафс саге называется самая столица Голмгард и оной подданная область Гард».

Содержание слова Голмгард зделамо, что из шведов некоторые думали, что наипаче так она область названа, которая от Корелии и Финляндии восточной заключается, в котором мнении много правды содержится... Однако я верю, что и Эйтландия считана между оною Холмогардиею собственною отчасти для того, что и оную древние островом называли¹, отчасти же, что тот же народ оною владел, который в Корелии и в Финляндии. Протчее ж что ни было, то Гардорикию прозвано. Но я вижу, что оныя имена многократно между собою мешаются и сообсчаются»².

Сам Татищев по поводу данных имен отмечает: «Я не спорю, что Кексгольм или Корелию от града Голмогардиа имяновали, ибо имя Кексгольм финского языка, два острова значит, как и подлинно на двух островах»³. Таким образом, если из отрывка Байера можно предполагать, что автор знал о том, что Корелия являлась поистине островом, то Татищеву это уже было неизвестно. Но главное — это то, что невозможно не обратить внимание на следующее обстоятельство: средневековым авторам были прекрасно известны те факты, которые сегодня приходится буквально открывать заново. Именно такую ситуацию мы имеем в истолковании содержания имен Гарда и Холмгард, а также в определении соотношения между Русью, Холмгардией, Гардарикой и Корелой.

Возвращаясь к разговору об именах Иоакимовой летописи, отметим, что В. Н. Татищеву хорошо было известно, что за область скрывалась под именем Гунигард. Говоря в «Лексиконе» об Изборске, он сообщает: «...от северных писателей разное имянован... Хунигард, Шуя и Хуа, иные, видится, его Старый град и Ольденбург... называли, ...однако ж все Хунигардов кладут около Пейпуса, или Чуцкаго озера и в нем был престол

¹ Эстландию могли назвать островом хотя бы потому, что еще сравнительно недавно бытовало представление, — в частности, об этом в «Лексиконе» говорит В. Н. Татищев, — что Чудское озеро через Эмайыги, Вуртсъярв (Верча) и Пярну сообщается с Рижским заливом.

² Татищев. Т. 1. С. 220—221.

³ Там же. С. 285.

брата Рюрика Трувара»¹. Татищев полагал, что у этой области было славное прошлое, на что указывает имя Шуя, означающее «столица». Здесь же отметим еще один момент, имеющий отношение к данному городу и пределу. У неизвестного западнославянского летописца сказано: «Руциа (Руссия) от датчан Острогардом, то есть на востоке положенною, изобилующею всякими благами областью называется. Имянуется ж и Хунигардом, для того, что там первое поселение гуннов было. Оныя области столичный град Chue (Шуе) от Coге неведомо от каких учителей переведено»².

Очевидно, основой для такой легенды послужило смутное воспоминание о былом могуществе предела Хунигард, которое наложилось на форму его имени, корень которого, по-видимому, в обширном регионе обозначал восток. Сравните с наименованием венграм, чья страна сама называлась Хунгар, своих восточных соседей печенегов хунери³. Возможно Хунигард входил как восточный компонент в территориальную систему финских народов в Прибалтике, в которой западным была Ливония, заселенная ливами (др.-рус. либь), а южным — Курония, население которой называлось куршами (корсь).

Таким образом, в ряду имен из Иоакимовой летописи лишь имя Вандала, причем самое громкое, для В. Н. Татищева было неместным. В этих условиях, встреченное у северных писателей сообщение о том, что в V в. вандалы во главе с князем Викулем «Гордорики и прочие грады обладав», было принято им безусловно, причем даже без обычных оговорок о вымышленных именах. При этом вандалы, которые «где ныне часть Голстинии и Галсация, якоже Мекленбурия, Померания, Бранденбурия, кратко сказать едва не вся Нижняя Саксония, обладав, населились и были весьма в Европе славны» объявлялись славянами, что автоматически объясняло проникновение славянского языка в финскую среду. «Оные же вандалы сами всегда венеди имяновались, и как оттуда часть в Русь (т. е. Гордорики, Хунигард, иногда Русью также и Бярмия или Корела именовалась — В. П.) перешед, руссов сарматов (т. е. финнов — В. П.) овладели, то доднесь сарматы, а более финны нас венеди или венелайнен, имянуют»⁴.

¹ Татищев В. Н. Лексикон... С. 295.

² Татищев. Т. 1. С. 218.

³ Там же. С. 272.

⁴ Там же. С. 208.

Вообще говоря, взгляд Татищева на русскую историю отличается удивительной ясностью и естественностью (особенно на фоне современных научных построений) именно благодаря тому обстоятельству, что она выступает результатом многовекового взаимодействия местных народов. Но стоило лишь для объяснения некоторых моментов привлечь постороннюю силу, в данном случае венедов из Гольштинии, как появилась определенная натянутость. С другой стороны, как и в случае с варягами, приведенном из Татищева выше, приход венедов не более, чем предположение, к тому же мест, откуда можно их вывести, множество. Например, известны венеты в Бретани (Вандея); венеты, жившие на побережье Адриатики, дали название Венеции и т. д. Неужели всерьез можно воспринимать мнение, что вандалы в Северной Африке, Испании, Франции, на Дунае, на севере Восточной Европы — это «брызги» единого народа? Конечно, тот же Л. Н. Гумилев посредством «пассионарного взрыва» вполне мог бы обосновать появление «осколков» данного народа и на Дальнем Востоке, и даже за океаном, но не слишком ли односторонен такой подход?

В свое время бегство 200 тыс. готов за Дунай, в сопредельную Византию, произвело на современников столь сильное впечатление, что получило название Великого переселения народов. Образ этот оказался столь ярким, что прочно засел в сознании всех последующих поколений историков. С тех пор практически ни один из них не обходится без манипуляции в пространстве часто громадными массами людей. Причем упоминание в китайских источниках этнонима, похожего на центрально-европейский, служит поводом для немедленной переброски сотен тысяч людей из центра Азии в центр Европы. Вместе со всем скарбом люди эти тащат с собой и этноним, только так и не иначе. А между тем именно в наше время происходят самые значительные в истории перемещения людских масс. Чего стоят бегство миллионов русских после 1917 года, обмен 18 млн мусульман и индусов между Индией и Пакистаном, десятки миллионов эмигрирующих в Америку и Австралию. И едва ли не самой ненужной вещью во время этих перемещений оказывается этноним. Автора давно занимает вопрос: каким образом гунны за весьма ограниченное время прокатились с центра Азии в Паннонию и при этом в пути напрочь порастеряли свое азиатское естество, но тем не менее сохранили имя? Возможно, именно

это и навело на мысль, что не сообщества людей дают имя территории, на которой они обитают, а наоборот.

И коль скоро человек склонен упорядочивать свою жизнь, в том числе и в пространственном аспекте, что проявляется в формировании, выражаясь современным научным языком, территориальных систем расселения, то в обширных регионах с господством даже не очень близкородственных языков, компоненты двух, трех, четырех и более систем, занимающие одинаковое положение в данных системах (например, к востоку от центра), могут именоваться одинаково. А поскольку системы расселения могут быть различных таксонометрических уровней, то количество тех же Вандалиц, Вандалов и Вандалят может быть теоретически бесконечным.

Достаточно заглянуть в латинский словарь (никто не будет отрицать тесной связи латыни с европейскими языками), чтобы найти лингвистическую основу этнонимов «венеты», «венеды», «вандалы»: *veneti* «партия «голубых» (в цирковых играх), *venetum* «синева», «лазурь», *venetus* «цвет морской волны, голубой, лазоревый», *venio, veni, ventum* «всходить, подниматься, расти, появляться». Таким образом, нет никаких сомнений, что имя венеды относилось к восточным компонентам ряда территориальных систем в Европе. Существовала такая и в Приладожье. Старое финское название Ладожского озера *Венеем мери*¹, что отражало его пространственное положение на востоке длинного залива, за островом, ныне Карельским перешейком. Во времена Татищева неизвестна была «Калевала», а то внимание ученого несомненно бы привлекло название эпической страны Вяйнелы, давшей имя главному герою эпоса Вяйнемейнену. Не суть важно, в какой части Приладожья она размещалась, возможно, за этим именем скрывалось все Приладожье.

Если уж разговор зашел о совпадении имен пределов различных территориальных систем расселения, то невозможно не остановиться на том факте, что согласно той же Иоакимовой летописи, на севере Европы существовало по крайней мере две Руси. Летопись сообщает: «Буривой (отец Гостомысла. — В. П.), имел тяжку войну с варязи, множицею побеждаше их и овлада всю Бярмию (Карельский перешеек) до Кумени (р. Кюми в финляндской Южной Карелии). Последи при оной реце по-

---

¹ Татищев В. Н. Лексикон... С. 208.

бежден бысть; вся свои вои погуби, едва сам спасесея, иде во град Бярмы, же на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластнии пребываху, и тамио, пребывая, умре. Варязи же, абие пришедше град Великий и протчии обладаша и дань тяжку возложиша на словены, русь и чудь»¹. Из приведенного отрывка понятно, что варяги — это жители заморья, причем, возможно, не всего обширного острова Скандзы, как это часто понимают, а лишь восточной его части, заключенной между Ботнией и Белым морем, так, представляется, понимал это В. Н. Татищев.

Пользуясь случаем, выскажем предположение относительно имени Варяги или Варязи, которое не противоречит приведенному выше, а является его развернутым вариантом. К северо-западу от Ладоги протянулся обширнейший озерно-лесной район, в Финляндии эта физико-географическая область носит название Озерного края. Практически вся эта область изначально входила в состав Корелы, поэтому в настоящее время на его территории расположены исторические области Саво-Карьяла (Зап. Карелия), Похьейс-Карьяла (Сев. Карелия) и часть Этеля-Карьяла (Юж. Карелия). Исключение составляли лишь юго-западные районы края, где располагалась область Хяме, ареал обитания западно-финского племени хяме, в русских летописях именуемого емь. Сравнительно рано оно попало под власть шведов, хотя еще в XIII в. русские князья, в частности Александр Невский, боролись за установление своего влияния над ними.

Озерный край — это край не только озер, но и вар. Финское *ваага* (диалектные *вара* и *варака*) переводится как гора. Но это не просто гора, поскольку существует параллельно со словом *täki* «гора», причем, употребляются они рядом, что свидетельствует о том, что они определяли когда-то различные предметы, т. е. *täki* и *ваага* различались друг от друга. Об этом же свидетельствует и соседство топонимов Линнамяки и Линनावуори или Линнавара, в великом множестве представленных в Приладожье и Озерном крае².

В настоящее время, по свидетельству финских специалистов, расселение типа *вара* является преобладающим в Восточной Финляндии. Оттуда оно распростра-

¹ Татищев. Т. 1. С. 108.

² Кочкуркина С. И. Археологические памятники Корелы. Л., 1981. С. 14.

няется до водораздельной гряды Суоменселькя и южнее, вдоль гряд Салпауселькя по холмам вплоть до высот Таммела. Размещение и группировка хуторов в расселении типа вара отражает характер рельефа. От размеров холмов-вар зависит количество размещенных там построек, а их формы определяют кучевое или рядовое размещение усадеб. В зависимости от характера почв поселение может располагаться на вершине или склоне вары. Так, лишь на немногих крупных варах существовали возможности для компактных форм расселения, гораздо чаще встречаются дисперсные формы расселения. Лишь в нынешнем столетии поселения все же начали распространяться от вар вниз по долинам. Ранее господствовало мнение, что поселения типа вара располагались только в местностях, поднятых над древними береговыми линиями Балтийского моря¹.

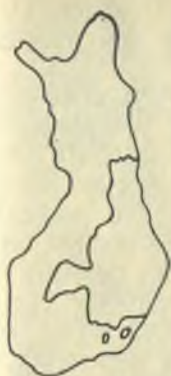
Известно, что этот район испытывает достаточно интенсивное поднятие. И если сейчас этот край представляет собой скопление тысяч озер, соединенных многочисленными протоками, между которыми возвышаются вары, то тысячу — полторы тысячи лет назад с тем более полным основанием мог он именоваться страной вар — Вармией, по аналогии с vuogimaа «горная страна» — Варама или Варма. Возможно, именно оно присутствует в скандинавском и русском названии Корелы или ее части Бярма или Барма (Бармия), поскольку в финском языке нет буквы В (рус. Б), только в заимствованных словах. Отметим еще, что вара, если не является островом, то сродни ему. Не исключено, что в далеком прошлом долины, разделяющие вары, являлись протоками. Поэтому Варма, возможно, обозначало «страна островов» или «островная область».

Южная ее часть, расположенная на крупном острове посреди залива, в одном из вариантов называлась Русью в силу своего положения. Можно предполагать, что северная часть Вармии называлась Урман, поскольку из летописи известно, что шурин Рюрика Вещий Олег был варягом по рождению, князем урманским². В Руси находился престол князей, властвовавших над варягами. Об этой Руси свидетельствует автор ПВЛ, утверждающий, что Рюрик был из варягов, звавшихся русью. Таким образом, варяжская русь — это совсем не та упо-

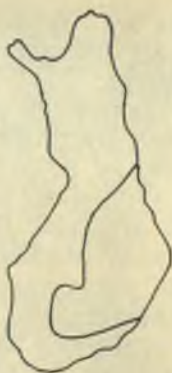
¹ География Финляндии. М., 1982. С. 154.

² Татищев. Т. 1. С. 110.

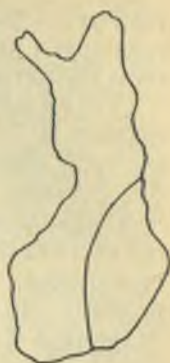

Расселение типа
Вара

Озерный край

Карельские районы
Финляндии
(Kainuu, Pohjois-Karjala,
Pohjois-Savo, Etelä-
Savo, Etelä-Karjala)

минавшаяся выше русь, которую в числе прочих народов обложили данью варяги после поражения Буриvoja.

Уже в перечне народов Иафетова (Афетова) колена, которым открывається ПВЛ, упоминаются две руси: одна в списке восточно-финских народов рядом с чудь, пермью и печерой, другая среди варягов. Не варяжская русь упоминается и в ПВЛ: «...собравшись от словен, руси, чуди, кривичь и протчих предел, разсуждали, что земля Руская, хотя велика и обильна, но бес князя распорядка и справедливости нет, сего ради нужно избрать князя, который бы всеми владел и управлял. И согласяся, позавещанию Гостомыслову, избрали князя от варяг, называемых руссов. Варяги бо суть званий яко свиа, урмани, ингляне и гуты. А сии особно варяги руссы зовутся». «И от тех варяг, — продолжает летописец, — прозвася страна сия Русь, еже потом Новгородская страна именовалась»¹.

Не соглашаясь с последним утверждением, В. Н. Татищев отмечает: «Еже бы сия страна от князей Русь именовалась, оное погрешено, ибо Иоаким и Нестор прежде Рюрика народ Русь именуют, ...и Нестор при Ольге руссов от варяг и словен различал, ... следственно, особый народ»². Мы же уже отмечали, что выбор име-

¹ Татищев. Т. 2. С. 32—33.

² Там же. С. 204.

ни Русь и расширение его содержания до Среднего Поднепровья определялось южным направлением поэтапного развития государства.

Таким образом, в заключение отметим, что даже концепция В. Н. Татищева, построенная на утверждении местной природы руси, не до конца последовательна; она оставляет место, пусть даже в отдаленном прошлом, для «бродяжничества этносов». В этом плане «карельская» концепция, по ряду положений перекликающаяся со взглядом Татищева, ушла дальше. И уже поэтому ее позиции сильнее. Действительно, утвердившийся среди историков взгляд на этнос как на цыганский табор, который зачастую в процессе существования перемещается в пространстве, зародившись в одном месте, переживает расцвет в другом, чтобы затем умереть в третьем, не выдерживает критики, хотя бы потому, что на земле уже в течение многих десятков тысячелетий, во всяком случае, свободных мест, благоприятных для проживания, просто нет. Уже одно это предполагает необходимость наличия значительной военной мощи для занятия новых территорий, которая основывается на прочной экономике. Говоря о связи двух указанных категорий, Л. Н. Гумилев отмечает: «Что касается нового времени, то это ни у кого не вызывает сомнений, однако уже две тысячи лет дело обстояло точно так же, и не только у оседлых народов, но и у кочевников... Короче говоря, война и тогда стоила денег, к тому же больших. Вести войну за счет врага можно только после первой, и немалой победы, а для того, чтобы ее одержать, требуется крепкий тыл, цветущее хозяйство, а соответственно, оптимальные природные условия»¹.

Следовательно, получается, что для ведения победоносных войн, имеющих целью завоевание новых стран, без чего перемещения этноса в пространстве просто невозможны, необходимо иметь ухоженную в хозяйственном отношении территорию, покидать которую было бы большой нелепостью, даже в ожидании блестящих перспектив. Таким образом, круг замыкается: от добра добра не ищут, а следовательно миграции этносов — это нонсенс. Этнос может расширяться и сужаться в пространстве, меняя свои границы. В процессе этого возможно зафиксировать даже некоторое смещение отдельных этносов, но в каком-то определенном и ограниченном ре-

---

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 36.

гионе, и совершенно невозможным представляется перемещение его с одного конца света в другой.

Во все времена существуют миграции отдельных людей. При этом этносы, необязательно даже соседние, могут обмениваться подвижными своими элементами. Движение их может быть при этом односторонним, когда один этнос теряет своих членов, другой же, напротив, растет. Сформировавшись, этнос может быть рассеян по свету, примерами чему служит судьба отдельных народов, но не более того.

Так отчего же вся современная история строится на миграциях этнических монолитов? Еще раз отметим, что основной предпосылкой для этого является незнание природы этнонима, которое приводит к тому, что этнонимы-тезки понимаются историками как единое имя. В результате совпадения имен двух или более этносов (даже в различных частях света) дает основание для предположения о смене этносом локализации — мысли абсурдной по своей природе. В этих условиях, как отмечает Л. Н. Гумилев, «...есть соблазн считать миграциями грандиозные исторические события, например походы монголов XIII в. Ему поддались видные ученые Э. Хантингтон и Э. Брукс, но монгольские походы не были связаны с миграциями. Победы одерживали не скопища кочевников, а небольшие, прекрасно организованные мобильные отряды, после кампаний возвращавшиеся в родные степи. Число выселявшихся было ничтожно, даже для XIII в. Так, ханы ветви Джучидов: Батый, Орда и Шейбан получили по завещанию Чингиса всего 4 тыс. всадников, т. е. около 20 тыс. человек, которые расселились на территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков XVII в. осталась незамеченной большинством историков вследствие того, что она не получила большого резонанса в трудах по Всемирной истории»¹.

Соглашаясь с автором, сделаем, однако, небольшой комментарий. Во-первых, миграция калмыков, о которой говорится здесь, казалось бы, опровергает положение о невозможности миграции этноса. Но дело в том, что ее вовсе не было в истории, было бегство четырех монгольских родов, причем далеко не в полных составах, в результате междоусобицы начала XVII в.; эти роды через Бухарию докатились до Нижней Волги, где в ито-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 46.

ге их смешения с ногайскими татарами и сформировался калмыцкий этнос. Во-вторых, не следует понимать расселение монголов в Золотой Орде как равномерное от Карпат до Алтая. Они вошли преимущественно в административную систему нового государства, управлявшегося монгольской династией, расселившись главным образом в столице и провинциальных центрах, где составили существенную часть так называемой правящей верхушки государства. Точно такой же характер в свое время носило расселение северной руси в южных районах, только здесь большую роль играло еще и многочисленное торговое сословие, оседавшее в городах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Господство в истории Древней Руси ряда стереотипов, выработанных многолетними трудами русских и зарубежных ученых, держит данную отрасль науки в тупике. Найти выход из него не в состоянии ни представители норманнской теории генезиса Древнерусского государства, ни антинорманисты, в одинаковой степени пребывающие в плену данных стереотипов.

В представленной работе сделана попытка отвлечения от ряда пагубных для науки положений.

Во-первых, мы исходим из того, что I тыс. н. э. было далеко не детством человечества, в том числе для жителей лесной зоны Евразии. Специфика природных условий определила то обстоятельство, что в этом регионе не представлены столь монументальные памятники культуры, какие сохранились в южных районах материка, в силу присущих для них особенностей хозяйственного, бытового и культурного строительства. Это же объясняет скудость памятников письменной культуры. Но такая ситуация вовсе не значит, что мировая цивилизация обошла лесную зону. И уж конечно, пренебрежительное отношение римских авторов к северным варварам никак не доказывает этого. Интенсивные торговые связи Прибалтики, Поволжья и Приуралья с античным миром позволяют утверждать невозможность сколь-нибудь резких контрастов между уровнями развития данных районов. Да и в конце концов I тыс. н. э. куда как наглядно продемонстрировало преимущества экономической, социальной и политической систем северян перед Римом. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на историю Древней Руси.

Во-вторых, отвергаем взгляд на этническую историю человечества как на долгую череду перемещений отдельных этносов с места на место. Этнос зарождается

и развивается на строго определенном месте. Здесь же он, как правило, и умирает или перерождается. Это позволяет иначе оценить этническую ситуацию в Восточной Европе во второй половине I тыс. н. э.

В-третьих, утверждаем, что этносу всегда предшествует территориальное объединение. Отсюда логически вытекает, что не этнос дает имя территории, на которой он проживает, а наоборот. Это позволяет в этнонимах видеть характеристику местностей, занимаемых этносами. Чаще всего они содержат в себе пространственную характеристику, т. е. «адрес» этноса в некой территориальной системе.

В-четвертых, язык является, как правило, определяющим признаком этноса, но он же — наименее стойкий признак. Для его исчезновения не требуется растворять членов этноса в среде более многочисленных носителей иного языка. Для этого нужно лишь изменение политической системы с заменой государственного языка. И тогда новый язык начинает теснить старый в политической, экономической и культурной сферах первоначально в городах, природа которых во все времена полиэтнична, а средством общения в них служит государственный язык, а затем и в ближайших сельских округах. Это позволяет отойти от традиционного для русской истории положения о славянской колонизации севера Восточной Европы, вносящего в нее наибольшее число сомнительных моментов.

В-пятых, вульгарно-классовый подход к истокам государственности, царящий в истории Древней Руси, не оставляет места всемирно-историческим предпосылкам ее возникновения, тогда как Древнерусское государство было результатом крупномасштабных политических и экономических международных процессов.

На этой основе была разработана новая теория прибалтийско-финского происхождения Древней Руси. Это именно теория, поскольку в отличие от норманнской и славянской теорий достаточно определенно демонстрирует свою работоспособность, не нуждаясь в натяжках, как две указанные.

Ее суть заключается в том, что во второй половине VIII в. сложившаяся в Европе, Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке политическая и торговая экономическая ситуация привела к резкому возрастанию роли торговых коммуникаций, проходивших по речным системам Восточной Европы. По этим магистралям из

Средней Азии и Ближнего Востока поступало в Европу остродефицитное серебро и традиционные восточные товары в обмен на рейнские ремесленные изделия, североευропейское железо и олово, меха и рабов.

Протяженность торговых путей и масштабы посреднической торговли были такими, что в Восточной Европе за короткий срок усилились два старых крупных государства (Русь и Хазария) и возникло новое — отпочковавшийся от Хазарии Булгар, куда шли прямые караванные пути из Хивы. Между ними развернулась борьба за увеличение доли барышей, приносимых транзитной торговлей. Она определяла всю политику в регионе на протяжении двух с лишним столетий.

На севере Восточной Европы располагался сплошной массив прибалтийско-финских народов, имевших длительную историю политического взаимодействия. Южная граница их расселения проходила приблизительно по территориям нынешних Латвии, Псковской, Смоленской, Московской, восточная — Костромской, Вологодской и Архангельской областей. В IX в. в регионе создалась ситуация, позволившая сконцентрировать верховную власть в руках одного из сыновей кагана Руси по имени Рюрик. Согласно Иоакимовой летописи и некоторым другим источникам эта власть Рюрику досталась по завещанию верховного правителя словен, веси, кривичей и чуди Гостомысла; по ПВЛ и ряду других документов Рюрик был приглашен названными народами на княжение. Как бы то ни было, власть досталась представителю династии, правившей в сильнейшем в регионе государстве.

Русь, она же Биармия и Гарда, столичной своей частью располагавшаяся в Западном Приладожье, занимала ключевое положение на торговых путях. Отсюда начинались континентальные водные пути со стороны Балтики. Это обстоятельство определяло то, что экономической основой Руси являлась международная посредническая торговля. Отсюда и ее устремленность к контролю над торговыми путями, проявившаяся в том, что еще до Рюрика варяги подчинили себе народы, проживавшие южнее, но через некоторое время были изгнаны, как о том сообщает ПВЛ. После установления власти Рюрика русское купечество получило желаемые преимущества на огромной территории.

С этого времени основной помехой в торговле для Руси делается Хазария, так же как и Русь, посредничающая в торговле Востока с Западом. Завладев Сред-

ним Поднепровьем, хазары отрезали Русь от ее черноморских владений и, очевидно, завладели их частью. Некоторое время Русь торговала по Северскому Донцу, проходившему по хазарским землям, но строительством крепости Саркел Хазария перекрыла и этот путь, вынуждая Русь торговать через посредство хазарского купечества. Но Русь была в достаточной силе, чтобы отстаивать свои интересы. Она изгнала хазар сначала с земель полян в Среднем Поднепровье, а затем и северян, радимичей и вятичей.

Таким образом, территориальный рост Древней Руси отражал увеличение роли русского купечества в посреднической торговле между Европой и Азией. Во второй половине X в. после походов Святослава, разгромившего Булгар и Хазарию, русское купечество монополизировало всю торговлю, проходившую по Восточной Европе. Однако эта монополия оказалась запоздалой, поскольку в это же время начало разрабатываться Раммельсбергское месторождение серебра в Германии, положившее конец дефициту драгоценных металлов в Европе. Это привело к сворачиванию торговли, обеспечивающей целостность Древнерусского государства, и его упадку, выразившемуся в раздробленности.

В заключение же отметим, что предложенная здесь концепция не по всем положениям нова. Так, прибалтийско-финскую природу Руси предполагал еще в первой половине XVIII в. В. Н. Татищев. Этот выдающийся человек своего времени, проявивший себя как историк, географ, философ, экономист и государственный деятель, является в русской истории личностью не менее масштабной, чем М. В. Ломоносов. Но, к сожалению, Татищев-историк мало известен даже специалистам, у которых он сегодня, по выражению одного из крупнейших наших историков, «не котируется». Получилось так, что русская историческая наука, основоположником которой был В. Н. Татищев, ушла от него настолько далеко и не «в ту сторону», что автор этих строк, считающий себя в определенной степени последователем Татищева, имеет большие шансы еще в течение длительного времени оставаться в единственном числе.

Научное издание

Виктор Иванович Паранин

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
ЛЕТОПИСНОЙ РУСИ**

Ответственный за выпуск В. И. Яшков
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор С. М. Паль
Корректоры В. М. Хабибуллина, В. Н. Григорьева

ИБ № 2247

Сдано в набор 08.01.90. Подписано в печать 16.05.90. Е-02106.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 8,24. Уч.-изд. л. 8,32.
Тираж 5000 экз. Зак. 214. Изд. № 4. Цена 2 р. 60 к.
Издательство „Карелия“. 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1,
Сортавальская книжная типография Государственного комитета
Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга, которую Вы держите в руках, посвящена интереснейшему, но и достаточно загадочному периоду русской истории. Вопрос «откуда есть пошла Русская земля» волновал поколения и поколения русских, да и не только русских, ученых, и уже потому по нему существует обширный круг литературы. Тем не менее, предлагаемое издание, вне всякого сомнения, выделяется в нем оригинальностью трактовки многих рассматриваемых положений.

При этом надо отметить, что для читателя взгляд автора на суть некоторых исторических процессов и ряд событий отечественной истории может показаться неожиданным, поскольку его учили совершенно иначе. Далеко не со всем в позиции автора можно согласиться, да это и не обязательно, но многое представляет несомненный интерес. Что же касается непривычности, то новое всегда приходит через ломку стереотипов. Как бы ни была воспринята эта книга каждым конкретным читателем по сути изложенного в ней материала, думается, всеми она будет прочитана без скуки.

Л. Н. Гумилев